

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

№ 40 (46)
1991 г. 1руб.30коп.

иллюстрированный еженедельник

ВЫ НЕ БУДЕТЕ ЧУВСТВОВАТЬ СЕБЯ В ГОСТЯХ —

В БРОКЕРСКОМ ТОРГОВОМ ДОМЕ!

21 СЕНТЯБРЯ 1991 ГОДА В ОПЕРАЦИОННОМ ЗАЛЕ
РОССИЙСКОЙ ТОВАРНО-СЫРЬЕВОЙ БИРЖИ ПРОШЛИ ПЕРВЫЕ
ТОРГИ **БРОКЕРСКОГО ТОРГОВОГО ДОМА.**

ЕГО УЧРЕДИТЕЛИ — БРОКЕРСКИЕ ФИРМЫ И АО РТСБ.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ АКЦИЙ ОБРАЩАЙТЕСЬ В СОВЕТ
БРОКЕРСКОГО ТОРГОВОГО ДОМА ПО АДРЕСУ:
101000, МОСКВА, УЛ.МЯСНИЦКАЯ, 26, ОПЕРАЦИОННЫЙ ЗАЛ РТСБ,
«БРОКЕРСКИЙ ТОРГОВЫЙ ДОМ».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ: 262-86-48, 262-21-53, 262-86-92
ФАКС: 262-31-99

У НАС ВЫ ВСЕГДА МОЖЕТЕ УВИДЕТЬ ТО, ЧТО ПОКУПАЕТЕ,
И КУПИТЬ ТО, ЧТО УВИДИТЕ!

Леонид РАДЗИХОВСКИЙ

КОММУНИСТЫ, ВПЕРЕД?

Леонид Радзиховский.
Психолог, социолог. 16 лет проработал в одном московском НИИ. Последние год — два, наверстывая упущенное, стал самым плодовитым журналистом в СССР.

Жизнь, тем более политика, — качели. Прошла ли уже КПСС нижнюю точку и начнется ли подъем или она просто окончательно слетит в грязь и вверх качели поедут без нее? Главная надежда коммунистов — на капитализм. Да, страна вступает в «ранний», дикий капитализм, первоначальное накопление. Это — период пота, слез, крови. В поте, слезах, крови родился коммунизм XIX века. Родится ли он второй раз на рубеже XXI века?

ЧИСТО МАРКСИСТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Хотя суть тоталитаризма универсальна и никто ее не выразил лучше Оруэлла: «Вообразите сапог, топчущий человеческое лицо — всегда» (а на нашем «новоязе» это обозначилось как «социализм с человеческим лицом»), но формы тоталитаризма бывают совершенно разные. У нас был тоталитаризм марксистский, если угодно — чисто марксистский.

Не зря так боялась советская пропаганда именно марксистского анализа советского общества (Троцкий — Джонилас — Восленский). Ни рассказов об «ужасах ЧК», ни сочинений про «жидомасонский заговор» (их в последние сталинские и брежневские годы почти перепечатывали в партийных изданиях, а с 89—90-го года это стало любимым предметом пат-

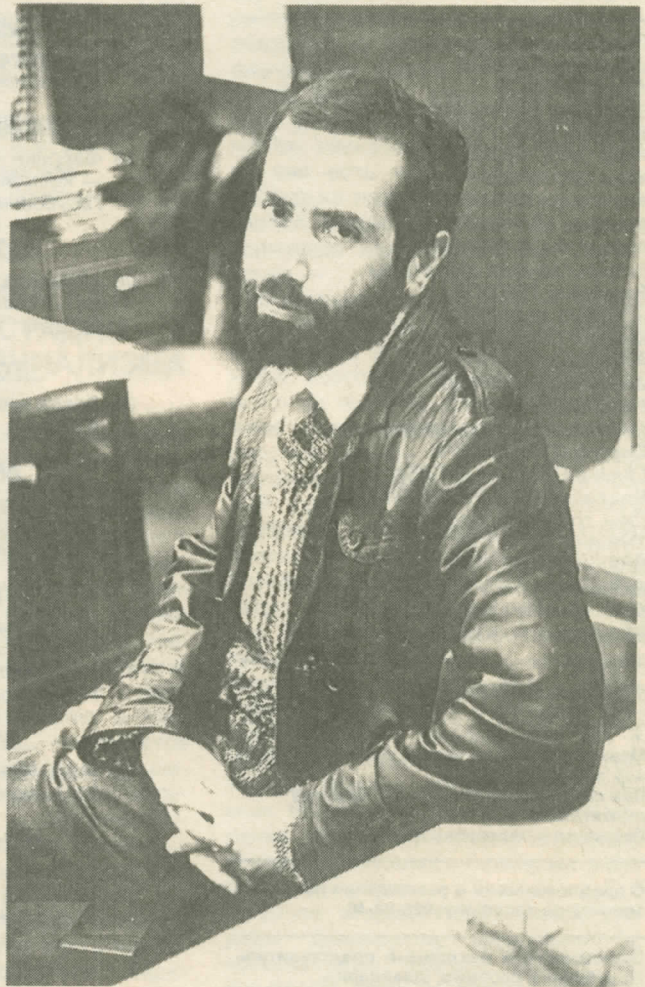

Фото В. Шишова

риотически-большевистской пропаганды), ни диссидентских стонов об утраченных свободах — ничего этого так не боялось начальство, как марксистского социологического взгляда на «социалистическую действительность». Правильно делали, что боялись: общество было скроено по марксистскому лекалу и легко раскрывало свои тайны, стоило задать ему несколько марксистских вопросов.

Любое общество, по Марксу, есть не что иное, как состояние вечной

«холодной войны» эксплуататоров и эксплуатируемых. Эта борьба ведется для того, чтобы перераспределить общественное богатство. Государство есть всего лишь орудие в этой борьбе, орудие классового господства.

Взгляд Маркса был односторонним и потому неверным даже для его времени. Тем более он не отражает картины современного индустриального и постиндустриального общества, где нет ни «чистых эксплуататоров», ни «чистых эксплуати-

Общественно-политический
иллюстрированный
еженедельник

Москва, 101425, ГСП, К-51,
Петровка, 22
Телефон: 928-23-49
Телекс: 413739
Телефакс: 921-29-85

Главный редактор
Андрей МАЛЬГИН

Редакционная коллегия:

Вячеслав БАСКОВ
Юрий БЫЧКОВ
Владимир ВОЙНОВИЧ
Валерий ВЫЖУТОВИЧ
Илья ЗАСЛАВСКИЙ
Марк ЗАХАРОВ
Александр МИНКИН
Аркадий МУРАШЕВ
Анатолий ОСТРОУХОВ
(ответственный секретарь)
Владимир ПЕТРОВ
(главный художник)
Михаил ПОЗДНЯЕВ
Александр ПОЛЯКОВ
Анатолий РУБИНОВ
Петр СМИРНОВ
(зам. главного редактора)
Сергей СТАНКЕВИЧ
Галина СТАРОВОЙТОВА
Владислав СТАРЧЕВСКИЙ
(зам. главного редактора)
Татьяна ТОЛСТАЯ
Владимир ЦВЕТОВ
Владимир ЦЫБУЛЬСКИЙ
(зам. главного редактора)
Владислав ЯНКУЛИН

Учредитель: Моссовет

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции.
При перепечатке ссылка на "Столицу" обязательна.
Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 928-83-40

Эксклюзивный рекламный представитель за рубежом: Ecomews, Швейцария.

Подписку за рубежом осуществляет агентство Ecomews: box 535 Lausanne 1001 Switzerland.

Fax: 41.21—311.45.11
Tel.: 41.21—311.45.05

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст—2000», поставленной фирмой «Аутопан» (ФРГ)
Номер подписан в печать 11.10.1991

Тираж 150000. Цена 1 р. 30 к.
(для подписчиков 1991г. — 95 к.)

© "Столица", 1991

Отпечатано на ордена Трудового Красного Знамени Чеховском полиграфическом комбинате

142300, г. Чехов Московской области. Зак. 1642

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

АКЦЕНТ

- 1 Коммунисты, вперед?
Л.Радзиховский

ВЛАСТЬ

- 6 Нехороший дом
В.Басков

СИЛУЭТ

- 12 Хождение во власть и... обратно
Е.Колесникова

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

- 18 Фабрики — рабочим! А ракеты — космонавтам?
П.Субботин

ПОЗИЦИЯ

- 26 «Демократия? Пожалуйста. Но — после шести»...
Р.Паулс

ГОРОД

- 30 Ловля пескарей в ночном такси
Е.Салина

АРХИВ

- 40 ...Синий-синий, презеленый, красный шар
А.Цирульников

МЫ

- 48 Вниз по матушке, по Волге, или Путевые заметки закоренелого обывателя
П.Смирнов

ПРОЗА

- 59 Мальчики
Ю.Давыдов

АРТ-САЛОН

- 64 Охальник, мечтатель и баламут
Гриня
О.Щербинина

Над номером работали:
В.Старчевский, О.Проханов, З.Петрова

Заведующий отделом оформления
Виктор РЕЗНИКОВ

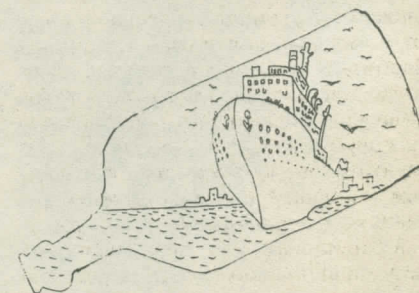
Директор издательства
Борис РАБКИН

12 Почему от В.Щербакова **ИЗБАВИЛИСЬ** при удобном случае?
Все, с кем встречалась автор очерка Е.Колесникова, считают: время таких, как Щербаков, еще не пришло. Он не из тех «вторых», которые заглядывают в глаза «первым», думая лишь об одном — как бы не дернуть тигра за хвост.

30 Какой вопрос первым задают московские таксисты, если изволят заметить вашу безнадежно протянутую руку? Правильно, «сколько дадите?». А счетчик? А счетчик считает...

48 Закоренелый обыватель во время путча плавает вниз (и вверх) по матушке, по Волге, пьет пиво... И при этом еще радуется, что ему не удалось включиться в активную политическую борьбу.

руемых». Нет нужды вести классовую войну — у каждого отдельного человека есть шанс возвыситься или пасть, безотносительно к глобальной ситуации в обществе, безотносительно к тому, преуспевает или терпит поражение «его» класс, класс, к которому он относится, по праву рождения. Государство не является орудием какого-то класса или иной социальной группы, по крайней мере одна из главных целей общества — не допустить этого, и общество с такой задачей, в общем, справляется. И т.д. и т.п.

Но есть одно-единственное в мире общество, которое абсолютно точно описывается по марксовской модели: социалистическое общество (самый чистейший случай — советское общество). Оно и немудрено: как Афина Паллада вышла целехонькая из головы Зевса, так советское общество выкатилось на тачанке, переходящей в танк, из головы бородатого мыслителя. Все, что Маркс писал про капиталистическое, антагонистическое общество (не про экономику, а про социальные отношения!), а Ильич еще добавил про «империализм, как высшую, последнюю стадию капитализма», то и воплотилось в СССР. Ленин слегка ошибся — именно социализм стал высшей, последней стадией капитализма. Только одной, тупиковой, монополюльно-паразитической и загнивающей линией государственного капитализма.

Именно в СССР классы жестоко, наглядно-физически разделены. Только в СССР были чистые эксплуататоры, которые, действительно, не пашут, не сеют, не строят, не также и не управляют, а только воруют и «машину зря гоняют казенную». Пробриться из класса в класс было почти невозможно (разве что путем женитьбы или иного породнения). Государство было орудием эксплуататоров против эксплуатируемых и больше никаких функций реально не выполняло. То есть советский социализм был реальным земным воплощением той идеальной модели социологии капитализма, до какой додумался Маркс. А Сталин и К° стали истинными дьяволами марксизма, то есть его «падшими ангелами». Попросту говоря, марксизм и коммунизм в действии — это использование марксистской схемы в «личных целях».

Марксистская схема анализа общества была придумана — так, по крайней мере, объявлялось —

для сокрушения всего этого «мира насилия» до основания, а затем... А затем — «мы наш, мы новый мир построим — кто был ничем, тот станет всем». Марксисты использовали эту схему единственно реальным человеческим способом — использовали цинично. Точно по этой схеме безжалостной эксплуатации они и построили свой «прекрасный новый мир», в котором именно они, воплощенное «ничто», стали «всем». Это был мир классового антагонизма, доведенный до абсурда. Сверхкапитализм по Марксу — он же коммунизм.

Теперь вопрос: удастся ли товарищам-коммунистам повторить подобную шутку еще разочек?

Для этого надо понять, что же происходит сегодня.

КАПИТАЛИЗМ КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИЗМА

Говорят, что, разрушив социализм, мы начинаем построение капитализма. Это не совсем так. Точнее было бы сказать: мы пытаемся с одной, абсолютно тупиковой и упершейся в обрыв ветки капитализма (коммунизма) перейти на другую ветку капитализма, с которой съехали 7 ноября 1917 года. Однако реально, скорее всего, получится нечто среднее. Будет возвращена в свои права частная собственность (как в «их» капитализме), но постарается остаться и только поперек себя шире обогатиться четкий класс капиталистов-паразитов, эксплуататоров чистейшей марки (как в «нашем» капитализме). Это и будет российская банановая республика.

То есть, если мы пойдем таким путем, то наше общество опять же будет неплохо описываться марксистскими схемами. А значит, люди, умеющие использовать эти схемы в личных цинично-корыстных целях (а иначе, повторяю, их использовать в принципе невозможно), опять имеют свой отличный шанс.

Сейчас мы присутствуем при борьбе трех групп, трех куч коммунистической номенклатуры или — что далеко не одно и то же! — связанных с коммунистической номенклатурой.

Группа первая. Это те «господа-большевики», которые успели (а было у них для этого сперва 70 со-

ветских лет, а потом 4 года «перестройки» после принятия Закона «О кооперации в СССР, которые с лихвой стоят предыдущих 70!) приватизировать «государственную» собственность в свой карман. Вот они составляют самый серьезный отряд нашей «новой буржуазии». Их задача — сохранить награбленное и, главное, получить и дальше возможность именно грабить, т.е. быть чисто паразитическими эксплуататорами. Для этого, как они поняли, не обязательно даже сохранять идеальную форму — госсобственность. Все-таки этот «сыр советский» ребята обгрызли так здорово, что он насквозь светится (хотя еще ох как есть чем подхарчиться на несколько лет). Но, повторяю, оказывается, можно грабить и без такой кормушки, как государство. Достаточно —

а) сохранять монополию — теперь уже монополию мафии частных владельцев и б) сохранить (и упрочить!) состояние вечного дефицита всего на свете (а для этого необходимо «наличие отсутствия» производства, что мы и имеем). При соблюдении этих двух условий есть полный простор для экономического разбоя и социального паразитирования. Раньше грабили в условиях производства без рынка — теперь будут грабить в условиях рынка без производства. Здесь мы, пожалуй, сталкиваемся с некоторым творческим обогащением марксизма, с дальнейшим развитием теории «развитого социализма». Но, в сущности, марксистско-коммунистический подход остается неизблевым. Незыблемо самое главное: деление на эксплуататоров-паразитов и эксплуатируемых — ленивых и заведливых рабов.

Группа вторая. Политические лидеры демократов, вышедшие из номенклатуры (вернее, никуда не вышедшие, если не считать шутки с партбилетом) и сегодня соревнующиеся, кто смачнее плюральнет в поваленную статую Маркса. К нам примыкают и лидеры из числа «тонконогой прослойки» — из числа вчерашней «подноменклатурной» интеллигенции. Впрочем, данная группа очень разнородна. В целом, однако, сознательно или бессознательно она является идеологом нового посткоммунистического капитализма. То, как зверь, воя про коммунистический ГУЛАГ, то плача, как дитя, про неизбежные трудности перехода к светлому капиталистиче-

скому будущему, эта КПСС(б), то есть «капиталистическая партия Советского Союза (бывшего)», в духе плюрализма (кто в лес, кто по дрова) ведет советский народ в его банановый рай без бананов. Провозглашается и рынок, и приватизация, и прочие лакомые заморские кусочки, и «идем за синей птицей мы длинной вереницей» — именно вереницей. Впереди — на «мерседесах» тихие «гномы» номенклатурной приватизации, за ними на черных «Волгах» новые политические лидеры, а дальше пеходралом мы с вами, любезный читатель, как всегда — добровольно, в рваных ботинках и с воплями. Словом, есть те, кто приватизирует, и есть те, кого приватизируют. А вместе — делаем одно общее дело.

ТРЕТЬЯ КУЧА

Ну и, наконец-то, третья группа. Собственно коммунисты-большевики твердой ленинской кладки под лозунгом Троцкого «Социалистическое отечество — в опасности!» (в самом деле?! Слава Богу! Я-то, грешным делом, боялся, что оно уже в полной безопасности — в той юдоли вечного успокоения, где никому ничего угрожать не может...), под портретом Сталина, под руководством Нины Андреевой и Роя Медведева, грозно кружащиеся вокруг своей оси.

Эта группа также страшно неоднородна. Сначала главное, общее, что в них есть. Они не приемлют перевод стрелки: со старого коммунистического капитализма на новый, посткоммунистический, «банановый». Не приемлют по самой веской причине: по причине простой человеческой неблагодарности.

В самом деле — при сохранении любезного им «разлитого социализма» корпели бы над своей химией, платили грошовые взносы и таскали пудовые портреты. За годы же перестройки те, кто раздавал портреты, слиняли. Все они перешли на другую сторону баррикады. «Обком закрыт — все ушли приватизировать». И вот тут-то и вышли из своих подвалов, балдея и щурясь от яркого солнца, андреевы—сергеевы и примкнувшие к ним тюлькины. До них куда как медленно, пробиваясь сквозь толстый, стопудовый страх, дошло наконец-то, что все можно, можно заниматься даже и политической. Путь в политику открыт не одной номенклатуре, но и подномен-

клатурной интеллигенции и даже совсем под-подноменклатурным химикам-неорганикам.

Есть у них и четкая идея. Возврат к старому гулаговскому (точнее, постулаговскому, андроповскому) коммунистическому капитализму, к этому самому «социалистическому отечеству» плюс госбезопасность всей электрифицированной страны. Это — действительно точное повторение старого, ленинско-троцкистско-сталинского большевизма.

Так прямо они и пишут (да еще и в стихотворной форме):

*И вновь на бедных и
богатых
Раздел судьбы.
И значит, вновь топор
когда-то
Возьмут рабы.*

Кстати, куда лучше (главное — точнее) Маркса и Ленина эту идеологию выразил другой специалист по экспроприации, другой «джентельмен удачи» — старый добрый пират из «Острова сокровищ»: «Клянусь громом, мне до смерти надоел капитан! Довольно ему мной командовать! Я хочу жить в капитанской каюте, мне нужны ихние разносолы и вина. Словом, «социалистическая революция, о необходимости которой так долго говорили большевики, — совегшилась!».

Да, сейчас у этой публики впервые может появиться шанс отведать «ихних разносолов и вин».

Сила большевиков, как всегда, — в правде.

Когда они говорят про новую эксплуатацию, про предстоящие преlestи бананового капитализма — они говорят правду.

Когда они говорят про новых (точнее, старых) эксплуататоров, про не очень-то даже и перекрасившихся товарищей из номенклатуры — они говорят правду.

Две правды! Черт побери, да это вдвое больше, чем было у большевиков в 1917 году (тогда у них была одна правда — про войну, а вторую, про землю, Ильич спер буквально в последнюю секунду у своих смертных врагов-эсеров). У них, небось, аж глаза разбегаются — слишком велик выбор правды.

Но у них нет главной правды всех бандитов — нет силы.

Их лозунги вроде бы должны найти прямую дорожку к сердцу народа — ан нет!

Ведь лозунги «грабь» (почему «награбленное»? Все кругом кем-то награбленное, все вокруг — мое!), «защитай трудящихся» и т.д. — они же всегда были близки толпе, разве нет? Конечно, когда о защите трудящихся хэкали и гэкали с трибун жирные номенклатурные коты, то трудящиеся спали на ходу (а кто побойчей, так даже тряслись от злости), все так. Но ведь андреевым-то, с их 200-рублевой зарплатой (или это у Жириновского?), должны, поверить. Они — плоть от плоти, кость от кости. Говорят слова, лживые в устах «тех», но вполне родные в устах «этих». Что еще? Указуют на конкретных врагов — богачей, действительно, в огромной своей массе, спекулянтов и вчерашних номенклатурных бонз. Подумайте: те же самые лозунги «против начальства» с его привилегиями, которые вчера бросали демократы (и на которых они пришли к власти), сегодня бросают большевики — а дело у них что-то не идет! Почему шли бить номенклатуру под водительством Гддяна — Иванова — Афанасьева, но не торопяся идти на «новых» (т.е. тех же старых) богачей под водительством Андреевой — Половодова?

Тут много причин.

Самое страшное — клеймо большевизма. Народ крепенько усвоил: «все зло — от коммунажков!».

Второе — многие все-таки верят в светлое капиталистическое будущее, а еще большее число помнит слишком уж светлое социалистическое прошлое, с «их» пайками-«Волгами».

Это были факторы объективные, от новых коммунистов не зависящие. Есть и субъективные.

СЕМЬ ПАР ЧИСТЫХ-КОММУНИСТЫХ

Слишком они коммунисты — слишком долго ползали на брюхе перед своим начальством. Когда слепому было ясно, что Горбачев все равно доконает — не мытьем, так катаньем — всю их КПСС, они все равно не смели поднять голос против «великого Горби». Все сливки с критики начальства сняли их враги-демократы, которые и впрямь были куда бойчее на язык.

Слишком они плюралисты. Ведь сегодня под шапкой «коммунистов» по-прежнему собраны Андреева и Рой Медведев. Для Медведева Анд-

реева — яростная сталинистка; для Андреевой Медведев — недорезанный диссидент. И даже то, что оба, по слухам, были нормальными стукачами, их слабо примиряет друг с другом.

Вообще среди коммунистов можно выделить несколько групп.

Патриоты. Это в основном сторонники «инициативного съезда» в Ленинграде. Ходят вокруг той же «Памяти», только вот «памятники»-то от них давно отошли. В эту группу можно вписать Андрееву, «неистового экономиста» Сергеева, который себя считает «русским-до-мозга-костей» (чьих?), Тюлькина, Макашова, может быть, прекрасную Умалатову...

Марксисты с человеческим лицом Р.А.Медведева. Здесь и «восходящая звезда» — Борис Кагарлицкий, депутат Моссовета, проживающий в Англии и в троцкистских газетах Соединенного Королевства описывающий ужасы грядущего капитализма и ельцинского фашизма. Из Бориных (надеюсь, он не обидится...) статей англичане узнают такие сведения о «ельцинской России»: «...оппозиции больше нет, даже в прессе. Все видные деятели едины в поддержке правительства и президента. ...В стране царит атмосфера «охоты за ведьмами». Тысячи людей доносят друг на друга... Толпы возбужденных сторонников нового режима ходят по улицам с портретом своего руководителя, требуя наказания «врагов...» (Кстати, объективности ради. Не все марксисты — рой кагарлицких. Несколько особняком стоит в этой среде А.В.Бузгалин, который — прямо скажу! — производит впечатление разумного и порядочного человека.)

Коммунисты-режиссеры типа Кургиняна. Он, впрочем, настолько известен всем, что тут уж добавить нечего.

Ясно, что этой публике сговориться трудно.

«Бочковатостью ребер и комковатостью лап» всех, конечно, превосходят орлы-андреевцы. Но при всей их агрессии и пудовых кулаках они zelo неповоротливы и могут мчать только по проложенной папой-Сталиным прямой, и то время от времени вдруг сдуру приседая перед начальством. Что касается кагарлицких, то при всей их «бесовщинке» их потолок все же — поездка на Запад, пара лекций, пара визитов в американские маркеты. С такими потенциями революцию не делают.

Нельзя всегда паразитировать, иногда надо и рисковать. А кто не рискует, тот... Правильно! Остается в Англии депутатом Моссовета...

Итак, сегодня коммунисты «третьей кучи» (по нашей рубрикации) или коммунисты, называющие себя коммунистами, не имеют больших шансов. Не имеют их даже и грозные национал-большевики, приход которых провозглашал А.Янов.

Вместе с тем окончательный переход к посткоммунистическому капитализму с его прелестями, наглядно доказывающий всем, что в своей критике «демократов» товарищи коммунисты были во многом правы, будет неизбежно пересыпать фигурки политического калейдоскопа. И наиболее перспективной кажется комбинация части «народных демократов» («народных» — в смысле антикапиталистических) и русских националистов. Против — коммунистов, капиталистов, «инородцев» (ясно, нет?), за капитал производящий, но не спекулирующий. Назвал бы «фашистами», но они же придумали уже себе название — «либерально-демократи-

ческие». Только им бы стоило найти себе вождя чуть менее «жириновистого». Лучше всего — переманить кого-нибудь из «крутых демократов», вовремя прыгающих со своего кренящегося корабля.*

Прав ли я в своих прогнозах шансов некоммунистов — покажет эта осень—зима. Надеюсь все же, что не прав, т.е. что восторжествуют бывшие номенклатурщики «первой» и идеологически обслуживающей ее «второй» кучи и примкнувшие к ним спекулянты. Сегодня это единственный путь от наибольшего уродства к все-таки чуть меньшему. Наилучшее из наихудшего. Путь той самой мирной эволюции в направлении мира, о которой мы слышим уже 7 лет, а думаем и того больше... Так что — да здравствуют десять министров-капиталистов!

* Приятно, когда твои предсказания, даже такие простенькие, очевидные, сбываются. Вот и возник первый (не последний!) прообраз такой партии Исакова — Бабурина — Жириновского, спевшихся с Людмилой Зыкиной...

Совместное советско-американское предприятие ПараГраф

предлагает

программные продукты мирового класса

РусскоеСлово - пакет, включающий ведущий в мире текстовый процессор Microsoft® Word 5.0 американской корпорации Microsoft® и комплект программ, обеспечивающий русскоязычную поддержку данного текстового процессора.

Русский Парадокс - последняя версия лидирующей системы управления базами данных Paradox® 3.51 американской корпорации Borland® в комплекте с программой-русификатором и документацией на русском языке.

Русский QUATTRO® PRO - популярнейшие электронные таблицы QUATTRO® PRO 3.0 американской корпорации Borland®, снабженные русификатором и документацией на русском языке.

ParaType - высококачественные шрифты в форматах LaserJet®, PostScript® для программ, работающих в среде MS DOS и MS Windows, а также для программ компьютеров марки Macintosh.

МАСТЕР - русскоязычная интегрированная система.

ЛЕКСИКОН + ОРТОДОК - текстовый процессор с программой проверки правописания в русском тексте.

Наш адрес: 103051, Москва, Петровский бульвар, 23.
Телефоны: (095)-200-25-66; 924-17-81; 200-03-90.
Факс: (095)-928-27-68.

Вячеслав БАСКОВ

НЕХОРОШИЙ ДОМ

Если гражданская война и начнется, то первые залпы москвичи услышат из дома № 13 по Тверской. Или из музея Ленина, который с боем придан Историческому музею, но придан ли? Верить ли? Окончена ли битва за него? Нет, наверное, полетят стекла в окнах самого белого дома на площади Свободной России... Стреляться будут наши любимые демократы между собой — не за идею, а из-за наследства, оставленного КПСС.

Почивший богатый дядюшка не оставил завещания. Да, честно говоря, у него нет и прямых наследников — все племянники. Верховный Совет РСФСР, Моссовет состоят главным образом из бывших коммунистов, давно или недавно положивших партийный билет на стол. А есть среди них такие, кто до сих пор еще числит себя в рядах коммунистической партии СС, только не знает, куда нести партийные взносы. Так что у всех племянников права на наследство равные.

А наследство — огромно. Оно неисчислимо, его невозможно пронумеровать, занести в реестр и оценить. Правда, иные расторопные репортеры время от времени бросают в народ захватывающие дух сенсации, вроде той, что, дескать, гараж московской партийной организации оценивается в 42 миллиона рублей. Уверю вас, эта цифра взята с потолка. Настоящая стоимость гаража горкома партии по меньшей мере в пять раз выше. Сделан он капитально, как нам и не снилось, машины в нем первоклассные, бронированные, оснащение гаража — ультрасовременное, и сколько в нем сменилось тех редкостных машин, и какие совершенно незаслуженные льготы перепали шоферам, и сколько прошло через тот гараж тех шоферов и прочего обслуживающего персонала, один бог знает. Однако как только гараж захватила команда президента РСФСР, тут-то и начались ехидные вычисления, сколько стоит сия малая часть наследства...

По мнению московских демократов, музей Ленина должен быть достаться не поклонникам Ленина и

тем более не российским демократам, а московским демократам. Здание СЭВ (советская его часть) — московским же. Но российские не желали отдавать СЭВ москвичам. Ожидалось, что первые взрывы гражданской войны потрясут именно здание СЭВ: по имеющимся сведениям, президент России подписал сначала указ о выделении советской части СЭВ — Москве, а потом подписал указ противоположного содержания — о дарении советской части СЭВ Совету Министров РСФСР. Совет Министров РСФСР уже чуть раньше вызвал праведный гнев московских демократов тем, что захватил комплекс зданий ЦК КПСС и Дом политпросвещения — якобы под библиотеку. Ненасытный какой-то Совет. На спецсовещании, где встретились главы Москвы и России, председатель Совета Министров РСФСР, чье место в то время было в белом доме, был доведен до белого каления упрямством московских товарищей по убеждениям — и заявил, что больше не может! не может! и подает в отставку!

В отставку он так и не ушел. После заявления об отставке он некоторое время вел прием иностранных делегаций, радушно улыбаясь через силу и весь отдавшись тревоге, не делят ли в эту самую минуту без него какой-нибудь особняк, который ему, черт возьми, страшно понравился. Потом перешел на работу в «союзные структуры». Однако после его такого решительного заявления, которое тут же кинулись комментировать взахлеб зарубежные радиостанции, дома, домины, домищи, особняки и прочие атрибуты наследства ненадолго повисли в воздухе. И, воспользовавшись короткой передышкой в схватке за имущество, заговорили так называемые трезвые головы: а не правильнее ли было бы решить судьбу имущества ЦК КПСС судом? Наивные трезвенники! Как будто у суда и без того мало работы и судьи сидят, зевают, а в перерывах пьют чай с пирожными. Да в стране нет такого количества судов, чтобы присудить демократам каждый партийный дом, сад и огород.

ХВАТАЙ И ВЛАСТВУЙ!

Имущество ЦК КПСС не поддается ни суду, ни описанию. Бедные демократы об этом не догадываются. Они вышли из народа и поднялись на высшую ступень власти на волне защиты граждан от произвола работниц РЭУ. За семьдесят четыре года правления коммунисты обязались не только недвижимостью (дворцами, особняками, кремлями, монастырями, санаториями, жилыми массивами), но и собственным, не пересекающимся с общедоступным, наземным и воздушным транспортом, собственным бытовым и коммунальным обслуживанием, своим здравоохранением, своей торговой сетью, изолированными местами отдыха, секретной связью... Не удивлюсь, если вдруг окажется, что для них вещало какое-то неведомое нам доселе телевидение. Словом, коммунисты создали целый мир, населить который одному поколению демократов едва ли удастся. Но если и дальше так пойдет и выходцы из партии не прекратят ожесточенных схваток из-за каждого дома и телефонного аппарата, вполне возможно, что в борьбу за наследство будет вовлечен весь большой и не совсем дружный советский народ. Сейчас по обе стороны баррикад бойцов-демократов не так уж много и силы их примерно равны...

Надо вам сказать, уважаемые читатели, защитники демократии, что время изменило наших любимцев. Их не узнать! В доме № 13 по Тверской, когда-то хорошо известном каждому москвичу под названием Моссовет, — уже не Моссовет. Не все москвичи об этом знают, потому что если прежде, при коммунистах, в Моссовет мог войти каждый человек, предъявивший паспорт с московской пропиской, то теперь, при горячо любимых демократах, в дверях там сбили из досок бюро пропусков. Войти внутрь дано лишь тому, кому заранее заказан пропуск. А какой же нормальный демократ закажет пропуск москвичу, у которого в квартире уже несколько дней засор, если до того демократа элементарно не дозвониться? Время от времени не пускают внутрь даже журналистов. Так что дом № 13 по Тверской с течением ко-

роткого времени стал неузнаваем.

О кое-каких принципиальных изменениях население города извещали. О том, например, что теперь Моссовета нет, а есть Моссовет — где заседают депутаты, и отдельно — Мосгорисполком, где депутатов нет и быть им там запрещено, чтобы плохого начальника можно было легко и просто наказать, как любого плохого работника, и чтобы не мешала этому его депутатская неприкосновенность. «Столица» радостно приветствовала принципиальность новых хозяев дома № 13 (см. «Дневник юнкера» — № 2, 1990 год). Но сразу же и выразила сомнения: нуждается ли город в таком огромном и бюрократичном Мосгорисполкоме? Не слишком ли много начальства для одной Москвы?

Однако надо вам сказать, уважаемые читатели, защитники демокра-

тии, что дом № 13 на Тверской — нехороший дом. Всякого, кто в него попадает, неодолимо охватывает страсть к размножению. Не в том смысле, о котором вы подумали, — к тому смыслу там как раз ничто не располагает. Под размножением имеется в виду вечная страсть коммунистического Моссовета реорганизовываться. Бацилла реорганизации там носится по коридорам. Демократы ею надыхались. И теперь вместо Моссовета, вместо Моссовета и Мосгорисполкома в доме № 13 находятся Моссовет и мэрия. Но мэрия — это не Мосгорисполком. Исполнительный Мосгорисполком перед мэрией кажется букашкой. И вот мэрии-то, уважаемые читатели, дядюшкино наследство необходимо позарез.

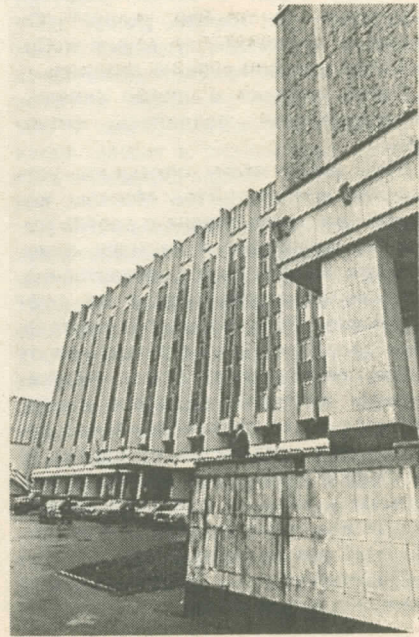
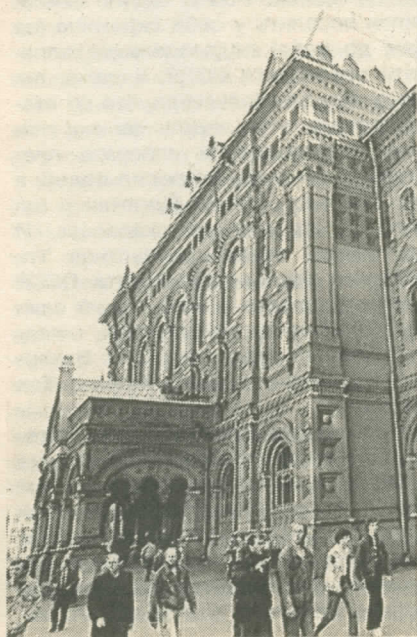
Сегодня дом № 13 находится в опасности: он в самом деле может

не выдержать очередной реорганизации и треснет по швам. Потому что там, где когда-то восседал один председатель Моссовета со своей свитой, теперь — председатель Моссовета, мэр и вице-мэр. Казалось бы, вместо одного городского головы стало всего лишь три. Но, уважаемые читатели, защитники демократии, в три раза увеличилось свиты (по-старорежимному — штаты). Дом № 13 намереваются оставить одним только депутатам — Моссовету. Москве предстоит принять новые бюрократические структуры: мэрию и вице-мэрию.

Мэрия — это: Городская Дума, Городское Собрание, Управление Делами и Департамент Мэра.

Вице-мэрия — это: Отдел Вице-Мэра и Правительство Москвы.

Как может мэрия вместиться в какое угодно просторное здание, если

только одно Управление Делами мэрии — это: Управляющий с несколькими Заместителями, а Заместителям подчиняются: Аппарат вице-мэра, Аппарат городской думы, Аппарат городского собрания, Приемная, Комитет по делам средств массовой информации (странное подразделение — какие-то «дела» у московской мэрии могут быть со средствами массовой информации, когда в стране действует Закон о печати, провозгласивший независимость прессы?!), Комитет внутрисоюзных и межрегиональных связей, Управление зарубежных связей, Управление кадров, Организационный отдел, Общий отдел, Государственно-правовой отдел, Протокольный отдел, Контрольно-аналитический отдел, Отдел информации и, наконец, Управление материально-технического обслуживания?

Это, повторяю, только одна клеточка мэрии! Неудивительно, что именно Управление Делами мэрии стало первым новоселом в опустевшем здании СЭВа.

Но ведь надо же еще куда-то, уважаемые читатели, защитники демократии, посадить Городскую Думу для ее высоких дум о городском мусоре и почтенное Городское Собрание. Куда же? Но тогда возникает другой насущный вопрос: куда же, простите, деваться Совету Министров РСФСР, который тоже размножается и чей бывший Председатель пережил что-то страшное от тесноты в белом доме и от непонимания, а теперь сидит в своей «союзной структуре» и тяжело дышит? Он сошел с дистанции, но мэрия и Совет Министров никуда не девались.

Очень трудная и, прямо сказать, революционная создалась ситуация...

Если же я начну описывать устройство правительства Москвы, которое органично входит в состав мэрии, но подчиняется не мэру, а вице-мэру, являющемуся, естественно, премьер-министром (какое же правительство без премьер-министра!), и которое нуждается в отдельном от мэрии помещении, то, боюсь, вы, уважаемые читатели, сделаете вывод, что мэрии с ее клеточками всего дюжонкиного наследства не хватит. И вы будете правы. Но самое удивительное в этом то, что куда бы мэрия ни въезжала, прежних своих помещений она не оставляет.

«Помещения» — слабо сказано! Коммунистический Моссовет пух и

рос на посмешище всему свету. Управления превращались в Главные управления, Главные — в Комитеты... Помимо дома № 13 на Тверской Моссовет выселил и оккупировал многоэтажные жилые дома в самом центре города, лучшие особняки. Борьба журналистов против разбухания Моссовета окончилась на той стадии, когда весь центр города превратился фактически в нежилой район. Все тут занято учреждениями Моссовета и — с его одобрения — КГБ, армией и министерствами. Но грянула Перестройка, закончившаяся Перестрелкой, и — тут в дополнение ко всему, что было в распоряжении Моссовета, родилось Правительство. Уж не говоря о мэрии. Выходит, приход демократов к власти был исторически нужен только для того, чтобы завершить начатое коммунистами.

А еще существует президент со своим Аппаратом, в котором, ходят слухи, несколько тысяч служащих и всех их возглавляет бывший московский начальник, чрезвычайно разносторонних дарований. То он занимался строительством, то возглавлял городскую плановую комиссию, то сам бывший Моссовет, а теперь — мажордом. И вот этот реактивный мажордом позарился, если не ошибаюсь, на бывшее здание Министерства медицинской промышленности СССР, что на углу проезда МХАТ и Тверской. Но мажордом не учел, что дом Минмедбиопрома находится в ведении РЭУ-2 Фрунзенского района. Начальник РЭУ-2 охотно согласился поселить у себя скромное (на дом до неба) подразделение аппарата президента СССР, и даже, видимо, ему это польстило, что он станет каждое утро видеть своими глазами секретарш из аппарата президента. Он лишь попросил ордер, а вот как раз розовой бумажки у нашего мажордома не оказалось. И где теперь витает несчастное Управление Делами президента СССР (так его, знаете, жалко, такое важное народнохозяйственное подразделение!), один бог знает. Наверное, теснится в древнем Кремле. Так жалко!..

А как жалко гигантский дом, который построили на Пушкинской улице напротив прокуратуры СССР и в котором некогда располагался Госстрой СССР! Сперва в нем, с подземным гаражом, располагался его величество Госстрой, потом Госстрой куда-то девали и дом занял его ве-

личество Кабинет Министров СССР, возглавляемый Павловым. Теперь Кабинета Министров СССР не существует, а его предводитель в ожидании решения своей судьбы. Но что же дом? С подземным гаражом?.. Может, поселить в него обиженных из мэрии, Моссовета, правительства Москвы, правительства России, аппарата президента СССР, аппарата президента РСФСР... — обиженных теперь мно-

го. А что, если сделать проще: приостановить расширение управленческих структур? И сделать это, не доводя дела до гражданской войны? Мы не рабы, нам не требуется такое число надсмотрщиков.

В стране недостаточно свобод. Не отменена, например, статья Уголовного кодекса, карающая за предпринимательство. Не решен вопрос с армией — быть ей профессиональной или остаться колонией для невинных. Ограничен доступ к информации, игнорируется Закон о печати, в котором сказано, что любой государственный служащий обязан давать информацию. Первыми Закон о печати нарушают те, кто звал нас день и ночь к белому дому в те три дня и ночи. Причем нарушают открыто, а не как-нибудь по неведению, это подтвердит любой журналист, который попытается оповестить своих читателей о том, что происходит в местах скопления демократов. А о заводах и фабриках и говорить нечего: иные тамошние обитатели попросту бросают трубку, услышав голос журналиста. Страна погружается во мрак невежества и дезинформации. Как и прежде, монополистами на информацию оказываются немногочисленные люди, новым порядком утвержденные на новых должностях, сидящие в новых кабинетах и домах, куда вход запрещен и чьи телефоны никому не сообщаются. Вместо информации в газетах идет смакование выборочных фактов, которые обычно добыты на публичных пресс-конференциях. Туда со всей Москвы слетаются журналисты — советские и иностранные. Оттого и газеты одинаковы и пишут об одном и том же почти одними и теми же словами...

Работы у новой власти много. Но она, как и ее предшественница, изолирует себя. Мы готовы ей помогать. Мы даже защищали ее. Без бронешилетов.

Только бы не привела она нас к гражданской войне...

Григорий КРОШИН

ОТ ИМЕНИ ВСЕХ САНТЕХНИКОВ СТРАНЫ...

«...Выбери меня,
выбери меня...»
(такая песня)

Чего-то выборов ужасно хотца! Как-то вдруг со всей отчетливостью подкатило: чего-то остро не хватает мне в этой жизни. Покопался в себе, взвесил все «за», «против» и «воздержался» и чувствую — ну, не могу больше, чтоб кого-нибудь куда-нибудь не выбрать. Хотца, и хоть ты тресни! Даешь выборы! Причем не абы какие, а просто нестерпимо возжелалось прямых, на альтернативной чтобы основе да еще непременно снизу доверху. Тут иногда раздаются мнения, что, дескать, народ устал от этой проклятой демократии, очумел уже от теледебатов да комментаторов, проявляет полный ноль внимания к всяким митингам да рейтингам, а уж на еще одни выборы его вообще не поднять... Не знаю. Меня, например, поднять: прямо так магнитом и тянет в какую-нибудь урну что-нибудь этакое опустить. Хлебом не корми, мясом и сахаром не корми, а дай проголосовать. Ведь уже исполняется несколько месяцев, как не голосовал. Тоска-а-а...

То ли дело чуть-чуть ранее. Выхожу из метро — толпа у плаката. Один дергает за рукав:

— Ты за кого решил?

— Я за этого... как его... в общем, за историка.

— Че ты?! Я — за сантехника. Наш человек!

— Не. Я — за историка. Он бывший диссидент.

— Сидел, что ли? Тогда и я за него буду.

— Нет, не сидел. Книжки писал.

— А-а, не сиде-ел... Тогда я — за сантехника.

— И зря. У этого книжки были — закачаешься. Про Сталина.

— Диссидент, говоришь? А книжки, конечно, запрещали?

— Да нет вроде. Издавали...

— Издавали? Не-ет, я лучше — за сантехника. Наш человек!

И хотя в точности мы, конечно, не знали и не ведали, зачем, куда и для какой примерно работы выбираем (демократия-то у нас еще была «молодая», «нарождающаяся»), благополучно отправили мы в парламент наших избранных — и диссидента-историка, и коммунистаксиста, и «нашего человека» — сантехника. Пушай там! А для какой цели их туда послали, они и сами не знали, но, вижу, замелькали на голубом экране, как штык. И причем все больше — от микрофона:

— Я, как историк, — этими словами, чтоб не забыли, начинает любимую свою речь бывший диссидент.

— Я, как сантехник, от лица всех сантехников страны...

— Я, как водитель такси (не путать с таксистом), от имени всего рабочего класса заявляю...

Словом, хороших ребят выбрали, нечего сказать. Правда, что они там, в парламенте, поработали, мы с вами, уважаемый читатель-избиратель, хлебаем уже третий год... Ну что ж, мы сами и виноваты: как-то в суматохе не учли одного пусячка — историки, таксисты, сантехники и прочие кухарки самого высокого экстра-класса — это еще, оказывается, не обязательно столь же классные законотворцы. Это как бы совсем другая профессия, **парламентарий**... Две большие разницы, как говорят в одном веселом городе одной суверенной республики.

А мы что, разве этого не знали—

не ведали, когда выбирали? Похоже, что так. Анатолий Александрович Собчак сказал мне года полтора назад примерно так: «Мы не умеем выбирать, понимаете? Просто-напросто не тех выбрали. Многие депутаты Ленсовета, например, ничего не умеют. В своей додепутатской жизни они, как правило, не работали как надо, а потому свое теперешнее депутатство воспринимают как... трудоустройство. Поэтому они в панике, если вдруг их этой синекуры лишат. Куда ж они денутся?..»

Да, а мы-то как считали: раз на митинге у него голос громкий и раскатистый, раз слова изрекает «наши», значит, это как раз тот, кто нам нужен, большой демократ: давай его в депутаты! А куда ж еще-то его такого?..

Ну ладно, это все было когда-то, хотя и недавно. А нынче-то мы вроде поумнели слегка. Это тогда мы с вами не знали—не ведали. Сейчас уже и знаем, и ведаем прекрасно, с какой целью в парламенты депутатов посылают, верно? Уж теперь-то мы!..

И что же теперь? А вот что: опять представился тут недавно случай кое-кого кое-куда делегировать. Правда, к сожалению, не мне представился, а опять же им, избранныкам нашим. Последний (царство ему небесное!) внеочередной 5-й Съезд народных депутатов СССР решил, если помните, что парламенты республик с а м и назовут своих полномочных представителей в Верховный Совет СССР, пока тому еще не «царство небесное»... То есть резко улучшенный состав новых законодателей соберем наконец-то из зна-

чительно более дельных, хотя и не менее народных депутатов, которые уже, разумеется, твердо будут в курсе, будут точно знать и ведать, с какой стати их, собственно, туда избрали.

По крайней мере российские парламентарии, похоже, в курсе. Сам видел, своими глазами наблюдал, присутствуя на журналистском балконе, когда утверждал российский парламент списки рекомендуемых в парламент союзный. Могу самолично засвидетельствовать, как дело было...

...Председательствующий: ...А-а, дальше идет народный депутат Нунов, так. Это наш депутат, так. Правда, иногда говорит, как не наш... Прошу голосовать.

Проголосовали. Решение принято.

Председательствующий: Так, Выучейский, депутат СССР... (крики с места). Нет, это не наш депутат, это другой Выучейский, депутат Союза... (крики с места). А наш — кагэбэшник... Что, не поняли? Переголосовать? Кто не понял? Так. Все, что ли, не поняли?

Крики с места: Все-е-е!

Переголосовали. Решение принято.

Депутат (от микрофона): Товарищи депутаты! Давайте выберем женщину. А то у нас одна Гаер...

Другой депутат (от другого микрофона): Товарищи депутаты! При чем здесь женщины? Мы же выбираем не женщин, а членов Верховного Совета!

Проголосовали. Решение не принято...

Депутат (от микрофона): Прошу проголосовать за нашего кандидата вместо ненашего. У нашего масса достоинств: во-первых, у себя в округе он много сделал, чтоб президентом выбрали Бориса Николаевича!

Проголосовали. Принято...

Депутат (от микрофона): Хочу рекомендовать такого-то. Он во время путча правильно себя вел!

Проголосовали. Принято...

Депутат (от микрофона): Поддержим кандидатуру! Он изо всех сил агитировал за Бориса Николаевича! Наш человек, демократ!

Принято...

Депутат: ...Во время путча хорошо себя проявил!

Принято... И так далее. Дстойные кандидаты.

Наши люди. Демократы. Еще бы — за Бориса Николаевича дрались, в дни путча героями оказа-

лись... И как-то впопыхах подзабыли, куда и зачем выбираем... Напрочь упустили из виду, что там предстоит не просто нажимать кнопки за Бориса Николаевича или Гавриила Харитоновича, да и геройство свое путчевое не каждый день использовать удастся. Там ведь, в этом самом парламенте, придется законы разрабатывать. А это ж, братцы-герои путча, са-а-авсем друго-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-о-е-дело...

Для того чтобы это «другое дело» квалифицированно делать, надо бы кое-что специальное иметь в своем заглавнике. Ну, например, не помещала бы юридическая квалификация. И опыт парламентской практики. И владение риторикой, логикой, трезвым рассудком. И умение убеждать оппонента, обходясь по возможности без рукоприкладства и бранных слов. И сноровка определенная, и способность трудиться, так сказать, не покладая... И другая прочая компетенция. А не просто «демократическая ориентация», которая еще непонятно что это такое. То есть не просто «наш» — «не наш»...

...Депутат (от микрофона): Предлагаю его избрать!

Крики с места: А кто это такой?

Депутат: Ну, как же... Это ж член нашего ВС!

С места: Пусть встанет, покажется всем, что-то его не помним в лицо.

Депутат: Ну, как же!.. Он просто здесь редко бывает, вот его никто и не видел никогда... А так — он наш человек, демократ...

Проголосовали. Принято. Ну, в самом деле, отчего ж не принять, раз такой демократ? Правда, не пришло как-то никому в голову: если он, член парламента республики, здесь почти не бывает, почему решили, что в том, верхнем парламенте, он будет бывать чаще?.. Но что это я в самом деле? Руки прочь от нашего! От демократа!!!

Но — чу! Слышу вдруг трезвый голос председательствующего.

Р.Хасбулатов: Уважаемые депутаты! Призываю вас проголосовать за Варова, которого вы все хорошо знаете. Очень толковый юрист. А там очень нужны толковые юристы. Прошу голосовать.

Проголосовали. Решение не принято... Оказывается, не угадал председательствующий: не нужны там, видать, юристы. Тем более — толковые... А он, председательствующий, опять за свое:

— Уважаемые депутаты. Настоятельно рекомендую проголосовать за Шелова-Коведяева. Очень полезно работающий депутат. Голосуем.

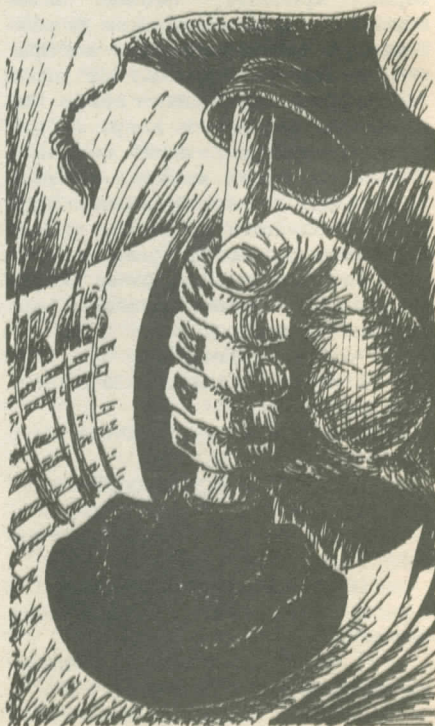
Проголосовали, что нам, трудно, что ли. Решение НЕ принято... Снова осечку дал председательствующий: никому не нужен, оказывается, работающий депутат. Тем более — полезно... А вообще-то правильно поступили депутаты. Нечего. Пусть сначала этот Шелов-Коведяев галстук-бабочку снимет, перестанет выпендриваться. Да и с фамилией у него какая-то раздвоенность... Нечего!

И так далее. Отвергнуты безжалостно и принципиальные, толковые и полезные, знающие и активные, логичные и убедительные...

В общем, посмотрел я на все это и понял — тоска-а-а...

Вот я и говорю: дали бы лучше мне, что ли, проголосовать за кого-нибудь. Уж я-то знаю теперь и ведаю в точности, кого выбрать вместо этих «наших» и «ненаших», «героев путча» и «диссидентов-историков». Прямо так и подмывает опустить что-нибудь в урну, чтобы решить эти кадровые вопросы раз и навсегда. Очень хотца!..

Рис. К.Рыбалко

СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ

БАНК
МОСКВА

**НОВЫЕ ВРЕМЕНА
НОВЫЕ ЛЮДИ
НОВЫЕ УСЛУГИ**

**МОСКОВСКИЙ БАНК
СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО БАНКА РСФСР**

**СОВЕРШАЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КРЕДИТНО-РАСЧЕТНЫЕ
И ВАЛЮТНЫЕ ОПЕРАЦИИ**

ОБСЛУЖИВАЕТ	<i>советских и иностранных граждан</i>
ОТКРЫВАЕТ	<i>и ведет счета, осуществляет расчетно-кассовое обслуживание юридических лиц</i>
ВЕДЕТ	<i>расчеты в рублях и СКВ</i>
ПОКУПАЕТ	<i>свободно конвертируемую валюту по туристическому курсу, как наличную, так и безналичную</i>
ПРИНИМАЕТ	<i>платежи и выручки в СКВ с зачислением поступивших сумм на валютные счета организаций</i>

Валютное обслуживание осуществляется
в следующих отделениях Сберегательного банка РСФСР г.Москвы

Отделение	№ филиала	Адрес	Телефон	Номер валютного кор. счета в ОПЕРО Московского банка Сбербанка РСФСР МФО 201906
Гагаринское	7970/01080	ул.Лобачевского, 2	432-58-74	070505
Дзержинское	7811/01531	Олимпийский пр-т., 10/2	288-46-78	070204
Бабушкинское	7974/01533	Анадырский пр., 21	472-67-86	070709
Советское	7979/01529	Чертановская ул., 32, к.1	314-61-11	070301
Таганское	5289/01526	Волгоградский пр-т, 1	276-33-01	070602
Тушинское	7973/01519	ул. Свободы, 65	497-66-09	070903
Хорошевское	7972/01528	Неманский пр., 9	942-36-24	070806
Черемушкинское	7980/01534	ул. Обручева, 28, к.5	434-66-05	070408
Калининское	6901/01530	ул. Авиамоторная, 51	273-52-48	070712
Куйбышевское	5281/01520	ул. Стромынка, 19	269-44-33	070411
Ленинское	7812/01525	Ленинские горы, МГУ	939-59-72	070110
Первомайское	2695/01524	Средн. Первомайская, 38/7	463-97-70	070615
Пролетарское	1564/01534	ул. Гвоздева, 7/4	272-21-10	070013
Фрунзенское	7982/01536	ул. Черняховского, 9а	152-76-58	070314
Кировское	7981/01539	ул. Советской Армии, 17	289-12-81	070220
Севастопольское	8181/01540	ул. Профсоюзная, 43/2	331-31-01	070819
Люблинское	7977/01538	ул. Юных Ленинцев, 37	178-91-47	070217
Сокольническое	7969/01522	Астраханский пер., 9	280-96-16	070518
Железнодорожное	8180/01542	ул. Новая, 10	484-58-50	070521
Зеленоградское	7954/01541	Зеленоград, кор. 601	535-84-35	070822
Московское (только для юридических лиц)	8373	Сретенский б-р, 1/4	924-36-21	070916

Дополнительную информацию можно получить по телефону: 246-84-61

Фото Э. Кудрявицкого

Елена КОЛЕСНИКОВА

ХОЖДЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ И... ОБРАТНО

В июне, после заседания Кабинета министров СССР, я подошла к Владимиру Щербакову и попросила об интервью.

— Речь пойдет об экономике? — уточнил Владимир Иванович.

— Нет. О вас...

В ответ он как-то иронично хмыкнул, но согласие дал. В намеченный день беседа не состоялась. Встретились мы гораздо позже, в сентябре, когда Щербаков уже не был первым заместителем премьер-министра.

Меня этот человек каждый раз, когда доводилось присутствовать на заседаниях Кабинета или на проводимых им совещаниях, удивлял бесконечно. Других, судя по выражениям лиц, возмущал либо, что тоже случалось, восхищал. Равнодушных не было. Казалось, в безукоризненно отлаженной системе «всплытия наверх» произошел необъяснимый сбой. Хотя на самом деле никаких сбоев не было — система отчасти поменяла критерии отбора. И среди людей, воспитанных на чиновных нравах, на негласных правилах аппаратного поведения, вдруг появился руководитель, в сущности игнорирующий и эти нравы, и эти правила.

Он открыто возражал премьеру (не говоря уж о постоянных спорах с остальными членами Кабинета), высказывал личное мнение по любому волнующему его вопросу, мог вы-

ступать несколько раз подряд, чего другие замы никогда не позволяли, и, без сомнения, обладал незаурядным даром убеждать. Вероятно, он чувствовал, что выступления эти у многих вызывают глухое раздражение, но делал вид, будто ничего не замечает. Вдобавок Щербаков любил пошутить, держал себя свободно, уверенно, и порой создавалось впечатление, что хозяин положения он, а не Павлов. Такого прежде никто себе не позволял.

Пожалуй, Владимир Иванович был одним из немногих в союзном правительстве, кто действительно поддерживал рыночные структуры. Биржевики за помощью обращались к нему, управляющие коммерческими банками — тоже, предприниматели — опять же к Щербакову.

— Отнять и разделить — тут мы все классики, всю жизнь только этим и занимаемся, — такие речи произ-

носил первый зам премьер-министра на встрече представителей бирж и торговых домов. — Пора самим создавать, господа!

При этом прогрессивный Щербаков не совершал никаких прогрессивных с точки зрения политиков акций — не выходил из партии, не примыкал к демократам, не осуждал консерваторов и вообще избегал политических интриг. В аппарате сложилось мнение, что этот человек пойдет далеко. Судьба, как известно, распорядилась иначе. Но прежде чем ответить на вопрос: отчего молодой, энергичный, жаждущий перемен член правительства в критический момент не перешел на другую сторону баррикад (если он вообще принял чью-то сторону), позволю себе краткое отступление.

Если бы заседания Совета, а затем Кабинета министров СССР показывали по телевидению, как сес-

сии союзного парламента, зрители, уверена, испытали бы более сильное потрясение. Один лишь эпизод — когда Н.Рыжков пытался выяснить у министров, сколько рулончиков туалетной бумаги приходится, деликатно выражаясь, на одну среднестатистическую советскую и американскую душу и куда эта злосчастная бумага у нас девается (уж не едим ли мы ее вместе с колбасой), — этот эпизод кого-то насмешил бы, но большинство зрителей наверняка впали бы в уныние. Вот чем они там, «наверху», занимаются, да еще с такими серьезными лицами.

Прямая трансляция быстро составила бы все точки над «и» и в отношениях к кабинету Павлова. Это мы сейчас утверждаем, будто всем все было ясно сразу. Отнюдь не всем и не все. А вот прямой эфир быстро помог бы разобраться, «кто есть ху» в новом правительстве (и кто там действительно новый), перестали бы ожидать якобы грядущих экономических реформ «сверху» (ждать их было не от кого), не питали иллюзий насчет подписания Союзного договора (подписывать им было невыгодно). Наконец, поняли бы, что третья сила, пророчески предсказанная «Литературной газетой», — это и впрямь Павлов вкупе с другими членами Кабинета. Из-за келейности работы правительства только ограниченный круг людей видел — потрясенный накануне подписания Союзного договора не миновать. И тот же ограниченный круг посвященных понимал: событий типа августовских можно было бы избежать при одном условии — если бы место премьера после Рыжкова занял человек другой формации. Например, Щербаков. Да он и должен был сесть в это кресло.

— Во многом, что произошло, и ты виноват, — сказал Щербакову Александр Николаевич Яковлев спустя пару недель после путча.

Стоит ли воспринимать его слова буквально? На мой взгляд, дело все-таки не в конкретной личности, а в явлении, которое пора проанализировать.

— Меня приглашал Силаев замом — я не пошел, — рассказывает (разумеется, после путча) сорокалетний профессиональный экономист, имя которого широкому читателю пока ни о чем не говорит.

— Звали в российское правительство заместителем министра — подумал и отказался, — без сожаления вспоминает тридцатишести-

летний юрист и, словно сговорившись с предыдущим моим собеседником, приводит знакомые доводы.

Щербаков тоже отказался занять место союзного премьера. Яковлев об этом знал, за это и упрекнул...

При внешне значительных кадровых переменах государством управляют, как ни парадоксально, все те же люди. Одних вовремя пригласили в «демократическую команду», других весьма кстати изгнали из партийной, третьим чутье подсказало, на кого делать ставку. Но у руля практически не появилось тех, кто в спешке не поменял идеалов, кто не успел обрасти в застойное время партийными либо должностными связями, а они нет-нет да и напомнят о себе не самым приятным образом, и начинается настоящая чехарда при раздаче постов. Нет и таких, кто дело ставит выше политики.

Глянешь на иных руководителей в городах, республиках, государстве, и хочется воскликнуть: «Ба, знакомые все лица!» А где же незнакомые? В консультатах, советниках пребывают? Оттого не приходит на смену «второй эшелон»? Или мы все еще на переправе, когда коней не меняют? А может, оттого и бредом до сих пор то по пояс, то по шею в воде, что не меняем? И река все шире, берега все дальше. Пример Владимира Щербакова — лучшее тому объяснение.

Со стороны его восхождение наверх выглядело гладким и стремительным. В тридцать с небольшим — заместитель генерального директора по экономике и планированию КамАЗа, еще несколько должностных ступеней в Москве — и вот уже сорокалетний доктор экономических наук становится самым молодым кандидатом в члены правительства. Когда его представляли сессии Верховного Совета СССР, звучали такие характеристики: «Деловой, энергичный, нестандартно мыслящий руководитель... Характер «бойцовский», смел, тверд, умеет аргументированно отстаивать точку зрения». В одном из первых интервью на посту председателя Госкомтруда СССР на вопрос «С чего начнет?» Щербаков ответил — поставается преодолеть уравнильность и обезличивание, поднять уровень доходов пенсионеров, инвалидов, многодетных семей...

Собственное назначение, если верить все тому же интервью, он воспринял спокойно. А вот идеальные государственные деятели и управленцы, по мнению Владимира Ивановича, были лишь в первые годы советской власти, когда (цитирую) «...под непосредственным влиянием В.Ленина формировался государственный деятель нового типа». Теперь-то ясно, чем привлекали молодого министра революционеры-управленцы — бескомпромиссностью. В нашей жизни, особенно наверху, компромиссов было в избытке. Щербаков не был ортодоксом-ленинцем, но конъюнктурных поступков коллегам не прощал.

Пока я излагаю собственную версию — как Щербаков делал карьеру и почему полет оборвался на такой высоте, — Владимир Иванович слушает меня серьезно и внимательно. Честно говоря, ожидала встретить человека подавленного, ну, хотя бы чуть меньше в себе уверенного, чем прежде. Увидела же его таким, каким он был в последнее время, — улыбка, элегантный костюм, хорошие сигареты и полное внешнее спокойствие. Впору позавидовать умению держать лицо и сохранять достоинство.

— Все неправильно, — заключает Владимир Иванович, выслушав меня. — Карьеры я никогда не делал, и на новое место работы меня разве что палкой не загоняли. Я был начальником управления на Волжском автозаводе, когда мне предложили стать замдиректора на КамАЗе. Не хотелось переезжать, менять работу. Но вызвали в ЦК, Вольский отнял партбилет и предупредил — будешь упрямыться, билет останется в столе навсегда. Сказал: «Иди подумай. Когда поймешь разницу между личным мнением и мнением ЦК, возвращайся».

— Какой Вольский? Который сейчас возглавляет Научно-промышленный союз?

— Естественно. Не однофамилец же. Стараниями Аркадия Ивановича я стал замдиректора КамАЗа. Проработал там около четырех лет и вместе с Поповым 8 июня 1985 года выступил в «Правде» со статьей «Подряд для завода»...

— Простите, с каким Поповым?

— С Гавриилом Харитоновичем — он же у меня консультировал был на защите докторской.

— А где защищались?

— В Академии общественных наук.

— В последнее время тоже подерживали отношения?

— Мы не ссорились, звонили друг другу. Но давайте вернемся к той публикации. Мы написали, что ускорение, о котором так много говорили в первый год перестройки, — это, грубо говоря, чушь, что перемены в экономике возможны лишь при других подходах и тому подобное. Спустя несколько дней в ЦК состоялось совещание с участием главных редакторов центральных газет, и нас с Поповым резко осудили. Публикацию назвали образцом подрыва политики партии. Вновь грозило исключение из партии. И вдруг на памятном июньском пленуме М.Горбачев выступает с первой по сути дела программной речью. Некоторые абзацы из нашей статьи совпадали с ней текстуально. Я их подчеркнул и пришел к А.Вольскому, он показал совпадения М.Горбачеву. Пошла команда сверху вниз: остановить травлю.

— Дальнейшие назначения на высокие должности начали происходить совсем неожиданным образом, — продолжает Владимир Иванович. — В аппарате союзного Совмина мне поручили заняться формированием списка нового правительства. Когда его обсуждали на заседании Президиума (а место председателя Госкомтруда было вакантным), тогдашний председатель Госплана Ю.Маслюков вдруг говорит: «Чего искать министра труда, Щербакова надо назначать». Меня даже никто не спрашивал.

— **А потом с вашим мнением считались?**

— Ни одно мое предложение на посту министра не было проигнорировано Рыжковым. Однажды Николай Иванович подписал документы, которые противоречили моей концепции. Я негодовал. Премьер извинился, отменил решение и впредь пообещал — ни одного документа, касающегося компетенции Госкомтруда, без согласования со мной не подписывать. Кстати, единственный раздел из правительственной программы, без изменений переключавшийся в программу «500 дней», — наш.

— **По аппаратной легенде, кресло премьера предназначалось вам, а занял его Павлов. Эти же всезнающие аппаратчики утверждают: Щербаков отказался потому, что чувствовал — «счастье» долго не продлится, бить будут скоро и сильно...**

— Доводы против были и, простите, более серьезные. Президент

действительно предложил мне место премьера, и я действительно отказался. Во-первых, полагал я, правительство должен возглавлять профессиональный финансист. Во-вторых, внутренне я не был готов к должности. И третье — Кабинет не стал бы со мной работать. Многие зампреды, министры поставили бы Горбачеву условие — или Щербаков, или мы. Думаю, таких бы хватило. Следовательно, речь могла идти о полной смене команды. Но у меня своей не было. Как же можно так рисковать?

— **А у вас лично был выбор, Владимир Иванович, перейти в российский Совмин или остаться в союзном, девятнадцатого защищать «Белый дом» или поддерживать ГКЧП?**

— О девятнадцатом — разговор особый. Переходить же в Россию, как теперь говорят, не помышлял. Эти переходы носят даже не политический — конъюнктурный характер. На протяжении года я критиковал социально-экономическую политику правительства Силаева, с цифрами доказывал, что программы эти — популизм чистой воды. И как прикажете перейти туда работать? Меня, если хотите, раздражает такая постановка вопроса: вы за демократов или консерваторов, за социализм или капитализм? Я — за дело, которое сейчас у многих на втором плане. И никто не вправе меня упрекнуть, что девятнадцатого я исполнял свои обязанности нечестно...

Девятнадцатого в восемь утра на дачу Щербакову позвонил председатель Госстроя СССР и сказал, что по телевидению передают важные новости. Прибыв на Пушкинскую, в здание Кабинета министров СССР, Щербаков попытался связаться с В.Павловым. Ему объяснили, что премьер болен. Чуть позже Владимир Иванович собрал коллегию Минэкономики СССР, которая приняла следующее решение: «В стране нет другого органа, кроме Минэкономики, который бы владел всей информацией о состоянии народного хозяйства. Поэтому его сотрудники должны прекратить все дискуссии о политике. Надо немедленно провести анализ и разработать прогноз развития ситуации, выявить наиболее опасные факторы, которые будут в новых условиях способствовать нарастанию хаоса в экономике, и предложить специальные меры по стабилизации... Необходимо выйти

на связь со всеми республиками, министерствами СССР, крупными трудовыми коллективами и поставить перед ними задачу — срочно определить наличие материальных ресурсов, продовольствия, медикаментов, прежде всего закупаемых по импорту...»

Цитирую я записи Щербакова, в которых подробно описаны события августовских дней. Он передал их мне со словами: «Никто не захотел напечатать. И «Столица» тоже не будет. Общество шатнулось в необольшеизм — и пресса туда же». Увы, опубликовать восемнадцать страниц машинописного текста журнал действительно не может. Но отдельные эпизоды, безусловно, заслуживают внимания.

«...Примерно в 12-00 мне удалось связаться с Павловым по телефону (он находился на даче). Павлов подтвердил, что имеется информация из достоверных, не подлежащих никакому сомнению источников, будто Президент СССР вправду тяжело болен. Павлов сказал, что, как только он чуть-чуть придет в себя, придет на работу и проинформирует всех подробно.

...После разговора с Павловым я попытался связаться с Лукьяновым, однако сделать этого не удалось — у него постоянно проводились совещания. Примерно в 13—14 часов я переговорил с Президентом Казахстана Н.Назарбаевым и Президентом Узбекистана И.Каримовым, пытаюсь получить у них дополнительную информацию. В ходе разговора выяснилось, что дополнительной информации о состоянии здоровья Президента СССР и конституционности принятых руководством решений ни у кого нет. Президенты проинформировали, что обстановка в республиках относительно нормальная, хотя есть попытки ее обострить, особенно в шахтерских коллективах. Сказали, что они, не желая нагнетать обстановку, ПОКА ВОЗДЕРЖАТСЯ ОТ ОФИЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ НА СЛОЖИВШУЮСЯ К ТОМУ ВРЕМЕНИ СМЕНУ ВЛАСТИ В СТРАНЕ ДО ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ЕЕ ЗАКОННОСТИ (выделено мной. — Е.К.).

...В 18-00 началось расширенное заседание Кабинета министров СССР, проводившееся при «закрытых» дверях. Обсуждалась политическая ситуация в стране... Часть членов КМ высказались за то, что надо официально приветствовать, поддержать все действия ГКЧП и

однозначно принять его сторону. Другие отмечали, что нет достоверных доказательств законности происходящего, значит, следует действовать только в рамках закона. Я выступил с изложением **СОБСТВЕННОЙ ПОЗИЦИИ**. В любой обстановке Кабинет министров СССР не должен допустить хаоса, массовых беспорядков, сбоев в работе народного хозяйства...

Первым прореагирует Запад. Положение и без того было крайне тяжелым. Сейчас речь идет уже о судьбе государства. В считанные дни или часы начнутся эмбарго одно за другим. Придется рассчитывать только на свои ресурсы. Кредиты, на которые мы надеялись прежде, будут перекрыты, особо опасное положение возникнет в сфере продовольствия и медикаментов — их мы закупаем в большом количестве. Народное хозяйство тесно привязано к импорту сырья, компонентам длинных технологических процессов. По цепочке начнутся остановки производства. Нужен план действий в этой обстановке. Должна быть проведена срочная инвентаризация всех импортных запасов, их особый учет. Нужно готовиться к введению нормирования импорта, продовольствия, медикаментов... Всю работу надо провести за три-четыре дня. Дело серьезное — через полтора-два месяца работа народного хозяйства может быть парализована.

Сейчас нужно уделять максимальное внимание работе с коллективами, сдерживать людей от политического экстремизма и беспорядков. Руководители должны организовать всю работу, нельзя созывать их на совещание, как предлагает Тизяков.

К сожалению, в составе Кабинета оказалось много «политиков», которые поменяли свои взгляды вместе с обстановкой. Я себя к таким не отношу и считаю долгом сформулировать гражданскую позицию.

...Линия ГКЧП меняется в течение дня. Если правопорядок и дисциплина будут восстанавливаться методами 1929 года, то я с ними не согласен. ...Я пришел работать на идеи и политику перестройки. При определении политики буду исходить из необходимости продолжения этой политики. Привлечение к работе в ГКЧП Тизякова и Стародубцева, по моему мнению, ничего хорошего не сулит. Их взгляды мне хорошо известны. Говорю открыто. Я с их под-

ходами к экономике категорически не согласен и проводить их в жизнь не намерен. Кроме гражданских у меня есть и государственные обязанности. Буду их честно исполнять до сессии Верховного Совета СССР и до получения достоверных данных о правовой основе происходящего.

...После заседания Павлов рассказал мне, что Горбачев находится в тяжелом состоянии и не может адекватно воспринимать внешний мир. Но официального заключения еще нет... По словам Павлова, на ночном совещании с восемнадцатого на девятнадцатое Крючков представил доказательства, будто в ближайшие часы готовится захват власти группой экстремистов, имеющей большое количество стрелкового и минометного оружия. Группы вооруженных бандитов уже начали концентрацию у Киевского вокзала, гостиницы «Украина», в других местах. На руках у них (копии есть у Крюčkова) имеются списки лиц, подлежащих немедленному аресту и ликвидации. Якобы имеется четыре списка. В первый входит высшее руководство страны... Фамилии членов Президиума КМ стоят во втором списке...

При мне Павлов связался по телефону с Крючковым и требовал информацию о том, как идет изъятие оружия, об аресте боевиков и т.п.

...И все-таки меня, как, наверное, миллионы других, мучали сомнения — не является ли все это военным переворотом и отстранением Горбачева по «хрущевскому» варианту? Президент мне звонил накануне, был жив и здоров. ...Если это заговор, то чего они хотят? Сменить курс Горбачева? Как?! Повернуть общество силой невозможно... Страна встанет на дыбы.

...20-го мне передали поручения Янаева — подготовить решение о снижении цен на детскую одежду процентов на десять — двадцать. Я отказался. Янаева также проинформировали о моем отказе выполнить другое поручение ГКЧП — формировать органы цензуры.

...Вся изложенная информация может быть легко проверена. Намеки на непорядочность моего личного поведения в средствах массовой информации, особенно со стороны такого авторитетного лидера, как Президент РСФСР Б.Ельцин, считаю оскорбительными для моей гражданской чести и достоинства. Я отнюдь не пытаюсь примазаться к героям сопротивления и активной

борьбе с контрреволюцией. В сложившихся условиях я, наверное, действовал не безошибочно, но выполнял свой долг так, как подобает заместителю премьер-министра...

На мой взгляд, Владимира Щербакова можно упрекнуть в одном — он вел себя как хозяйственник, а не политик. И вроде бы мораль очевидна — нельзя всех грести под одну гребенку, на дворе ведь не семнадцатый год. Но цель публикации иная — не оправдывать Щербакова, а понять — почему от него в сущности **ИЗБАВИЛИСЬ** при удобном случае. Собирая материал, я разговаривала с людьми, близко знавшими Щербакова. Некоторые из них с радостью высвечивали «темные» пятна биографии, вспоминали шутки в тесном кругу, неловкие поступки... Другие, их большинство, пытались анализировать экономические взгляды Щербакова. Но никто не сказал, что он личность заурядная, случайно всплывшая «наверх». Наоборот, все в голос утверждали — время таких, как Щербаков, еще не пришло. Он не будет смотреть в рот тому, кто стоит выше, даже если это сам президент. Он в любых ситуациях будет отстаивать собственную позицию, которая у него всегда есть. А пока что «вторые» заглядывают в глаза «первым», основное их правило — не дергать тигра за хвост.

Допускаю, что искренний тон беседы с Владимиром Ивановичем мог вовсе не означать подлинной искренности. Политику, а он безусловно политик, что бы там сам про себя ни говорил, — она вообще ни к чему. Я также убеждена, что карьера никогда сама по себе не делается, помимо воли. Просто одни взбираются легко и быстро, другие — тяжело и медленно. Человек же всегда сам идет вверх. Но мне очевидно — «второй эшелон» будет состоять из таких, как Щербаков. Отнюдь не идеальных, но таких.

Запомните это имя — Владимир Щербаков.

В КРЫМ, НА

— Мы никогда не уйдем из Крыма! — так жестко начался наш разговор с представителями одного из гонимых и поныне народов — крымскими татарами. — Нас могут опять погрузить в грузовики и вывезти под дулами автоматов в Сибирь или Казахстан, но мы все равно, через 50, через 100 лет вернемся на наши исконные места...

Эти люди живут в постоянном напряжении: идет настоящая, правда, тихая война. Между местными властями и народом, требующим лишь одного — права вновь поселиться в Крыму. Они не претендуют ни на что, ни на свои бывшие дома, ни на лучшие, «жирные» куски земли, тем более там ее кот наплакал — кругом скалы да камни.

Прошлогоднее многомесячное пикетирование здания исполкома в Симферополе привело к малоутешительным результатам — из ты-

сячи татар, желающих обрести землю обетованную, дали разрешение всего нескольким десяткам, и те, не помня себя от счастья, кинулись заселять пустыри и склоны гор. К ним, конечно, присоединились «незаконные» переселенцы, оставившие свои дома где-то там, за тридевять земель, за надежду начать новую жизнь с нуля, а многие из них — старики и пенсионеры.

В список, дающий право на поселение у моря, попали разные люди, в основном молодые: местные власти почти не включили в него тех, кто приехал сюда фактически умереть — увь, возраст.

— Меня нигде не берут на работу, — говорит Абдрахман Люманов, — везде обещают, клянутся, что позарез нужны рабочие, но, как только узнают, что у меня нет прописки, вежливо указывают на дверь. А я умею строить, пасти скот и еще мно-

гое. Видите, как живу — в бараке, с семьей, детьми. В такой ситуации еще одна семья. Есть и другие ребята, но они не рискуют перевозить сюда семьи, в полную неизвестность. В любой момент нас могут выселить, снести наши жалкие постройки, и куда нам потом идти?

Да, идти им и в самом деле некуда. Уже были инциденты на этой почве. Одна группа татар, когда терпение и всяческие разумные сроки ожиданий истекли, самовольно начала застройку на одной из табачных плантаций под Гурзуфом, тогда местные органы «самоуправления» — в основном, подвыпившая молодежь, пришла качать права с прутьями и колами. «Иноземные захватчики» не поддались на откровенную провокацию, промолчали в ответ. Потом появились мощные тракторы и сровняли с землей фанерные лачуги. И опять люди молча смотрели, во что превращаются их мечты. Где они теперь, никто не знает, снова, наверное, разбрелись кто куда в поисках пристанища.

В поселке с характерным названием «Оползневое», что под Симеизом, лет пятьдесят назад жили одни крымские татары. Сейчас их вновь пустили туда, но не совсем в поселок, а на окраину, на бывшие частные огороды местных провинци-

участок на одинаковые крохотные квадратики. Когда план вернулся в Крым, там ахнули — как можно возвести здание, если одна половина его находится на одной высоте, а другая выше первой на три метра? Что делать с этим планом, до сих пор никто не знает, и татары начали своими руками класть фундаменты как бог на душу положит. Таких смельчаков в «Оползневом» нашлось четверо. В итоге дом стоит пока у одного, у остальных треснули фундаменты — почва «ползет» со страшной силой, село-то ведь «Оползневое», и на тех местах, где более-менее спокойно, уже давным-давно стоят хаты, кстати, принадлежавшие когда-то отцам и дедам тех, кто приехал сейчас возрождать семейные очаги.

В общем, куда ни кинь — всюду клин. И прописки нет, и строить не разрешают, и место гиблое, а они не уходят.

— Что делать будете? — спрашиваю. — Как жить?

— Как жить? Очень просто, — смеются они в ответ, — как раньше. Вот обоснуемся здесь, быт наладим, семьи приедут, все хорошо будет. Видите там высоко в горах пастбища? Они пустуют с тех пор, как нас отсюда выгнали. Наши предки там скот пасли, так внизу, на побережье, все было — масло, сыр, мо-

РОДИНУ

лов, тем самым заранее создавая конфликтную ситуацию. Но кое-как с этим разобрались, зато появились новые трудности.

Прежде всего — нет плана застройки, а у нас без плана, как известно, далеко не уедешь. То есть план есть, но какой! И как он был сделан! В Симферополе дали «добро» на этот участок земли и решили, что там вполне могут разместиться 80 семей. Могут, ей-богу, могут, даже еще больше, можно на крохотный клочок земли втиснуть хоть тысячу, хоть две, это кому как нравится. А расчет был простой — на каждый участок, включая дом, комиссия щедро отвалила аж по 4 сотки! И чтобы утвердить этот план, его отправили в... Санкт-Петербург. Там, вероятно, смутно представляя, что такое строительство на горном склоне, взяли школьную линейку и... аккуратно разграфили отведенный

локо, мясо. А сейчас? У местных не принято держать скотину, а мы без этого не можем. Ничего, как у русских говорится, прорвемся.

Самое удивительное, что они все-таки довольны, даже теми нечеловеческими условиями, в которые их насильно впахнули. Крымские татары хотят одного — чтобы им не мешали. Они взамен ничего не требуют, даже того, что им положено, — мифические деньги, собранные якобы на нужды возвращенцев, стройматериалы из спецфонда, обещанные местными властями, даже отметку в паспорте о временной прописке.

Тем более, что временная прописка им не нужна — они приехали на «остров Крым», на родину навсегда.

Симеиз — Москва

Михаил МАСЛОВ
Фото В. Шишова

Павел СУББОТИН

ФАБРИКИ — РАБОЧИМ! А РАКЕТЫ — КОСМОНАВТАМ?

Размышление экономиста о частной собственности, которой у нас нет и, видимо, не будет.

Что такое рыночная экономика? Это царство товарного производства, где властвует закон: «Все продается — все покупается!». Задолго до Адама Смита товарное производство означало — производить для обмена, для продажи. Есть и еще один непреложный принцип: «Производить только для того, чтобы потреблять». Значит, личное потребление человеком материальных благ в самом широком смысле и является основой всего процесса труда. Какие бы немыслимые чудеса техники ни совершались, их появление на свет обусловлено тем, что человек все полнее хочет удовлетворять свои потребности.

Рабочая сила — это точно такой же товар, как и любой другой. Он тоже предназначен для обмена на рынке, для продажи. Когда вдруг с «высокой» трибуны слышишь очередное заклинание — дескать, наш регулируемый социалистический рынок это вам не базар, так и хочется немедленно возразить. Отчего ж? Вполне подходящая аналогия за неимением лучшей. Смотрите, действительно здесь все для продажи. Есть мясной павильон, есть молочный, а вот овощные ряды и цветочные киоски... Цены зависят от спроса и предложения. У вас не хватает на килограмм дыни — купите килограмм кабачков или пару пучков редиски. Это определяется целью и вашими возможностями. Аналогично в рыночной экономике существует рынок предметов потребления и рынок средств произ-

водства, рынок рабочей силы, рынок капитала, ценных бумаг... Можно купить многооперационный обрабатывающий центр и труд одного высококвалифицированного оператора-программиста, а можно — несколько станков попроще, подешевле и рабочую силу десятка токарей, фрезеровщиков, сверлильщиков.

Вообще-то выбор еще разнообразнее. Как бы ни были сложны механизмы рыночного равновесия, они проистекают из свободного сопоставления стоимостей всех товаров. Ведь конечная цель производства не какой-то конкретный продукт, а прибыль, которая будет получена в результате его продажи. Значит, производитель будет стремиться к такому виду деятельности, который принесет ему максимальную прибыль. И именно это дает возможность создать систему саморегулирования экономики через перемены капитала. Производитель свободен и в определении цены на свою продукцию, и в стремлении сделать цену наибольшей. В такой экономической системе платят только за то, что нужно. Проще говоря, заплатят прежде всего за хлеб, но затем также и за плуг, без которого не бывает хлеба, и за металл, без которого не может быть плуга, и дальше по цепочке от одного предмета к другому определяется структура народного хозяйства. Мы же много лет пытались формировать ее директивно. Производить сталь и бетон только для того, чтобы кого-то до-

нать или перегнать. В рыночной экономике так делать нельзя — за эту сталь и этот бетон никто не будет платить.

Итак, мы установили необходимость свободы выбора деятельности для всех, кто втянут в рыночные отношения. Цены тоже должны быть свободными, иначе не наступит рыночного равновесия. Но ни того, ни другого не бывает без многообразия собственников, обладающих тремя особыми свойствами, известными с времен Римской республики, — это владение, пользование и распоряжение собственностью. Если говорить о формах собственности, то все-таки принципиально я бы выделил как разные полюса только частную и государственную.

Поговорим о первой. Много лет мы соблазнялись такой абстракцией, как «общенародная собственность». Попробуйте теперь воплотить в жизнь эту абстракцию через владение, пользование, распоряжение всем достоянием страны (или одной трехсотмиллионной ее частью, если всем — поровну). Но самое главное даже не в том, что воплотить не получается. Именно собственность обеспечивает самодвижение и саморегулирование. Речь, естественно, идет о собственности на средства производства, или, выражаясь точнее, на капитал.

Рассмотрим все возможные варианты. Капитал может убывать и тогда рано или поздно исчезнет. Он может также возрастать. Либо оставаться в той же цене. Произ-

люстрирую эту мысль простым примером. Допустим — я собственник автомашины. Если кататься на ней только самому, то при самом бережном отношении машина рано или поздно пойдет в металлолом. Капитал исчезнет. Если с помощью этой машины зарабатывать с таким расчетом, чтобы купить со временем новую, то этот же капитал останется в прежней цене. А можно стать частным таксистом, заработать на две машины, нанять напарника, и капитал начнет расти.

Теперь я попытаюсь развеять расхожее убеждение, что быть собственником средств производства и самому на них и работать — это замечательно. Как раз наоборот! Давайте предельно открыто и ясно поговорим о лозунге «Фабрики — рабочим!» и задумаемся — а что он на деле-то означает? Возьмем предприятие, где работают тысячи людей, связанных между собой сложной технологией современного производства. Здесь уже никому конкретно не принадлежат ни отдельные станки, ни машины, ни заводские корпуса. Соединить работников со средствами производства можно только через стоимость — долю, пай, акцию — от общего капитала. Однако тут подстерегает противоречие: один человек представляет и собственника, и наемного труженика. Работник, грубо говоря, расходует (обменивает, продает) свою рабочую силу на деньги и, естественно, стремится получить как можно больше. А интересы собственника иные — они заключены в том, чтобы приумножать собственность. И чем больше одно, тем меньше другое. Надо выбирать — либо одно, либо другое.

Но как тогда быть с владельцем машины, который разумно ведет дело и приумножает капитал? Почему он-то не вступает ни в какие экономические противоречия? Да потому, что его средства производства принадлежат только ему и больше никому. Они естественным образом соединены с собственником. Это усвоили таксисты всего мира, которые прекрасно распределяют доход «на потребление и на накопление». То же можно наблюдать в небольшом частном кафе, мастерской, ателье... Но это противоречие практически неразрешимо на большом предприятии.

У работника завода, фабрики исчезает ощущение собственности.

И как ее ощутишь, если она размыта в большом коллективе. И вправду — чей это станок, на котором мы с приятелем работаем? Наш? Нет, он еще чей-то. А те станки, что вообще стоят в соседнем корпусе и которые я в глаза не видел, они тоже мои? Вещественное подменяется абстрактным, но, может, так и должно быть?

Предположим, что работнику во всем этом многомиллионном хозяйстве принадлежит какая-то доля (акция), скажем, в десять тысяч рублей. Эти доли уже являются своего рода символом собственности. Собственник может получить эквивалент своей доли только при определенных условиях, а не тогда, когда пожелает. Не должно возникнуть иллюзии, что, раз мне принадлежит акция в десять тысяч рублей, значит, можно потребовать — отдайте мне ее деньгами или натурой. Скажем, станком — он по остаточной стоимости как раз и стоит десять тысяч. Но, увы, никто никому ничего отдать не может. Тут законодатели и «союзные» и российские, допустили недопустимый просчет. Акция вроде бы является самостоятельным товаром, но при этом связана прочными узами с имуществом, долю которого составляет.

Вообще-то акция предназначена для движения на рынке — так обеспечивается эффективное саморегулирование экономики. Процесс движения капитала чрезвычайно сложен и многогранен. Он требует не только высокого уровня профессионализма от тех, кому этот капитал принадлежит, но и определенных способностей. Умение владеть капиталом, приумножать его — такой же божий дар, как и музыкальный. Но как нельзя превратить всех поголовно в профессиональных музыкантов, точно так же нельзя сделать всех частными собственниками.

Существует и другая причина, по которой процесс первоначальства и концентрации капитала не только неизбежен, но и желателен. Проследим за логикой защитников «простого трудового народа» и представим, что имущество предприятия удалось-таки поделить на всех по справедливости. И пусть, как рассчитали специалисты, на каждого пришлось около семи тысяч рублей. Теперь труженик якобы заинтересован очень хорошо работать и никуда не уйдет от своей собственности. Предположим, что

предприятие работает фантастически эффективно и на тысячу рублей капитала дает двести процентов (да простят мне коллеги-профессионалы такие фантазии) дохода. Тогда получится четырнадцать тысяч годовых. Подчеркиваю, дохода на капитал, а не зарплаты. Стало быть, я могу и не работать, так как, расторгая с предприятием трудовой договор или контракт, остаюсь все таким же собственником части капитала, а именно это и дает мне право на дивиденды. Рассмотрим другой вариант, когда акция вообще не дает никакого дохода. В этом случае тем более нет резона держаться за такое предприятие, а саму акцию не терпится сбросить хотя бы за грош в базарный день.

В реальной жизни будет, конечно, все иначе. При нынешней эффективности наших отсталых, морально и физически устаревших средств производства акции большинства предприятий станут давать, особенно в первое время, около десяти процентов годового дохода. В нашем примере это... 700 рублей. В сущности, та же 13-я зарплата! Очень сомнительно, что она позволит работнику осознать себя полноправным собственником и он прямо от станка поспежит попытаться счастья на ближайшую фондовую биржу. Совсем другое дело, когда акциями будут владеть не тысячи станочников, а несколько человек. Теперь десять процентов годовых — это уже осязаемый результат. Собственник начнет день и ночь размышлять, как бы ему превратить эти тысячи в миллионы.

Одно из главных свойств частной собственности — персональная ответственность. Уточню — речь идет об имущественной ответственности. Убытки несет конкретный владелец, хотя их последствия, скажем, ликвидация предприятия, могут отразиться и на наемных работников. Но это уже не проблема собственности, а проблема социальной защищенности. Собственники «всего и ничего» на убыточном государственном предприятии ощущают свою плохую работу разве что редкими случаями задержки зарплаты. Их плохая работа тонет в коллективной безответственности. Таков принцип «ничейного» народного хозяйства.

Однажды на совещании, которое было посвящено предстоящей реорганизации министерства, пожилая

дама — начальник экономического главка — с ожесточением доказывала и свою особую значимость, и необходимость главка следующим аргументом: «А кто будет отвечать за развал отрасли?» Я возразил, что, если судить по целому ряду показателей, отрасль скатывается по наклонной плоскости уже не один год. Как и кто ответил за это? Премией? Зарплатой? Может, лишением свободы? А ведь подобные дилетантские заклинания продолжают по сей день. Их можно услышать и от директора, и от министра, и от президента.

— Чего ты меня стыдишь? Я ведь не у тебя украл, а на фабрике взял, — оправдывался пойманный с 400-граммовым мотком пряжи рабочий. Крали всегда — и у капиталиста в частности. Но чтобы сократить убытки от мелких краж, капиталист через посредников скупал у своих же рабочих свою же пряжу. Вышло дешевле, чем завозить новую.

Так вы за капиталистов, за миллионеров? — вправе спросить меня борцы за то, чтобы не было богатых.

Да, я за них, и сам бы не прочь разбогатеть. Но не такими методами, какие распространены сегодня. Мне смешно и грустно слушать, когда молодой человек с наивной улыбкой рассказывает по телевизору, как хорошо быть миллионером. Если б он еще поделился со зрителями, где берет на миллионы товарных ресурсов, с которых в полном смысле слова ему «отстегивают» проценты. Тогда я бы пожелал ему таких же грандиозных успехов в условиях настоящей конкуренции, когда все цены станут свободными.

Подведем итоги. Первый, главный вывод — частная собственность вовсе не зло, а желанное благо. Основная цель приватизации: создание мелкой, средней, крупной частной собственности — это второе. И мне представляется ошибочным сдерживание и отсрочка на годы процессов приватизации, особенно в деревне. Наконец, позволю несколько слов о законодательстве (союзном и российском), регулирующем проблемы собственности. Сами законы о собственности более чем на «троечку» не тянут, а союзный к тому же безвозвратно устарел. Я хорошо знаю людей, которые его писали, знаю и всю «кухню» подготовки проекта. Все происходило под давлением политиков, а это определило трючные результаты.

Детективная эта история произошла в агрофирме «Химки» одноименного района Московской области. И началась она довольно мирно.

Четверо работников фирмы обратились к генеральному директору К.Хмелькову с просьбой выделить по 15 гектаров земли для создания крестьянских хозяйств. Было это весной 1989 года, аккурат перед севом.

Гендиректор охотно поддержал будущих фермеров и землю выделил. Правда, приказ об этом издал ровно через год, к следующему севу. Но и за то, как говорится, спасибо. А дальше заявление должен был рассматривать Клязьминский сельсовет.

Сельсовет, надо отдать ему должное, рассмотрел и утвердил решение директора без проволочки. Однако такой сложный вопрос, как выделение земли, должна решать более высокая инстанция — Химкинский горсовет, куда и пошли соответствующие бумаги. Горсовет тоже долго не мариновал: не прошло и двух месяцев, как решение было вынесено. В принципе. А чтобы произвести отвод земли в натуре, потребовалось еще полгода. Сроки не только сева, но и жатвы давно прошли, но потенциальные фермеры не теряли надежды. Дело, хотя и со скрипом, но шло.

И вдруг — стоп. Что такое? Да ничего, просто Химкинский горсовет никак не соберется выдать официальную бумагу на выделение земли а без бумажки, как известно, ты букашка.

Время идет, дело близится к новому севу, а документов все нет. Несостоявшиеся фермеры начали жаловаться. И тем самым допустили непоправимую промашку. Жалобщиков у нас не любят. Раз человек жалуется, значит, он склочник, мутяга и кляузник. В связи с чем сессия того же совета приняла строгое решение: организацию крестьянских хозяйств в агрофирме «Химки» одобрить, однако... участки для заявителей подобрать другие.

Почему? Официально причина такая: отведенная земля не подходит по экологическим соображениям. А неофициально: «Так они же на этой земле миллионерами станут!»

Против официальной причины у претендентов на фермерство нашлись контрдоводы: районные экологи разрешили. Против неофициальной возражений не нашлось. Ну

как ты докажешь, что если будешь по-настоящему вкалывать на своей земле да без указчика и надсмотрщика, то не станешь миллионером?

И тогда четверо несостоявшихся миллионеров подали в народный суд иск на решение Химкинского совета. Народный суд, руководствуясь исключительно законом, иск поддержал. Но и химкинские власти не лыком шиты: они обжаловали решение суда в областной суд, а тот отменил решение и направил дело на новое рассмотрение. Тоже, видимо, руководствуясь законом. А пока суд да дело, у одного из потенциальных фермеров случился инсульт. Он сошел с дистанции. Остальные же продолжили борьбу за землю и волю. Они обратились с жалобой в Президиум Верховного Совета РСФСР.

Наивные люди. Они думали, что Верховный Совет тут же даст указание Химкам выделить землю. Или, на худой конец, создаст комиссию по этому вопросу. А для чего у Президиума аппарат? Правильно, для того, чтобы «работать с письмами трудящихся». И в соответствии со старыми, испытанными десятилетиями методами «работы с письмами» заявление было направлено в Московский областной Совет, а тот переправил его в областной комитет по земельной реформе. Комитет же отписал заявителям бумагу, в которой сообщал, что «выделение земельных участков для ведения крестьянских (фермерских) хозяйств решается районными (городскими) Советами народных депутатов с учетом возможностей районов», а посему «для рассмотрения и принятия решения Ваше письмо направлено в Химкинский городской Совет в соответствии с Законом о земельной реформе». За председателя комитета подписался некто (подпись неразборчива).

Круг замкнулся. Как говорится, с кем боролись, на того и напоролись.

А ведь истории, подобные химкинской, происходят сплошь и рядом. Всемогущий аппарат, который даже после победы демократии, в августе 1991 года, казалось бы, должен немедленно взяться за проведение земельной реформы, все так же продолжает ее тормозить. Аппарат стоит на страже. Он не допустит, он в бронжилете и с автоматом наперевес.

Не потому ли в России до сих пор создано меньше 30 тысяч крестьянских хозяйств, занимающих площадь,

Юрий БОРИН

ЗАЧЕМ ФЕРМЕРУ МИНИСТР?

Фото Г.Бодрова

равную 0,67% земельных угодий. Капля в море колхозно-совхозной собственности. И этот факт дает основание последователям Стародубцева утверждать, что советский крестьянин не желает брать землю, что он сердцем и душой прикипел к колхозно-совхозному режиму.

Ну ладно, со Стародубцевым и его Крестьянским союзом, этим аграрным филиалом КПСС, все как будто ясно. Но остались многочис-

ленные аграрники-марксисты, которые не хотят поступаться принципами. А принцип у них один: совхозами-колхозами нужно управлять (для чего, собственно, и создан аппарат), фермеры же в управлении не нуждаются. Фермеру не нужен ни чиновник-столоничальник, ни агропром, ни министр. Фермеру нужны техника и удобрения, которые он должен купить в магазине, и ему нужен покупатель, которому он сможет продать свой урожай. Но

прежде всего ему нужна земля, без которой он не фермер, не крестьянин, а наемный работник. Не собственник, а батрак. А с батрака какой спрос? Ему бы поменьше поработать да побольше поесть-попить, поскольку ему как пролетарию нечего терять, кроме своих цепей. О чем, кстати, и толкует Маркс, столь почитаемый нашими бывшими идеологами.

Что мы построили с этими цепями за семьдесят лет, известно каждому.

СПЕЦЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕНО. «НЕВИДИМКИ» ВНЕДРЕННЫ

Подвиги бойцов «невидимого» фронта продолжают занимать внимание общественности. Об очередной дерзкой операции КГБ рассказывает ее сотрудник, как вы понимаете, бывший. Фамилию, по понятным причинам, не указываем.

— В Российском торговом доме я с удивлением обнаружил старых знакомых — Ряшенцева, ребяту из службы безопасности и других работников АНТа. Все оказалось просто: АНТ, переставший существовать после скандальной истории с танками, как птица Феникс, воскрес в РТД. Вместе со своими капиталами.

Вскоре произошло еще одно чудо: родился Всероссийский биржевой центр. Его крестным отцом стал Российский торговый дом, который внес учредительный капитал в размере сначала 25 миллионов, а затем 300 млн. рублей. Престижность нового учреждения угадывалась по внушительному количеству тридцать первых «волг», «мерседесам» и «вольво», дежурившим у подъезда особняка в Большом Матросском переулке, 1. В штате ВБЦ числилось около 30 сотрудников: святое правило качества, которое не заменит количество, строго соблюдалось. Но какие это люди?! На каждого приходилось по три—четыре машины. Возглавившие Центр знали толк в таких вещах. Президент Центра — Кононыхин — подставная фигура, речь не о нем. Всеми оргделами в ВБЦ заправляет вице-президент Болдырев Михаил Вадимович, а финансами — Чухланцев Игорь Евгеньевич, старшие офицеры КГБ. А вообще комитетчики составляли 75 процентов сотрудников ВБЦ.

Чем же занимался Центр? Он ничего не производил и сам денег не зарабатывал. Его задача — перекачивать крупные денежные средства за границу, главным образом в Будапешт, где он имеет свое представительство. Там деньги через конвертацию превращали в валюту, пускали в оборот... Правда, эти операции застопорились в связи с выходом закона о возвращении валюты из

иностраных банков. Но я не думаю, что это обстоятельство ввергло ВБЦ в шоковое состояние. Главное, были бы деньги, а отмывать их можно и у себя дома.

Всероссийский биржевой центр на сегодня раскинул структуру — так называемый экономический зонтик. Под его контролем создавалась Биржа вторичных ресурсов, президентом которой назначили Александра Александровича Сумского, капитана КГБ. ВБЦ имеет контрольный пакет акций Всероссийской биржи недвижимости. И хотя возглавил ее некто Агеев, фактически власть в руках уже известных Болдырева и Чухланцева. Недавно на торгах Биржа недвижимости продала один лот за 37 миллионов рублей, именно столько стоила личная дача президента Центра Кононыхина.

Таким образом, Комитет создал цепочку учреждений для перекачки и отмывания денег Комитета, ВПК и не исключено, КПСС от АНТа к Российскому торговому дому, от РТД — к Российскому биржевому центру и дальше — в структуры его «зонтичных» бирж.

Сегодня, это совершенно очевидно, мы имеем дело с хорошо отлаженной технологией, хотя поначалу были накладки, — АНТ в той скандальной истории подставили «свои» же ребята, чтобы избавиться от конкурента. Чего-то не поделили. По причине конкуренции Всероссийский биржевой центр пробовал поднимать под себя, а затем и развалить Российскую товарно-сырьевую биржу Борового. Болдыреву и К стало обидно, что под монополизированной ими «российской» крышей обосновалась команда не из их ведомства и вообще занимается тем, чем бирже и положено заниматься. Боровой не сдался.

Знал ли бывший председатель КГБ

Крючков о том, что его сотрудники, в том числе из 16-го технического управления, в ущерб службе занимаются «теневой» коммерцией? Вряд ли. КГБ — это государство в государстве, где председатель, озабоченный тем, что творится на кухнях и в постелях подданных, не ведает того, что происходит под носом, в его собственном королевстве. Это, во-первых. Во-вторых, в Комитете сложилась практика, когда во время проведения очередной боевой операции под нее подводят десяток «крыш» и так все замаскируют, что потом сами не разберут, какая же была первоначальная задача. Возможно, вначале акция по внедрению КГБ в экономические структуры имела целью защиту государственных интересов от тех, кто запускает руку в казну в особо крупных размерах. Размах движения за демократизацию, решимость народа всерьез стать хозяином и собственником средств производства испугали правящую элиту КГБ—ВПК—КПСС. Задача изменилась: деньги народа, отнятые у него через грабительские поборы, называемые налогами, и бюджетные вивисекции правительствами Рыжкова — Павлова в пользу Комитета, ВПК надо было через конторы «Рога и Копыта», то бишь биржи, убрать подальше от народа. И со своей задачей они справились. Исполнители — сотрудники Комитета, — тоже поимели свой интерес, и не только денежный, хотя они, конечно, хорошо заработали на операции. Просто многие офицеры громадной армии КГБ из-за хронической недогруженности маялись от безделья. И когда им предложили работу по совместительству в биржах, РТД и так далее, с радостью согласились.

О том, сколько денег перекачали и отмыли за границей и дома биржи во главе с Российским торговым домом, Всероссийским биржевым центром, управляемые Комитетом, можно узнать. Если только очень захотеть.

От редакции:

Публикуя этот монолог, мы рассчитываем, что ВС РСФСР, народные депутаты, комиссии, в том числе по расследованию деятельности КГБ, проверят, соответствуют ли приведенные факты и имена истине. Дело не только в деньгах, хотя те же убогие российские школы и больницы не отказались бы от возвращения сумм, украденных у них Павловым и его компаньонами. Речь идет о доверии к власти президента и правительства РСФСР. Если в российских экономических структурах до сих пор сидят и управляют сотрудники КГБ, можно ли говорить о том, что путч разгромлен и мы — в царствии свободы?

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ «ПИ-СИ»

Я с интересом прочел статью Александра Тимофеевского «ПИ-СИ и КА-КА» («Столица», № 29, 1991г.). С интересом — потому что она написана про нас. По классификации автора, мы все, консервативные русские эмигранты, относимся к эмигрантской «КА-КЕ», то есть к чему-то среднему между дерьмом и куклукслановцами. Наверно, у Тимофеевского есть личные причины не любить эмигрантов. Я не психиатр и антипатии автора анализировать не собираюсь. Напишу только по существу вопроса.

В своем журнале «Вестник», журнале эмигрантском, мы тоже печатали нечто издевательское о «политической корректности» на кампусах* американских университетов (Виктор Блок «Безумие политической корректности на кампусах американских университетов», «Вестник» № 12, 1991 г.). Издеваясь и воюя с их образом мышления, мы тем не менее прекрасно понимали их психологию и мотивы, приводящие очень незначительный процент американских либералов к «политически корректным» мыслям и действиям. Мы также глубоко уважали их право пропагандировать свои идеи. В быту мы с этими людьми нормально работаем и живем. Мои сыновья учатся в школе, где идеология «политической корректности» буквально насаждается кучкой фанатичных учителей. Это очень маленькая и единственная в городе школа такого рода. При этом очень маленький процент школьников эту идеологию принимает. Я сам определил детей в эту школу, потому что счел, что увлеченность преподавателей важнее их идеологии.

Вопреки мнению Тимофеевского далеко не все «ПИ-СИ» — американские интеллектуалы; их социальный состав и интеллектуальный уровень очень различны. Большинство, я думаю, никакого серьезного образования не имеют. Очень велик среди них процент психически больных людей. А с другой стороны, далеко не только русскоэмигрантская пресса издевается над ними. Почти вся массовая американская пресса делает то же самое.

Я не согласен с мнением Тимофеевского, что «оппозиция пи-си ненавистному своему классу — это, по сути, оппозиция среднего американца самому себе». Напротив, это скорее оппозиция неудачливого, небогатого американца американскому консервативному истеблишменту, то есть это оппозиция не себе, а Другим, точнее, Чужим.

Иммигрантская пресса, насмехающаяся над «ПИ-СИ», ни в коем случае не расистская вопреки мнению Тимофеевского. Правда, она проеврейская, прорусская и вообще проиммигрантская, что ее автоматически противопоставляет многим «ПИ-СИ», которые, несмотря на всю свою любовь к некоторым меньшинствам, палестинцам и Ираку, в значительной мере антисемиты и ксенофобы. И это при том, что среди «ПИ-СИ» немало евреев, бегущих от своего еврейства.

«ПИ-СИ» истеблишмент не защищает прав обездоленных: его члены — это, как правило, политики, добивающиеся власти и влияния, спекулируя на неудовлетворенности и легкой возбудимости некоторых меньшинств.

Есть ли среди «ПИ-СИ» просто честные люди? Безусловно. Есть и честные, добрые люди, неспособные к самостоятельному мышлению, очень зависимые. Подавляющее большинство честных «ПИ-СИ» носят в своей душе светлые образы Саддама Хусейна—Арафата—Абу Нидаля—Фиделя Кастро—Троцкого и тому подобные.

Не исключено, что Тимофеевский частично прав и русские эмигранты, вместе с подавляющим большинством молодых американцев, склонны преувеличивать значение и опасность идей и недооценивать инерционность, консерватизм и стабильность, как говорят, mainstream Америки, то есть подавляющего большинства американцев. Нельзя, однако, забывать, что эта инерционность и консерватизм создаются не только сытым желудком, но и американскими консервативными средствами массовой информации, которые не считают войну с леворадикальными и фашистскими идеями войной с ветряными мельницами.

Ваш читатель Виктор БЛОК (США)

* кампус (америк.) — место для отдыха и встреч на территории американских университетов

Люблю читать рекламные объявления — это забавно. Правда, до сих пор мне ни разу не удалось с их помощью обменять квартиру (нет СКВ), познакомиться (на десять девчонок девять ребят, и они не пишут в газеты), что-нибудь купить (щенок — не предлагать) или что-нибудь продать (ищу то, чего у меня тоже нет). И вдруг — удача. Она явилась, приняв облик рекламно-информационного еженедельника «ВСЕ ДЛЯ ВАС», случайно купленного в подземном переходе. Как ни странно, кроме «дрессировки и развития злобы» (эка невидаль), шубы из некоего яхобаба (или — бабы) и таинственного «вещества психофизического явления», мне предложили с его страниц массу необходимых вещей. И на днях (тыфу, тыфу — чтоб не сглазить) я покупаю вожделенный палас, продаю надоевший магнитофон, снимаю дачу, круто меняю квартиру и жизнь, знакомясь с высоким стройным американцем 48 лет. И все это (плюс гороскоп, кроссворд, полезные советы хозяйкам и уголок юмора) — за 1 (один) рубль.

Причем, чтобы дать свое объявление, мне не пришлось ехать за тридевять земель, стоять в гигантской очереди и платить астрономическую сумму. Понадобилось только вырезать из газеты купон, заполнить его и послать в адрес редакции. Вам тоже может повезти, и после публикации объявления в шквале 100 тысяч телефонных звонков (таков тираж газеты) окажется тот, которого вы ждали всю жизнь. Всего один рубль — и ключик ваш. Недаром на Западе популярны подобные издания, чего желаю и нашему первому еженедельнику бесплатных объявлений, который, кстати, (sic) публикует рекламу организаций по самым низким в Москве ценам.

Итак: читайте «Все для вас» — источник знаний. «ВДВ» — лучший подарок. «Все для вас» — путь к процветанию. Молодое поколение выбирает «Все для вас»!

Счастливым читателем
еженедельника «Все для вас»

ПИСЬМА ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНО- БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

О ПОЧТЕ

«Уважаемая редакция! Я подписалась на ваш журнал с начала года. Но с доставкой его происходили какие-то странности — и я пошла на почту. Дежурная мне ответила, что завтра принесут два номера. И действительно, на следующий день их получила. А затем доставка опять прекратилась. Другая дежурная, более пожилая, сказала мне, что принесут недостающие номера. Я думала, что, как и после первого моего посещения, начнут опять носить. Но не тут-то было. Подождала два дня, опять пошла. Эта же дежурная довольно грубо ответила: «Спрашивайте у почтальона!» На мой вопрос: «Могу ли я видеть почтальона?» — получила ответ: «Приходите завтра».

Я инвалид второй группы, но пришлось идти на другой день. Вот тогда-то все оказалось очень странным. На вопрос: «Когда мне принесут журналы?» — от почтальона получила ответ: «Нечего их выписывать! Идите по утрам в киоск и покупайте!» Я ей сказала, что журнал я уже выписала и хочу получать его. На это получила такой грубый ответ: «Прямо! Для тебя буду сейчас распаковывать пачку!» Я опять спросила: «Я хочу знать, когда я получу журнал». Получила ответ: «Завтра». Но ни завтра, ни послезавтра журналов не было. На третий день опять пошла.

Я увидела в двери почтальона, вошла в их комнату и спросила ее, где же мои журналы? В ответ она повернулась ко мне спиной молча. Тогда я села на стул и сказала: «Не уйду, пока не дадите мои «Столицы». Боже, что тут началось! И наш почтальон, и еще другие начали кричать, что я хулиганка. Затем почтальон подошла и стала вытаскивать из-под меня стул. Как я вовремя удержалась и приподнялась, не знаю. Тогда она меня стала толкать, при этом кричала, что я хулиганка. Мне стало совсем плохо, я присела

на другой стул и заплакала, говоря: «За что вы надо мной издеваетесь?» Тогда почтальон пошла в другую комнату и швырнула мне номер «Столицы». Домой я еле добралась. До сих пор в очень плохом состоянии, хорошо, что тогда у меня был нитроглицерин и валидол. Я жива. После этого я получила три номера и опять уже нет журналов давно. Ходить сама на почту я больше не в состоянии».

Зоя Ивановна Головкина,
Москва».

Официальный комментарий.

«По Вашей претензии, поступившей из редакции журнала «Столица», проведена проверка... Что касается нетактичного поведения работников отдела доставки 2-го отделения связи, то начальнику отдела доставки тов. Пименовой О.И. строго указано на недопустимость подобного в дальнейшем. Также в отделе доставки проведена воспитательная работа, нацеленная на качественное и культурное обслуживание. Ваша жалоба признана обоснованной и учтена в показателях работы 2-го отделения связи... Межрайонный почтамт «Москва-6» сожалеет, что стечение вышеуказанных обстоятельств доставило Вам беспокойство, и приносит свои извинения».

Заместитель начальника
межрайонного
почтамта «Москва-6» Кузина».

Комментарий неофициальный. «Уважаемая редакция! В «Столице» № 7 была напечатана статья «Так вот почему молчит министр связи». Бесстыдство чиновников Минсвязи поразительно. Уж, казалось бы, в нашем союзе мы должны были привыкнуть ко всему. Но — невозможно. Бесишься от бессилия, от бесправия, от унижающего человеческого достоинство совбыта. Отвратительная работа Минсвязи видна всем, а сделать ничего не можем: ни вы, издатели, ни мы, подписчики, которые оплатили вперед безобразную работу почты, а теперь, как жалкие просители, ходим за своими же газетами и журналами на почту, простаиваем в очереди да еще и не всегда их получаем. И кругом хамство, хамство и хамство. О какой зарплате почтальона в 165 рублей говорил вам замести-

тель министра связи товарищ Манякин? У нас на почте висит объявление: «Требуются почтальоны. Оклад дневного — 110—130 рублей, вечернего — 57 рублей».

Тамара Дмитриевна Романова,
Москва».

«В статье «Так вот почему молчит министр связи!» — врет его заместитель: никто не прибавил почтальонам зарплату на 30 р.! Как было 110—130, так до сих пор и осталось. Только на днях сказали, что добавят от 5 до 20 р., но когда, тоже не ясно».

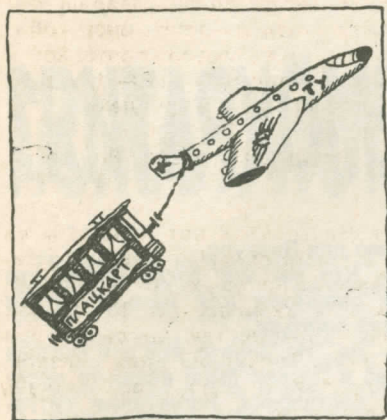
Аноним, Электросталь
Московской обл.».

ОБ АЭРОФЛОТЕ

«Добрый день, уважаемая редакция! Деловой человек не вправе рассчитывать, что в кассе будет билет на требуемый ему рейс. Как правило, дату вылета вы определяете за день-два, но билеты проданы на одну-две недели вперед. Где выход? Их несколько: иметь знакомых в Аэрофлоте, дать должностному лицу взятку, покупать билет на любой ближайший рейс и ехать в аэропорт на так называемую «подсадку». Я успешно пользовался всеми тремя способами, но наиболее часто — последним».

«Подсадку» — стиль Аэрофлота. В любом аэропорту почему-то всегда оказываются 5—10 человек, которым не хватило места в самолете, уже отлетевшем в небеса. И эта толпа обиженных стоит у стойки вылета в ожидании следующего рейса. В пришедший самолет посадят сначала их — и останутся снова

5—10, кому места не хватило. Аэрофлот на этом только выгадывает: каждый рейс заполнен пассажирами до отказа. Я уверен, что сложная наука заполняемости самолетов в Аэрофлоте сведена к простейшему правилу: с каждого рейса несколько человек отсеивать. Тогда следующие рейсы полетят полнешеньки! Между тем наука о заполняемости самолетов говорит совершенно противоположное: каждый самолет должен перевозить немножко воздуха — в нем должно быть несколько свободных мест. Тогда любой человек, пришедший в кассу, сможет купить билет на ближайший рейс. Маленький убыток от перевозки небольшого количества воздуха полностью компенсируется и даже перекрывается доверием пассажира к авиакомпании. Тогда человек купит билет на самолет, а не на поезд — и даст компании прибыль. У нас же прибыль достигается созданием давки. Давятся за билетами, давятся у входа в самолет... Пассажиры Аэрофлота ненавидят эту единственную в стране аэрофирму, ее ненавидят сами пилоты, штурманы, диспетчеры, стюардессы, но выбора нет...

Д. Мелехин, Москва.

О ТОРГОВЛЕ

«Добрый день! Посылаю вам ведомственную газету «Московская торговля» с удивительным постановлением правительства Москвы «О создании Комитета по торговле г. Москвы». В нем говорится, что с 1 октября 1991 года объединение «Мосгорторг» ликвидируется и вместо него создается Комитет. «Вновь образованный Комитет является правопреемником ликвидируемого объединения «Мосгорторг», — говорится во 2 пункте этого постановления. В чем же тогда разница между

«Мосгорторгом» и новым Комитетом? Вдобавок на Комитет возложены функции «оперативного управления имуществом государственных предприятий торговли, координации деятельности торговых предприятий независимо от форм собственности и ведомственной подчиненности». Но ведь те же функции «управления» и «координации» (хоть бы, наконец, понять их полезный смысл, господа!) были и у «Мосгорторга»!

Я, директор арендного магазина, и все мои коллеги ждали полной ликвидации «Мосгорторга». А т. Лужков Ю.М., известный нам как обыкновенный председатель Мосгорисполкома, но ставший премьер-министром городского правительства, своим постановлением № 7 от 23 июля 1991 года родил нового МОНСТРА. Вдобавок его постановление полностью противоречит законам «О предприятии и предпринимательской деятельности в РСФСР» и закону об аренде. Мы настолько удивлены, что МОНСТРУ должны подчиняться арендные и частные магазины, что и выразить словами нельзя. Весь мир над нами будет смеяться. Мой коллега, директор магазина в Варшаве, считает, что это открытый возврат к командно-административной системе. В Варшаве приватизацию начали с ликвидации главторгов. То есть там сейчас магазин никому не подчиняется, кроме налоговой инспекции. Все магазины — полны товара, а пустые — это банкроты. Магазин открывает и закрывает не главторг, не какой-то Комитет и тем более не городской премьер-министр или премьер-министр городского масштаба — как угодно, а ЭКОНОМИКА. У нас же все опять отдали на откуп Комитету. Ну какая, скажите, разница между «Мосгорторгом» и Комитетом по торговле г. Москвы!.

Я знаю, для чего т. Лужков переназвал «Мосгорторг» в Комитет: чтобы повысить оклады служащим «Мосгорторга». И больше ни для чего!

Нам очень жалко работников торговли, но еще больше жалко покупателей, которые, вероятно, еще долго не ступят у себя дома в магазин, полный товаров. Это для них останется чисто западной достопримечательностью.

Адрес и фамилию не указываю, так как в объединении «Меркурий» при Мосгорторге, куда я вхожу, в покое меня не оставят. Ведь они все нас доят — эти «Мосгорторги», «Меркурии», Комитеты...

Д.В., Москва.

О ЖИЛЬЕ

«Уважаемая редакция! Обращаюсь к вам жильцы дома № 57, корп. 2 по Смольной улице. Вот уже десять лет мы находимся в переписке с должностными лицами райисполкома, ходим к ним на прием, нам присылают лживые отписки, но результатов — никаких. Суть проблемы.

Страшная антисанитария на лестничной клетке. Дом хрущевский, пятиэтажка, лифта нет. Следовательно, лестница требует особого ухода. Но не убирают и не моют ее месяцами. Под лестницей есть углубление, где постоянно скапливается зловонная жижа, крысы уже появляются на четвертом этаже, мусоропровод не освобождают...

Прилегающая к дому территория. Она похожа на натурную площадку для съемки фильма-ужаса. Незаасфальтированная, вскопанная земля, гниют там трубы, около мусорных контейнеров — антисанитария, урн для мусора нет.

Думаем, что нас уже списали с дольства, а средства, отпускаемые на эксплуатацию дома (это же наша квартирная плата, которую мы исправно вносим!), делят между собой райисполком, ПРЭО и РЭУ. Это порочное трио существует годами: райисполком покрывает ПРЭО, ПРЭО — РЭУ. Иногда райисполком вместе с очередной отпиской присылает комиссию, предварительно предупредив РЭУ. Создается аврал — мусор убирают, лестницу моют, баки чистят... А через несколько дней о нас опять забывают. Неоднократно мы обращались к нашему депутату Ванчуриной, которая перед выборами клятвенно заверяла нас, что наши беды — ее беды, но после выборов она потеряла интерес к нашему дому...

Всего 24 подписи, Москва.

От отдела социально-бытовых проблем. «Столица» — всесоюзный печатный орган. Однако москвичи проявляют несравненно большую активность в общении с редакцией. Почему бы жителям и другим городом не сообщать редакции о положении дел у них? Это была бы своеобразная корреспондентская читательская сеть. Думаем, что одно опубликованное письмо может больше, чем целый доклад, произнесенный с какой-нибудь высокой трибуны.

Рисовал А. Заяц

Принципиально новое лечение заболеваний сосудов конечностей

Медицинское объединение «Невро-Мед» проводит лечение облитерирующего эндартериита, хронической артериальной недостаточности, атеросклероза сосудов нижних конечностей, болезни Рейно, болезни Бюргера.

Метод лечения разработан в научном медицинском центре «Эндозкология». В основе метода — стимуляция лимфотока, восстановление микроциркуляционного русла с помощью непрямого эндолимфатического введения лекарственного препарата. Лечение указанным методом в большом проценте случаев позволяет избежать риска хирургических операций, осуществляется амбулаторно, продолжается 10—15 дней.

НАШ АДРЕС: 113184, Москва, Большой Овчинниковский пер., 17/1, стр.3.

Справки по телефонам: 232-52-86 с 14 до 18 часов и 233-16-34

**Если Вы молоды,
энергичны
и твердо решили стать
предпринимателем,
акционерное общество
«РЕНРОС» приглашает Вас**

на высокооплачиваемую работу в области коммерческой внешнеэкономической деятельности.

Честность и обязательность, терпение и предприимчивость, способность нестандартно мыслить, коммуникабельность и корректность, а также постоянное стремление к успеху необходимы в нашей работе.

Вам придется освоить тонкости рыночной конъюнктуры и биржевой торговли, банковские операции и заключение контрактов с отечественными и зарубежными фирмами.

После конкурсного отбора фирма оплатит Вам курс обучения в одной из престижных школ бизнеса.

Ваши предложения с краткими сведениями о себе ждем по адресу: 129515, Москва-515, а/я 20, акционерное общество «РЕНРОС».

Желаем успеха!

РАЙМОНД ПАУЛС:

«ДЕМОКРАТИЯ?»

— Ваше имя уже слишком долго не появляется на московских афишах. И даже иногда начинает казаться, что слушающая, смотрящая, подпевающая публика, не дай Бог, вот-вот вообще может забыть такого композитора Паулса, но... Один из недавних номеров столичной «Вечерки» обнаружил свой очередной музыкально-эстрадный рейтинг и... на первом месте среди композиторов — авторов песен вновь Раймонд Паулс! С чем я и поздравляю вас и нас.

— Спасибо. Мне это приятно.

— И словно в подтверждение этой непроходящей популярности Лайма Вайкуле на концерте 31 августа перед «Белым домом» спела в честь его защитников вашу новую песню под аплодисменты всей Краснопресненской набережной.

— Эта песня была написана в январе, когда у нас в Риге произошли ужасные события, повторившиеся потом в августе в Москве, Ленинграде и опять же в Риге... Между прочим, я волею случая оказался участником того январского кошмара вместе с Лаймой Вайкуле. Она в те дни приехала в Ригу и пригласила меня на обед в ресторан гостиницы «Ридзене», что находится рядом с Министерством внутренних дел. Обед начался в шесть вечера, а ушли мы оттуда домой только... в три часа ночи! Стрельба застала нас в гостинице. Это был ужас, который я пережил впервые в своей жизни. Первый раз я увидел настоящую стрельбу, эти пули... как их...

— Трассирующие?

— Да, трассирующие. Знаете, я выглянул на лестницу, вижу — один забежал в нашу гостиницу и начал беспорядочно стрелять во все стороны... То есть там можно было получить пулю в лоб ни за что ни про что. Достаточно было просто выйти из гостиницы.

Но, конечно, весь ужас нашего положения я отчетливо ощутил, когда на следующий день снова зашел в эту гостиницу. Мне стало понастоящему страшно. Так сказать, задним числом... Вот в те дни и появилось у меня желание написать эту

песню для Вайкуле.

— Кто бы мог тогда знать, что она окажется как нельзя кстати через полгода...

— Да... Но, знаете, все эти месяцы у нас в Латвии была какая-то нервная обстановка, нагнетание ситуации. А в последние перед путчем дни стали то и дело кружить над домами военные вертолеты, много военных появилось на улицах и так далее. Ну а потом — 19 августа... Когда я узнал, что военные заняли радиокомитет, что они ломают технику, которой у нас и так, можно сказать, нет (а во что они ее превратят, можно было представить себе на примере с Вильнюсским телецентром), — это уже выходило из каких-то рамок нормального мышления, я позвонил заместителю командующего военным округом и сказал: даже если у вас там переворот, вы берете власть, зачем же разрушать то, на чем вам потом самим же потребуются работать? Это у меня просто в голове не укладывалось!

— Сейчас этот кошмар в какой-то степени позади. Он, как это ни парадоксально звучит, даже в определенном смысле сыграл свою... позитивную роль: резко подтолкнул такие давно ожидаемые события, как признание Советским Союзом независимости Балтийских государств, в том числе Латвии. Итак, независимость признана. Что дальше?

— Вот вы сказали — давно ожидаемые события. Да, это так, наш народ долго ждал независимости. И, видимо, с л и ш к о м долго. И это очень интересное явление: когда объявили о признании Союзом нашей независимости, не было никаких митингов, торжеств, ликований. Ничего такого. Ну, казалось бы, так ждали этого дня, боролись за то, чтоб он наконец наступил, и вот он пришел... Люди, видимо, были уже настолько измотаны всей этой борьбой и ожиданием, что просто перегорели, что ли... Восприняли это известие очень спокойно, почти равнодушно, как будто произошло самое обычное событие, само собой разумеющееся.

ПОЖАЛУЙСТА, НО — ПОСЛЕ ШЕСТИ»...

Понимаете, независимость — это, конечно, хорошо, необходимо, очень красиво звучит, все это так, но... проблемы-то остаются те же! Нам же надо теперь решать, как дальше жить! А это очень сложное и прозаическое дело в нашей нынешней ситуации. Главным образом экономической. Экономика будет решать все. Без денег мы ничего не сделаем.

— **И в области культуры?**

— Конечно! А что культура? Она же тоже не сама по себе. И очень сильно зависит от той же экономики. Наступает весьма жестокий период — а я, кстати, поддерживаю эту тенденцию, — когда нам придется, очевидно, жить так: если я способен, если талантлив в своем деле — художник, инженер, бизнесмен и т.д., — я буду жить нормально. При этом должен быть не просто талантливым, умелым, хорошим специалистом, но — и это очень важно! — должен еще суметь свой труд продать! А иначе — крах.

Раньше очень выгодная отговорка была: министерство не дает денег, не выделяет фондов, не разрешает того, не делает этого... А теперь, когда очередной директор театра приходит ко мне, к министру, и начинает перечислять, что ему нужно то, нужно это, я отвечаю: «Господин, театр теперь т в о й! Труппа т в о я! Ты дотацию от государства получаешь — все. Об остальном думай сам, как ты будешь жить. Как заинтересовать публику, как кой выбрать репертуар, как кого пригласить режиссера, как и х актеров — чтобы не прогореть. Ну, например, кто тебе позволит в этих условиях ставить пьесу 8—9 месяцев?»

Мы тут недавно нашли хорошего балетмейстера, кажется, из Дании. Решили пригласить. Когда мы заговорили с ним о сроках, в которые он берется поставить балет, он сказал: «За две недели». Представляете себе, в две недели — балет?! Кому-нибудь из наших балетмейстеров это снилось? Вот это работа.

Конечно, можно понять некоторую растерянность художников: у нас сейчас сложная политическая си-

туация, кризис всего и вся. Но, с другой стороны, казалось бы, все цензурные ограничения сняты, пиши что хочешь, ставь и снимай, пой и танцуй что тебе нравится. Но вот в том-то и загадка: НЕЧЕГО ставить и снимать! Нету. Пустота... И тут происходит, на мой взгляд, самое опасное: пустота начинает заполняться пошлостью, произведениями удручающе низкого качества, порнографией и тому подобной «продукцией». Все это сейчас всплывает на поверхность, как пена: эти жуткие видеофильмы на каждом углу. В основном американского произ-

водства, хотя американцы сами их не смотрят ввиду чудовищного качества и пошлятины, а мы — пожалуйста!..

— **А что с этим можно поделать? Не запретишь же.**

— Мы, министерство, не имеем ровным счетом никаких прав, чтобы все это прикрыть! Мне всегда скажут: «Извините, но у нас демократия»... Потому что мы эту самую демократию еще по-настоящему не понимаем и долго, видимо, еще не поймем. Я так считаю: демократия — в наших политических взглядах. Вы можете состоять в народной партии,

Фото Л. Бесарабы

в либеральной, социалистической, какой-то иной — пожалуйста, никто не мешает. Это дело каждого. Но — только после работы. Демократия — после шести. А на работе демократии нет! Ты в восемь ноль-ноль пришел — и будь любезен до конца рабочего дня трудись как следует. А потом — можешь идти с работы на митинг, кричать там лозунги и прочее.

— *А все же, Раймонд, что же делать с пошлостью и порнографией в культуре? Помните, на союзном уровне, в парламенте, ломали копы вокруг этой жгучей проблемы. Была даже создана комиссия во главе с самим министром культуры Губенко для пресечения попадания на экран и сцену порнографии, насилия и так далее. Насколько, по-вашему, эффективна такая странная мера?*

— Именно странная... И абсолютно никчемная. Во всяком случае, я так считаю. Каждое произведение искусства — дело в к у с а самого творца. На нем, профессионале, лежит персональная ответственность за то, что от него исходит зрителю, слушателю. А иначе нам придется иметь столько контролеров! Это надо будет тогда второе КГБ открыть, чтоб контролировать пошлость, безвкусицу, порнографию в культуре, отслеживать каждый концерт, каждый спектакль?! Абсурд! Все это должно быть только на совести, на профессионализме, на в к у с е художника. Например, никто же никогда не мог сказать, что в передаче «До и после полуночи» у Молчанова было что-то пошлое, верно? Никогда. Потому что у него есть в к у с. Это главное. И мы, деятели культуры, должны этот вкус формировать, оказывать на него влияние своим творчеством. А иначе... Знаете, сейчас в Ригу понаехало столько разных магов, волшебников, колдунов, экстрасенсов и так далее! Вот уж кого гнать надо со всех подмошков!

— *Вы уже третий год министр. А еще и депутат. Значит, в определенной степени — политик. Как вы ваши сегодняшние ощущения от политической жизни в республике?*

— Конечно, на всю нашу работу сегодня очень сильно влияет политическая ситуация. В частности, в Латвии сейчас большие споры вызывает будущий закон о гражданстве. Но при всех дискуссиях, я считаю, мы не должны упускать из виду того,

что (и нас, кстати, об этом предупредил Джеймс Бейкер, когда был в Латвии) сейчас все наши законы, относящиеся к гражданству, должны соответствовать мировым стандартам, в частности Декларации о правах человека. Под этим углом, помоему, и надо рассматривать все варианты будущего закона.

Понимаете, у нас, в Прибалтике, есть, конечно, свои сложности. В чем проблема? К нам в республику в свое время понаехало отовсюду множество люмпена, которому наплевать на свою собственную культуру и, естественно, тем более наплевать на чужую. И они не виноваты — это просто была рабочая сила, которую сюда согнали. Я не хочу при этом сказать, что они сильно отличаются от иных латышей. Нет, и среди латышей, к сожалению, тоже очень много такого люмпена... Это, знаете, такой уровень потребности — бутылка водки и телевизор. Больше ничего в жизни не надо. И, надо сказать, наша партия любимая с такой публикой очень хорошо жила. И в некоторых случаях даже срослась воедино. Эти люди были отлично управляемы, партии они были удобны.

Я все-таки за то, что какой-то ценз для получения гражданства должен быть, как и в любом цивилизованном государстве. Ни в одной стране нет такого, чтоб ты приехал в нее и уже через год — депутатом стал... Наша прибалтийская ситуация — специфическая. Начиная с 1940 года была, откровенно говоря, оккупация. Но, с другой стороны, не считаться с тем, что с той поры прошло уже 50 лет, выросли другие поколения, тоже нельзя.

Если говорить об Анатолии Горбунове, то, я считаю, что он способен вести гибкую политику. А в связи с законом о гражданстве Народный фронт начинает на него атаку. Но мне кажется, у них мало шансов. Вообще, я считаю, Горбунова надо избрать президентом. Чтобы он, как президент, имел власть, данную народом, и мог спокойно руководить. Вместе с Годманисом.

— *А, кстати, как вы оцениваете премьер-министра Годманиса, под непосредственным началом которого работаете?*

— Очень умный человек! Фанатик своего дела. Но, думаю, они, радикалы, его тоже в конце концов могут довести до ручки... Очень много критикуют его справа. А он, между прочим, недавно сделал интересное

предложение, чтоб в правительстве было несколько министров русского происхождения...

— *Но это тоже вряд ли нормально: не по деловым качествам, а по национальному признаку...*

— Точнее — русскоязычных. Нет, это вовсе не из желания потрогать кому-то или из необходимости наличия процентного отношения в кабинете министров, нет. Он совершенно справедливо считает: раз есть толковый человек — неважно, русский он, латыш или еврей, — надо назначать его министром. Если он профессионал. Словом, в нашей республике, где примерно равное число латышей и нелатышей, в национальном вопросе необходима не радикальная политика, а гибкая: защищая одних и защищая других.

— *Видимо, так же должна осуществляться и политика в отношении возникающих в Латвии национальных культурных обществ?*

— Разумеется. Их уже много в республике — эстонское, русское, еврейское, ряд других. В принципе я считаю, что в вопросе развития этих обществ не должно быть кампаний. Должна быть система. Очевидно, в будущем бюджете Латвии должны быть предусмотрены специальные средства для этих обществ. И, конечно, жизнеспособность этих национальных обществ в огромной степени зависит от людей, занимающихся их организацией. И вот в этой связи меня удивляет вопрос с Русским обществом. Они говорят мне: «Вы все внимание уделяете своим латышским национальным хорам!» А я отвечаю: «А кто ж вам-то мешает то же самое делать? Никто!» Ясно же, что эти дела, как и когда-то художественная самодельность, всегда строятся на энтузиазме. В основном. Нет энтузиастов — ничего и не будет. От одного человека, руководителя, иногда все зависит.

Вот есть тут одна эстонка, она уже меня «достала» своим энтузиазмом. Но она всего добилась для своего Эстонского общества! Чем? Своей энергией, заряденностью, напором, заинтересованностью.

А русские более инертны, все чего-то ждут, свою инициативу не проявляют. А потом говорят, что я плохо отношусь к русским. Смешно! Ну как я могу относиться к русским, если моя жена — русская?..

— *Вы никогда не бывали в Москве, у своего коллеги — союзного министра культуры?*

— Знаете, подтвердилось то, что я говорил с самого начала: общесоюзное министерство культуры не нужно вообще.

— И что же, никаких контактов с Губенко не было?

— Ну... такие... вежливые, неблизкие контакты. Мы с ним, по моему, по-прежнему в неплохих отношениях. Но как с министром у меня с ним контактов почти что нет. Почему? Что сейчас получается: если я захочу, скажем, договориться о гастролях с каким-то московским театром, я же свяжусь не с союзным, а с российским министром, правда?

— Здесь, в Риге, я услышал: Паулс уходит в отставку...

— Вот только вчера подал очередное заявление Годманису об уходе. А он вернул мне его: работай, пожалуйста. Но, знаете... Я устал от всей этой круговерти. Иной раз в прессе такое про себя увидишь... Критикуют же не просто, критикуют зло, выливают на тебя ведро помоев. Не у каждого выдержат нервы. И потом — за что мне все это терпеть? Если б у меня были какие-то сверхъестественные блага! Я, министр, получаю на руки 800 рублей, а работаю с 9 утра и до позднего вечера. Из-за чего здесь работать? Я, честно говоря, работаю только из каких-то патриотических чувств. Ничего ж нет больше, никаких привилегий, кроме служебной машины. А в Верховный Совет то и дело вызывают «на ковер», могут за пять минут с тобой рассчитаться...

— А ведь на вас, как я понимаю, еще и депутатские обязанности? Хотя я вас что-то на последних съездах не видел...

— Нет, я уже не считаю себя депутатом. Это мое депутатство — по моему, агония какая-то. Я сказал своим коллегам-депутатам, что извините, но мне нечего там, на этих съездах, делать, только время терять. Это собрание полностью изжило себя, его давно надо было разогнать. И вообще депутатство не мое дело. Как, впрочем, и должность министра...

— Но премьер-министр Годманис, похоже, считает по-другому?

— Я ему сказал: другого такого идиота, как я, вы на эту должность вряд ли найдете... Но работать с ним мне хорошо.

— Что вам удалось сделать на этом посту за почти три года?

— Я думаю, главное (а может, и единственное), что мне удалось, это то, что за это время не стало еще ху-

же... Все мои, министра, дела не видны. Вот пройдет 3—4 года, и, если открою Оперу, которая сейчас моими усилиями капитально ремонтируется, тогда можно будет предъявить результат моей работы. Оперу отреставрировали и открыли — молодец министр Паулс! Это — результат. Всегда людям нужен зримый результат. Осязаемый.

— Вы и в Латвии совсем перестали выступать в концертах?

— Да...

— Так кто же вы сейчас такой — Раймонд Паулс? Композитор, пианист, политик? Два года назад вы мне сказали: завхоз...

— Да и сейчас ничего не изменилось. Ну, можно сказать, если не завхоз, то — чиновник... Правда, я пытаюсь не терять форму. Не так давно сделали с Вайкуле ту песню, о которой мы говорили. Сейчас работаем с ней же для ее новой программы и для нового фильма-концерта. По-моему, там есть неплохие новые песни. Знаете, я не люблю катать свои старые творения. Мне всегда было это неинтересно. Сейчас мне многие говорят, что, мол, рано я ушел со сцены. Ну, наверное, я мог бы еще с определенным успехом выступать со своими старыми программами — и в Риге, и в Москве, и по стране. Мне вот сказали тут как-то: у вас такие прекрасные дети в ансамбле «Кукушечка», а вы не выступаете... Но как же не понять, что эти прекрасные дети в ы р о с л и ! И в новом своем качестве они (я не хочу сказать, что не такие уже прекрасные) мне творчески неинтересны. А ничего нового с ними я не придумал. И потом, я не приспособлен для стадионов. Я могу выступать в зале до 1000 мест, но все же я скорее — камерный исполнитель...

Вот сказал «камерный» и вспомнил одну историю. Как-то, когда еще в Латвии был у власти Пуго, я участвовал в одном из правительственных концертов. После концерта он подошел ко мне и сказал такую фразу: «Знаете, а я люблю к а м е р н у ю музыку»... Я сейчас подумал: не пошутил ли он тогда так мрачно, вкладывая в свою фразу некий двойной смысл?

— Вы были знакомы с Пуго?

— Часто встречались. Он, кстати, положительную, по-моему, роль сыграл в нашем движении Народного фронта. Во всяком случае, после Воссса он воспринимался всеми как более умеренный, гибкий и лояльный к прогрессивным течениям пер-

вый секретарь. Все-таки не помешал тогда Янису Петерсу основать Народный фронт. Даже как бы прикрыл наше народное движение от московского центра.

— Итак, что же получается, Раймонд: со сцены вы как исполнитель ушли, возвращаться не собираетесь, из депутатов уходите вот-вот, из министров — того гляди, тоже... Что же будете делать, когда отовсюду уйдете?

— Ну, во-первых, уйти со сцены — это не означает бросить творить. Я ж сказал: я и ныне стараюсь не терять форму. Я еще не упомянул об одной очень интересной работе, которую мы сейчас завершаем с театром, — мюзикл-пародия «Слуги дьявола». Это некий парафраз на темы, близкие к тем, что происходят сейчас в нашей политической жизни: там будет и подобие переворота, и так далее. Работа над мюзиклом меня страшно увлекает, может, мне кажется, получить нечто интересное. А когда уйду из министров... Знаете, я все-таки всю жизнь работал на кого-то. Откровенно говоря, на себя удавалось работать мало. Вот и хочу пожить чуть-чуть для своего удовольствия...

Григорий КРОШИН

В МП «КОНСО»

внимание опытных врачей
ждет КАЖДОГО, кто придет к нам.

Мы лечим:

- облысение, аллергические заболевания;
- бесплодие, сексуальные расстройства;
- остеохондрозы, радикулиты, артрозы, артриты.

Мы предлагаем:

- лечение и протезирование зубов;
- лечение нарушения мозгового кровообращения.

А также:

- психологическую помощь, снятие неврозов.

Нетрадиционные методы
лечения сочетаются с
новейшими!

Москва, ул. Ясногорская, д. 3а,
тел. 426-98-00, с 15 до 19 ч.

Елена САЛИНА

ЛОВЛЯ
ПЕСКАРЕЙ

В НОЧНОМ ТАКСИ

...А вообще, скажу я вам, занимались мы работой грязной, бессмысленной, нелепой, безнадежной и удовлетворения не получили. Дома первым делом забралась я под душ, понадеявшись, что потом сразу крепко засну и все забуду.

Таксист — мой классовый враг. Это я осознала давно и намеренно придушила отдельные всплески гуманизма на тему «все люди разные», которые тайными тропами пытались пробраться в мою голову.

С тех пор крест-накрест вычеркнула расходы на этот вид городского транспорта из своего семейного бюджета. А если обстоятельства намертво припирают к стене, сажусь в машину с шашечками с чрезвычайной брезгливостью и страдаю дорогой вместе со своей принципиальностью. Муками моральными, а не материальными, конечно.

И когда мой знакомый сотрудник ОБХСС обмолвился случайно, что

«палок» (раскрытых преступлений. — *Ред.*) в кварталный план не хватает и поэтому едет он, как обычно, в ночное, отлавливать таксистов, мстительное злорадство, которого я и не предполагала в себе в таком количестве, вылезло вдруг из какой-то перекрученной кишки и в момент заполнило нутро.

— С собой возьмете? — выдохнула с мольбой.

— Почту за честь.

Указание было дано строгое: захватить дорожную сумку, как будто улетаю, уезжаю или провожаю, и в 18.00 быть в условленном месте.

Мы, то есть Марина, школьная учительница, Андрей, преподаватель из

института, Иван Иванович (в дальнейшем Иван Иваныч), старший оперуполномоченный, Эдик, фотокорреспондент, и я — пассажиры. Нас пятеро — такова жизнь. Мы очень спешим, но таксистов, которые захотят нам помочь строго по счетчику, отпускаем с миром.

Еще один Андрей и Слава едут сзади в служебных «Жигулях» на случай непредвиденных эксцессов.

Точка отправления — метро «Речной вокзал». Вождеденная цель — Шереметьево-2. Время в пути — 18 минут.

Марина поднимает руку, и первый же зеленый огонек послушно гаснет перед нами.

Возраст — неопределенный, между сорока и пятьюдесятью. Одет никак, бесцветно, руки натруженные. Работяга.

— Подбросьте, пожалуйста, в Шереметьево-2, очень спешим, самолет.

Раздумье на минуту суживает глаза.

— А сколько дадите?

— Ну, мы не знаем, мы нездешние. По счетчику, наверно. Но нас пятеро. А сколько надо?

Глаза расширяются, и вдруг один подмигивает плутовски, и хитрящая мужицкая улыбка (как в русских народных сказках про богатого барина и умного мужичка) округляет лицо.

— Тридцатничек дадите?

Мы переглядываемся, смотрим на часы, обреченно вздыхаем и набираемся в машину.

«Водитель такси является материально ответственным лицом и несет ответственность за полноту и правильность сбора платы за пользование такси в соответствии с установленными тарифами и показаниями таксометра...»

Из должностной инструкции.

Ворота в забугорный рай встречают нас неонам, запахом хороших сигарет, неземными огоньками, беспечно набирающими высоту. Просим таксиста подвезти вниз, к «прилету». Щелк — замирает счетчик. 3 рубля 06 копеек.

Марина протягивает давно приговоренную сотенную (правило: кто договаривается, тот и платит) и берет сдачу — три по двадцать пять.

— О, — удивляется, — за четвертой доvez.

Совесть, что ли, мужика замучила?

— Контрольная поездка, — объясняет Иван Иванович, — обэхаэсэс.

И вытаскивает свою краснокожую книжку. Все.

Водительское удостоверение, путевой лист, протокол. Эдик клацает затвором фотоаппарата, озаряя салон вспышками и привлекая внимание зевак.

Я сию секунду, прямо за спиной таксиста. Я вижу только затылок. Еще съезжившиеся плечи. И надорванную куртку бесцветного цвета на плечах.

Таксист обледенел. Ни движения, ни звука.

Только Иван Иванович скороговоркой:

— Так, на счетчике 3.06, правильно? По новым ценам двойной тариф, 6.12, так? Вы следите за моими расчетами? Плюс президентские, так? Итого 6.43, согласны? 25 минус 6.43 получится 18.57, значит, сумма незаконно полученного вознаграждения — 18 рублей 57 копеек. Правильно?

Из-под корочки водительского удостоверения смотрит хорошенькая девочка в белом школьном фартучке и с огромным бантом.

— Дочка? — в голосе опера появляются какие-то новые нотки. — Сколько детей-то?

— Двое, — безразлично шевелит губами таксист.

— Объяснение будем писать? Может, детям на питание не хватает, а? — почему-то с надеждой спрашивает Иван Иванович.

Молчит.

Мне очень плохо. Наверно, есть более образные выражения для описания чудовищного внутреннего дискомфорта, но я их не помню. Мне просто очень плохо.

Организм мобилизует защитные резервы. Да, была зима, сильный мороз, и «скорая» увезла с дочкой в больницу, потому что детский врач из поликлиники не мог поставить диагноз. И в больнице успокоили, мол, ничего страшного, можно возвращаться домой. Но была уже ночь, зверский холод, и мой пушистый клубочек непрерывно кашлял — воротник шубки побелел от изморози. Дочка не плакала, она только терла все время лицо и приговаривала: «Мама, глазки хотят спать...»

И ни одна зеленоглазая сволочь не остановилась. Чудом подвинулся старичок на «Запорожце», живший к тому же по соседству. Денег не взял, сколько ни уговаривала.

А помнишь, как помогала подружке добраться до роддома? А ночные возвращения из командировок помнишь? Когда последний рейсовый «Икарус» выбросит тебя у Парка культуры или аэровокзала, что, в общем-то, одинаково далеко от дома. Ты вспомни их наглые рожи, вальяжную посадку, хамский оценивающий прищур, хозяйское снисхождение, как будто бросают кость!

...Передо мной сидел уставший, покорный, битый-перебитый жизнью человек. И я не выдержала пытки — выскочила из машины.

Там уже стояла вся компания, сбившись кучкой. Тоскливо вздыхал «общественник» Андрюша, приговаривая: «Все, хватит, в последний раз, надоело». Сердито сопел носом отщелкавший пленку Эдик, у него вдруг случился рецидив утреннего насморка. Тихо подошел сзади Слава (я и не заметила, как подъехала вторая машина).

— Сейчас Иван Иванович научит его, чем разжалобить судью.

— А что за это бывает?

— Из парка вообще-то выгоняют. И пять лет без права работать в такси. Но этот, бог даст, отделается штрафом. До пятисот.

— Да-а, пахарь попался, — процедил Андрей из второй машины и сплюнул, — у них мафия везде орудует, а хватаем пахарей.

В поисках мафии мы с Мариной отправились на аэропортовскую стоянку.

Откручивая пальцы ключами, со всех сторон к нам устремились частники: «Дэушки, дэушки! Куда эхать нада?»

Частники в наши планы не входили.

Окатив ледяным взглядом представителя нацменьшинств в классической кепке, Марина отрезала: — Твоя тачка не подойдет, дядя. Нас много.

— Автобус хатыте? Нэт праблэм, — оскорбился знойный кавказец. Но мы его уже не слушали.

Наши «объекты», небрежно опершись локтями о хребты своих железных коней, расположились дальше. Три, четыре, пять, шесть машин. Хозяева смотря сквозь нас, в лучшем случае устаивают небрежным покачиванием голов: раз — влево, раз — вправо, и все.

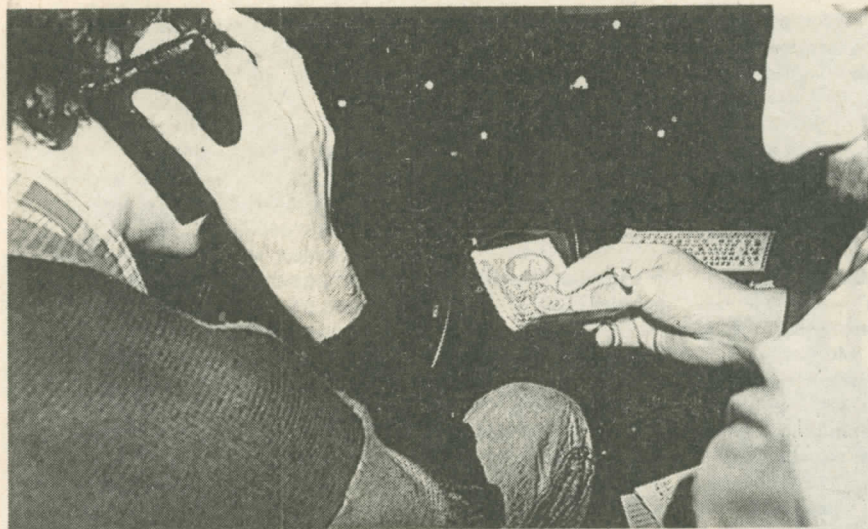
— Эти здесь «прописаны», — объясняет Марина, — везут только за валюту. Самолета ждут.

— Вот он, главный мафиози, — догадываюсь я и тычу пальцем в коренастого гаишника, который, перекачиваясь с пятки на носок, безразлично взирает на наши метания среди таксомоторного изобилия.

Между тем прилетел самолет, и стайки желтокожих «белых людей» с неподъемными чемоданами на колесиках начали выпархивать на стоянку.

С «наших» вмиг слетели маски пресыщенных жизнью ленивцев, моторы ласково заурчали, дверцы распахнулись как бы сами собой, втянули выходящий поток — несколько минут, и площадка вновь опустела. А мы вернулись к основной группе, расписавшись в собственном бессилиии.

Тогда на охоту отправились Иван Иванович с «общественным» Андреем. Экзотический спортивный костюм, шапочка с кисточкой и хиповый рюкзачок за спиной если и не делали нашего полномочного иностранцем, то уж статус отечественного чемпиона, возвращающегося из загрантурне, давали определенно. И точно, вот он уже подхватывает нас

на повороте, а за рулем парнишка, который нам с Мариной раньше отказал. Ему, по-видимому, не досталось иностранцев.

Весело вылетаем на Ленинградку и... стоп-машина. Впереди авария. Предыдущий «ленивец» со своим инвалютным грузом на всех парах врезался в чей-то «Жигуленок». Груз не пострадал — бегаёт вокруг, щебечет разноязычно. Водила кроет изысканно русским, а машины, обе, помяты изрядно.

— Вот, — назидательно вещает Марина, — он нас не повез, и за это ему не повезло. Кстати, за сколько едем-то?

— За полтинник, — с достоинством отвечает Андрей.

А у меня в голове вертится: еще неизвестно, кому не повезло больше.

«Водителю запрещается... получать в качестве платы за проезд иностранную валюту».

Из должностной инструкции.

Конец маршрута — Ленинградский вокзал. Время в пути — 35 минут. Госстоимость проезда — 14 рублей 07 копеек.

В дороге было взбодрились, шуточками сыпали, а как стали подъезжать, опять подкатило тоскливое и тягучее, и захотелось закрыть глаза, заткнуть накрепко уши, забальзамироваться и так переждать период развитого социализма.

На этот раз расплачивается Андрею. Переспрашивает просительно, будто уговаривает парня одуматься.

— Так сколько с нас?

— Как договорились, — бурчит молодой, отвернувшись в сторону.

Та же сотня перекочевывает в руки таксиста, а к Андрею возвращаются две помятые двадцатипятирублевки. Купля-продажа произведена.

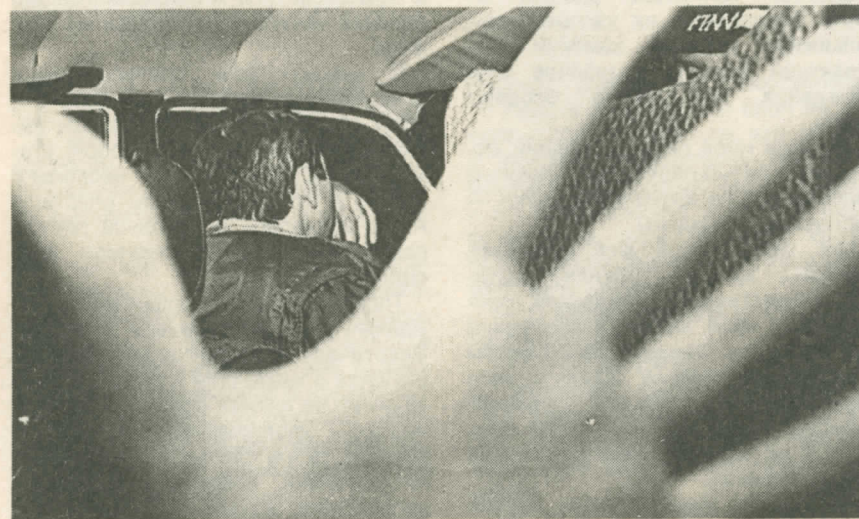
Фотовспышка, дернувшийся затылок, красная книжечка — дело сделано.

— Эм-радио, мне хорошо с тобой, — уверяет умопомрачительный мужской голос. Сейчас он не прав.

К машине вразвалочку подходит вокзальный гаишник и придирчиво заглядывает внутрь: «Чего ожидаем?» А там, снаружи, уже Слава в черном, наглухо застегнутом плаще — точь-в-точь Шерлок Холмс — проясняет обстановку.

— Верните деньги пассажиру, — строго требует Иван Иванович. — И заберите свою сдачу.

Но парень неожиданно поворачи-

чивается к нам всем корпусом и нагло-фальшивым голосом заявляет:

— Я деньги не брал. Откуда они взялись, не знаю. Сдачи не давал. И протокол не подпишу.

Вокзал провожает любимый поезд. «Прощание славянки».

— Эй, не надоело? — это уже Эдику (мы с ним работаем инкогнито, чтобы не довести шоферскую психику до необратимых последствий). — Пленки не жалко?

— У нас в управлении, — пренебрежительно парирует Иван Иванович, — пленки навалом.

Лирическое отступление. Сейчас опять, как обычно, заведу заезженную милицейскую пластинку.

Хорошо иметь в подобной ситуации диктофон? Хорошо. Не столько даже для доказательства — все-таки подписи троих свидетелей чего-нибудь да стоят, — сколько для упрощения процедуры. Чтоб не тратил водила время на выкрутасы: было — не было, говорил — не говорил. Включишь сразу после отказа пленку — говорят, впечатление производит убойное.

Есть у Иван Ивановича диктофон? Есть, но непригодный, без выносного микрофона. Сегодня сломался. Или батареек нет. Или кассет.

Далее. По дороге из Шереметьева вторая машина нас просто-напросто потеряла. «Наш» рванул под сто сорок, а растерзанный дедушка «Жигуль» (без слез не взглянешь) выжимает сто двадцать и ни метром больше. Тут же навзрыд мне была предъявлена вся биография милицейского коня. Возраст — 12 лет. Служил в ГАИ, а это говорит само за себя. Потом латали, красили, отаживали, как могли. Узнали, что машина списана и продана в неизвестные руки. Прятали по дворам, ругались страшно. Отстояли. Теперь мучаются, но хоть так.

А еще для меня полная загадка — порода маленьких милицейских начальников на уровне райотдела или отделения милиции. Уж они-то куда как хорошо знают нюансы — не так давно сами стаптывали ботинки на улицах. Трансформация совести от звездочки к звездочке — вот проблема для науки. Ну почему одна из мизера оперативных машин (лучшая!) непременно становится персональной? Что, на совещание в главк автобус не ответит? К дому метро не подведено? Своего бензина жалко до слез? А уважение подчиненных? Пустой звук?

Нашли нас на Ленинградском вокзале чудом, неизученным шестым чувством — мы, оказываемся, забыли сказать, куда едем.

Следующая ездка — «домой», в управление. Общим собранием единогласно постановили: если не выпьем по чашечке кофе — расклеимся.

Опять тридцатник — еще не закрылось метро, позже в ход пойдут столы. Кстати, сразу отмечу, ни один таксист не предложил свои услуги по счетчику, равно как ни одного не смутил запрещенный избыток пассажиров.

Действуем по старому сценарию, только от таксиста веет недобрым. Смурной какой-то, с черным, если оно есть, биополем. Медленно, словно набирая обороты, пробует голос:

— Ну и чего это все? Чего добиваетесь? Согласие даете, так чего добиваетесь? Если вы даете согласие, так чего ерундой занимаетесь!

Мотор вдруг взрывается злобно, как будто сейчас встанем на дыбы. А у нас все дверцы настежь, и Эдик в поисках удачного ракурса чуть ли не ползает под колесами.

— Спокойно! — вскидывается Иван Иванович. — Выключить зажигание! — И столько в его голосе властной решимости, что мотор умолкает.

Как привидение из небытия, слева у передней дверцы возникает Славина шерлокхолмсовская фигура. На капот, поигрывая бицепсами, опирается Андрей. В руках у него невесть откуда взявшаяся дубинка, которая в свете фар очень похожа на змею. Сзади притерт исторический «Жигуленок».

И водила, здраво поразмыслив, идет на попятную. Его бурчание плавно спускается в рабочий режим:

— Что, я один такой? Все так ездят, а то вы не знаете. Ну, уволюсь я — другой на мое место сядет. Какая моя профессия — я специалист широкого профиля, без работы не останусь. Я вообще в парке недавно.

— А чего в таксисты пошел? — не отрываясь от протокола, спрашивает Иван Иванович.

— Блата нет, чтоб в ОБХСС пристроиться.

За кофе принимаем резолюцию: отлов на сегодня прекратить по причине нервного истощения представителей прессы и ввиду ничтожного кпд. Общий вывод — мрак и тоска.

Фото Э.Кудрявцового

Да знаю я все. За мойку — плати, опоздал после смены — плати, начальнику колонны — полсотни ежемесячно, просто въехать в зону ремонта — 25 рублей, за два положенных колеса — 50, и так без конца. Может, расценки не точны — инфляция. Жалко мне таксистов.

И оперативников тоже жалко. Вместо того чтобы заняться нормальной работой, добывают «палки» в статистику и строчат протоколы. Год валяются в сейфе изумруды на полтора миллиона — захватили группу перекупщиков, — никому не нужны, даже до суда дело не дошло. Взяли с полицным врача, который на хорошей коммерческой основе спекулировал лекарствами, людям с натурально сломанными ногами умудрялся больничные продавать, — так у того жена оказалась в прокуратуре, опять спустили на тормозах. Еще бы не обидно.

А пуще всего жалко мне остальных: голосующих и вливающегося в автобусы, стоящих в очередях, голодающих, униженных и унижающих друг друга — подопытных крыс великих политических экспериментов, в судьбе которых наш рейд не оставил ни малейшего следа.

Фамилии водителей, номера таксопарков и машин я записала. Но решила не публиковать. Зачем?

Алексей МИТРОФАНОВ

БИТВА ВРАЧА СО СВЯЩЕННИКОМ

Сначала было письмо в редакцию. Пациент 68-й поликлиники, подписавшийся «коренной москвич Мих. Берлянд, ветеран войны, пенсионер, абориген Архипелага ГУЛАГа», сетовал, что родное его лечебное учреждение рискует оказаться без помещения. «Здание старинное, когда-то построенное как странноприимный приют какой-то Великой Княгиней (достойное свершение). На это здание претендует церковь... Отнимать здание у нуждающихся в медицинской помощи и привыкших к дому и месту, где лечатся, безнравственно, аморально... Прошу отстоять для жителей и пациентов...»

По правде сказать, не поверил я автору. Сгущает, думал, краски. Очень уж резким было послание. Но взглянул на адрес лечебницы — Большая Ордынка, 34. И вспомнилось — там Марфо-Мариинская Обитель. Так, значит, «какая-то Великая Княгиня» — Елизавета Федоровна Романова, легендарная основательница приюта. Была она замужем за Великим Князем Сергеем Александровичем. Когда в 1905 году ее супруга разорвало бомбой фанатика Каляева, она поставила на месте трагедии крест с надписью: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят». Добилась у царя помилования террористу (но бомбометатель отказался). Затем, продав часть своих вещей, купила кусок замоскворецкой земли и открыла там приют. Архитектор Щусев построил чудесную Покровскую церковь, а художники Нестеров и Корин расписали ее. Жила обитель полусветскими-полумонастырскими

законами. Сестры не принимали постриг и могли поступать на любое время, затем уходить. Там можно было получить любую помощь. Работала больница, амбулатория, аптека, сиротский приют... Там присматривали за детьми, помогали устроиться на работу, раздавали деньги, продукты, одежду... Сестры помогали больным в их домах, но не гнушались ходить по притонам и тюрьмам. Великая Княгиня спала по три часа в сутки, на жесткой деревянной кровати, лишенной матраса, была аскетична в еде. Строжайше соблюдала себя, но любила людей и прощала им многое, если не все.

Когда в 1918 году Великую Матушку, как принадлежащую к царской семье, сталкивали в заброшенную шахту Алапаевска, она громко молилась и упрашивала, но не мучителей своих, а Бога: «Господи, прости им, не знают, что делают!»

А еще вспомнил я громогласного замоскворецкого батюшку, протоиерея отца Бориса Гузняка, настоятеля церкви Всех Скорбящих Радосте на Ордынке. Год назад он учредил Марфо-Мариинское Благотворительное Общество, с его участием на территории обители, там, где сейчас Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени И.Э.Грабаря, был открыт памятник Великой Княгине...

Связав эти воспоминания, я отправился в Замоскворечье.

В кабинете главврача поликлиники № 68 Риммы Алексеевны Пумырзиной я застал директора научно-медицинской фирмы «МБН». Они предавались модной нынче иг-

ре под названием «переговоры по-советски». Эта забава заключается в том, что партнеры хитрят, пытаются уличить друг друга в некомпетентности, ведут позиционный торг — в общем, совершают множество действий, никак не уместных в нормальных цивилизованных переговорах, а в конце расходятся, не сошедшись ни на чем. Если я правильно понял, речь шла о размещении в здании поликлиники некоего, якобы уникального, диагностического центра. Вскоре собеседникам наскутила их игра, и директор «МБН» ушел, обещав зайти в следующий раз.

— Да, это так, — гневно начала свое повествование глава районной лечебницы, — нас хотят лишить помещения. Говорят, что нужно сделать тут монастырь. Учредитель Марфо-Мариинского Общества — наш местный комитет самоуправления. Поначалу оно замышлялось как светское, но отец Борис Гузняков — настоятель церкви Всех Скорбящих...

— Я знаю его, — вставил я, чтобы поддержать беседу, и сразу же пожалел об этом.

— Откуда? Объясните. Я должна знать это. Вдруг вы от него пришли? Когда вы с ним познакомились? И при каких обстоятельствах?

Мне показалось, что она задаст еще несколько вопросов, затем войдут конвоиры и уведут меня в темный застенок. Но, справившись со своим испугом, я объяснил бурлящей женщине, что ее большая тема тут ни при чем, и она продолжила свою филиппику:

— Отец Борис набрал себе яко-

бы сестер милосердия, а на самом деле — каких-то пожилых женщин и студенток третьего курса, платит им большие деньги. Хочет создать гостиницу для иностранных паломников. Врач у него — представить только — семьсот рублей получает. А у нас...

И моя собеседница стала указывать на полных дам в белых халатах, присутствующих в кабинете, наверное, для поддержки. Сообщила, сколько десятилетий они тут работают и сколько при этом получают. Те скорбно кивали.

— Поначалу Заславский держал нашу сторону, говорил отцу Борису: построишь поликлинику под ключ — забирай эту. Но тут началась вся заварушка, появился вместо Заславского Музыкантский...

— Хорошо, я побеседую с отцом Борисом...

— Так он выкрутится. Скажет, что хочет забрать не это здание, а соседнее. То, где кооперативы.

— А на самом деле?

— И на самом деле, — чуть спокойнее сказала Римма Алексеевна. — Но у нас там кабинет физиотерапии, лечебно-оздоровительный центр, физкультурный зал. Всего 1200 квадратных метров. Не побожески отнимать.

На следующий день я позвонил в церковь Всех Скорбящих Радосте:

— Неужели вы и вправду покусились на помещение поликлиники?

— Все это выдумки главврача, — ответил замоскворецкий батюшка. — Поликлиника находится в трехэтажном здании. Она там и останется. Но на территории Марфо-Мариинской Обители есть три святыни: церковь Марфы и Марии — туда внедрилось подразделение китайской медицины; покои Великой Княгини — там физиотерапевтический кабинет и больницы — в ней кооперативы. Как только нам передают здание, где все это располагается, мы восстанавливаем больницу и переводим туда службы поликлиники, освобождая для себя покои и церковь. Кстати, прихожане говорят, что главврач нагнетает обстановку. Когда нам выделили комнату в больничном корпусе, она сорвала замки. Мне удалось договориться с бельгийской ассоциацией «Врачи без границ» о помощи — Римма Алексеевна отказалась...

Я ждал, что добавит батюшка, как и Великая Княгиня, — «прости ей, Господи...» И не дождался. Хотел, как подобает доброму христианину,

попросить под конец разговора благословения — и не попросил. Потому что не понял: кто, у кого и на что. Православный у священника на добрые дела или журналист у депутата, члена комитета самоуправления, официального лица — на объективный материал о его же притязаниях. А Пумырзина, когда я передал ей обещания отца Бориса, крикнула: «Он врет! Ничего он нам не отдаст, ему ордера нужны».

...И обратились наши спорщики к «историческим истокам». Одна сторона говорит, что обитель была светским учреждением, а другая —

что духовным. И забывают, что до революции Государство и Церковь были неотделимы друг от друга, а Самодержавие и Православие — почти синонимы. Но Церковь отделили от Государства, и появилось у нас как бы две страны на одной территории. Которую сейчас и делят.

Делят озлобленно и подозрительно, ни в чем не веря друг другу. Хотя цель у них, казалось бы, одна — оказывать людям помощь. И не ссориться бы им, а, напротив, объединить свои усилия...

Но не под силу преодолеть квадратные метры раздора...

Фото В.Шишова

ИМИДЖ
РЕКЛАМА

ВЛАДИМИР КОСТЕНЕЦКИЙ: "Я хочу, чтобы в России стало много богатых"

— Владимир Иванович, как вы думаете, предприниматель — это призвание, профессия или торговля воздухом?

— В нашей стране, как это ни странно звучит, предпринимательство — это жизненная необходимость. Посмотрите, кто сегодня руководит предприятиями новой волны? В основном это бывшая техническая интеллигенция. А впрочем, почему бывшая и почему техническая?.. Просто интеллигенция, прошедшая суровую школу реальности, когда некий среднестатистический советский человек почему-то получал в два раза больше, чем инженер, врач или педагог. Это положение противоестественно для думающего человека, который хочет элементарно иметь крышу над головой, что-то есть и во что-то одеваться. Сколько капканов расставляли власти всех мастей для так называемых "шабашек", с помощью которых сметливые руководители хозяйств затыкали дыры на фронтах "социалистического строительства"!.. Так вот мы и "учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь". Как тут не стать глубоким экономом?

Сколько бы должностей я не занимал в своей жизни, ни в одной из них я не чувствовал себя свободным человеком. Два года назад, когда мне исполнилось тридцать три, я понял: сейчас или никогда. Я закончил аспирантуру, диссертация утверждена к защите — она связана с проблемами памяти, мышления и ориентации личности — и самое время было принять решение. И я его принял. И не жалею об этом. Подлинно свободным человек может быть только тогда, когда сам распоряжается своей судьбой и использует все свои возможности на полную катушку.

— Нас много пугали зловещим образом "теневой экономики", подрывавшей "основы"... Совсем еще недавно этот затертый штамп извлекли из своих партийных спецхранов теперь уже бывшие защитники народа со Старой площади и Лубянки. А существует ли на самом деле этот театр теней с ключевой сценой "отмывания" черного кобеля добела? Связан ли он с сегодняшней ситуацией в деловом мире?

— Я думаю, что "теневая экономика" у нас всегда процветала, и это была государственная теневая экономика, разбазаривание государством самого государства. Миллиарды вылетали в трубу для того, чтобы чиновная и номенклатурная верхушка могла вкусно есть и сладко спать. В этой нехитрой цепочке вседозволенности торговая мафия вынуждена была воровать, и

Торговать студент-физик Костенецкий учился за прилавком овощного магазина: надо было на что-то жить. Первые торги прошли не совсем удачно — 62 рубля с копейками за месяц каторжной работы. После этого ему пришлось освоить еще 15 специальностей, строить дома и коровники, закончить МИФИ и написать готовую к защите диссертацию по проблемам педагогической психологии.

Сегодня Владимир Костенецкий — один из самых удачливых предпринимателей столицы, руководитель брокерской фирмы "Костенецкий и сын", учредитель ряда бирж. О его сделках ходят самые невероятные слухи. Говорят, например, что он скупил всю нефть в Сургуте и продал ее на Запад по мировым ценам, чего не мог добиться весь советский нефтяной экспорт за все годы своего существования. Практически без рекламы ему удалось собрать более 700 учредителей для Международной биржи — нового проекта, который поможет осуществить заветную мечту всех российских предпринимателей — выйти со своей продукцией на западный рынок.

Если учесть, что умные люди предпочитают учиться на чужих ошибках, то наши перспективы выглядят весьма скромно. Мы до сих пор упорно ищем какие-то особые пути, непонятно для чего и зачем. Кроме того, совершенно непредсказуемы перспективы такого явления, как парад суверенитетов. Если до переворота в нем прослеживались положительные тенденции, то после путча этот процесс может обернуться катастрофой. Весь мир объединяется, интегрируется, а мы разбегаемся, создаем дополнительные препоны, главным образом именно на пути бизнеса, хотя только бизнес сейчас сможет поднять страну из небытия.

воровать много по сравнению со средним обывателем-несуном и мало по сравнению с масштабами действий самого государства. Эта теневая экономика сохранилась, и сейчас мы ее наблюдаем, в частности, в любой конторе, которая занимается распределением чего-нибудь.

Так что не стоит пугать народ некими мафиозными структурами, под которыми и так земля дрожит, нужно всерьез заняться подготовкой к бою с той тенью, которую выражаем за своей спиной мы сами: некомпетентность, поспешность в принятии решений, отсутствие четкой рыночной программы у нашего российского правительства, "ловля" коммунистических ведьм и поиски партийных денег.

— *Вы избрали для себя биржевую деятельность — вас знают на Российской товарно-сырьевой бирже, в Сургуте, теперь учреждена Международная биржа в Москве. Какова может быть сверхзадача этих новых экономических структур на фоне сегодняшних социально-политических подвижек?*

— Для нормального развития экономики, если ее сравнивать не с паровозом, который "вперед летит", а с мирно пашущим трактором, необходимы две основы, может быть, две гусеницы. Одна из них — производство, другая — распределение. Первое худо-бедно было налажено, а что касается распределения, то оно было монополизировано государством и действовало по принципу: кто подмажет, тот и получит. Сейчас эта система отмирает, и стихийно возникшие биржи заполняют эту экономическую нишу. Я считаю, что чем больше будет бирж, тем лучше, так как в результате возникнет нормальная, гласная система распределения того, что у нас еще, слава Богу, производится. Помимо этого общего положения, есть еще ряд частных соображений. Во-первых, биржи — это реальные островки рыночной экономики, и люди, которые начинают работать на бирже, быстрее всего вовлекаются в реальный рынок. С моей

Здравый смысл и логика подсказывают, что лучше что-нибудь построить, чем что-нибудь разрушить.

точки зрения, другие структуры долгие сохраняют отпечаток государственности. Во-вторых, люди, работающие на биржах, быстро включаются в деловой режим, а когда человек хорошо работает, он достаточно быстро богатает, а я за то, чтобы в России стало много богатых. Сейчас любой энергичный, динамичный человек должен зарабатывать, и хорошо зарабатывать!

— *В нашей стране уже создано более 400 бирж. Международная биржа, может быть, станет пятисистой. Чем она будет отличаться от других?*

— Во-первых, количеством учредителей, число которых будет продолжать расти. Это смешанное товарищество. Число учредителей и уставной капитал, который на сегодня уже составил более 200 миллионов рублей, могут непрерывно расти. Биржа создана для того, чтобы заполнить "нишу" внешнеэкономической деятельности. Известно, что очень много предприятий, получивших право выхода на внешний рынок, оказались предоставленными самим себе. Наша цель — объединить их усилия с тем, чтобы они могли достойно представлять нашу страну на внешнем рынке. Сейчас Советский Союз, или то, что от него осталось, потерял имидж надежного партнера, который был наработан за многие годы, и мы постараемся сделать так, чтобы Международная биржа помогла нашим предпринимателям вернуть себе доброе имя и престиж. Мы полагаем, что все сделки на нашей бирже будут гарантированы. С этой целью мы осуществили достаточно жесткий отбор производителей, создали при бирже банковский консорциум, в который вошло свыше 40 банков. Он станет гарантом сделок, особенно крупных, которые будут заключаться на бирже.

Еще одна из задач — интегрировать нашу биржевую деятельность и аналогичный бизнес на западных рынках. До сих пор эти структуры создавались взамен развалившихся Госснаба и Минторга и призваны были восстанавливать горизонтальные связи внутри страны. Такие же контакты необходимы между производителями и потребителями продукции в нашей стране и иностранными партнерами. В короткий период учредительного собрания мы пытались донести "идеологию" нашей биржи до каждого из ее участников, объяснить, что это не просто очередная встреча продавцов и покупателей с посредником, а качественно новый этап развития биржевой деятельности.

Несмотря на то, что в состав учредителей уже входят более полусотни крупных производителей нефти, угля, оборудования, мы считаем, что это не предел. С этой целью мы создали для них режим наибольшего благоприятствования, льготные условия. Покупка пая, поз-

Сейчас как никогда необходимо объединить интеллектуальный и коммерческий потенциалы наших предпринимателей для того, чтобы катастрофическое положение экономики наконец стабилизировалось и стало изменяться к лучшему.

Одна из целей создания Международной биржи и состоит в том, чтобы наш рубль как можно быстрее стал полнокровной валютой.

Просто зарабатывать деньги — это достаточно скучное занятие. Нужно четко представлять себе, на что их нужно тратить, а точнее — во что вкладывать.

воляющего заниматься операциями на бирже и активно влиять на ее работу, обходится им всего в сто тысяч рублей.

— **Есть ли у вас сегодня конкуренты, предполагаете ли вы их появление в будущем?**

— У нас должны появляться конкуренты, так как сама по себе идея организации биржи, интегрированной с мировым биржевым сообществом, давно носится в воздухе. Просто мы первые ее подхватили. Так что у нас будут и должны появляться соперники. Более того, я считаю, что мы будем способствовать появлению этих конкурентов: планируется создание биржевого холдинга.

— **А вас не беспокоит, что на Международной бирже главным расчетным средством останется наш "деревянный" рубль?**

— Весь мой опыт биржевой работы свидетельствует о том, что рубль стоит гораздо дороже, чем это пытаются сейчас изобразить недостаточно грамотные хозяйственники. Да и интеллектуальный потенциал общества не потерял своей мощи, можно придумать чертову тучу законных и незаконных способов конвертирования рубля. Это реальная практика бизнеса.

Мы надеемся, что это произойдет не на том, с моей точки зрения, грабительском уровне, который установлен сейчас по отношению к доллару. Как только предприниматели с помощью, в частности, Международной биржи смогут завязывать прямые нормальные контакты с иностранными партнерами, как только процесс приватизации в нашей стране наберет необходимый темп и скорость, — мы надеемся, что банковский консорциум Международной биржи тоже будет этому содействовать, — рубль станет конвертируемым на достойном себя уровне.

— **На российском небосклоне зажигаются новые "звезды" предпринимательских имиджей... А с другой стороны, нельзя отрицать и настороженное отношение некоторых наших сограждан к бизнесменам. Каким все же, на ваш взгляд, должен быть российский предприниматель?**

— Еще совсем недавно мне задавали много вопросов по поводу названия моей фирмы "Костенецкий и сын", связывая его с купеческими традициями. Это частная фирма, и, честно говоря, мне бы не хотелось, чтобы мой сын начинал с нуля, как я. А жизнь совершила в очередной раз свой потрясающий кульбит, когда сегодня, на пороге XXI века, мы снова оказались на стадии первоначального накопления капитала. Так, кажется, называл этот период господин Маркс?..

Честно говоря, мне не нравится сравнение биржевика с купцом, оно по меньшей мере некорректно, поскольку у них больше различий в конкретной экономической деятельности, чем сходства.

Сегодня неглупый энергичный бизнесмен должен уметь быстро принимать решения, четко ставить цели и непреодолимо двигаться к их достижению.

Можно ведь зарабатывать бешеные деньги, играя на понижении курса рубля. Когда бизнесмен становится всеяден, когда он участвует в разорении собственной страны для того, чтобы самому обогатиться, то он, мягко говоря, не бизнесмен.

И еще одно важное качество — это надежность в отношении с партнерами. К сожалению, в нашей стране есть в этом плане объективные сложности. В течение 74 лет рабский труд практически уничтожил психологию ответственного исполнителя. Раб всегда был плохим исполнителем! Найти генератора идей гораздо проще — вот парадокс! — чем того, кто реализует их. Так что нам еще предстоит вернуть себе имидж надежности в сотрудничестве.

— **Традиционной чертой русского предпринимателя было участие в благотворительности...**

— Еще со времен дней ударного труда в студенческом стройотряде я решил для себя, что не участвую в абстрактной благотворительности. Если говорить о здоровье, образовании и культуре, то речь может идти только об инвестициях в жизненно необходимые обществу программы. Например, я считаю, что истинно интеллигентный человек должен иметь классическое образование. Я активно сотрудничаю с греко-латинским кабинетом, достигнута принципиальная договоренность о том, что будет построена гимназия, помогут создать библиотеку. Есть интересные педагогические проекты по социальной реабилитации детей-сирот, которые будут опираться на финансовую поддержку моей фирмы. Недавно я провел несколько часов в обсуждении интереснейшей программы синтеза традиционных и нетрадиционных средств медицины, с тем чтобы можно было внедрять их в диагностику и лечение. И если эта программа пойдет, то, наверное, после того, как Международная биржа наберет обороты, я прекращу коммерческую деятельность и целиком займусь ее реализацией. Вот так. Если коротко...

Беседу вела Маргарита БЫЧКОВА

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ

...СИНИЙ-СИНИЙ, ПРЕЗЕЛЕННЫЙ КРАСНЫЙ ШАР

СТРОИТЕЛИ НОВОЙ ШКОЛЫ

*Школьные реформы эпохи военного коммунизма**

Старинное московское здание на Чистых прудах — бывший Наркомпрос. Широкая лестница, длинные красные ковровые дорожки. Теперь тут Министерство образования России. Пришли новые люди. «А вы по какой лестнице ходите?» — спрашивает старый работник аппарата Министерства моего знакомого, как раз нового министерского работника. «Как по какой?» — удивляется новый. «Мы ходим по той, — доверительно объясняет старый, показывая лестницу черного хода, — а по этой ходит Министр...»

Рассказывая, мой знакомый смеется. Он ходит на коллегию по главной, парадной лестнице, вызывая шок старожилов. Никак они не могут привыкнуть к переменам.

После революции атмосфера в Наркомпросе тоже была самая демократическая. Собирались у «буржуйки» с морковным чаем и до рассвета обсуждали завораживающие картины будущего. Может быть, даже в этой комнате. Или в этой...

«Протокол № 45 заседания 14-го — 20 июля 1918 года.

ТОВ. ЛЕПЕШИНСКИЙ оглашает тезисы, выработанные отделом Реформы школы:

1. Учебное время продолжается круглый год.

2. Школьники занимаются 7 дней в неделю.

3. Учителя должны избегать пользоваться учебниками...

КРУПСКАЯ. Учебники не должны быть отменены. Учебник как учебный материал, данный в руки учеников, ничего дурного сам по себе не представляет. Другое дело — как он будет использован.

ТОВ. ПОЛЯНСКИЙ. Наша первая задача — изгнание из школы ненужного хлама. Мы уже изгнали Закон Божий, латинский язык мы также должны изгнать, вообще обязательное обучение языков, даже русского, старая математика и сло-

весность должны быть изгнаны из школы...»

...Кто же все-таки эти люди — первые руководители «красного просвещения»? Неужды? Фанатики? Проходимцы? Некоторые из них именовали себя «саперами революции», «подрывниками старой школы». Сотрудник отдела Реформы Л.Шапиро на полном серьезе говорил товарищам: «Мы глубоко опечалены тем, что наша минно-подрывная работа идет недостаточно интенсивно, и зовем всех, в ком жива энергия творческого подъема, спешить с разрушением школы». Нет, это не был «корабль дураков», как называли Наркомпрос в белых ведомствах просвещения. Это был корабль дилетантов. Вначале прекрасноразумных. Казалось: все они смогут, им и море по колено. В новой школе, которую они построят, не будет окриков, наказаний, будут горячий энтузиазм, творческий труд и живая тяга к знаниям.

«Я помню, — вспоминала об этой поре Крупская, — как кто-то привел в Наркомпрос молодого парня, приехавшего из деревни. Он слышал, что бедняцкой молодежи теперь можно учиться. Приехал в Москву, разыскал памятник Ломоносову, сел около него и ждал, что его кто-нибудь возьмет и отвезет учиться».

Тяга к знанию действительно была огромная. И в разгар гражданской, так же как на территории белых, у красных росла сеть школ, открывались клубы, рабфаки...

В середине 20-х в Праге будет создан Институт изучения России, и эмигранты — известные русские статистики, экономисты, педагоги — будут исследовать причины этого феномена — роста, несмотря ни на что, системы образования на родине. Приедет делегация зарубежных учителей изучать русскую школу. Будут восхищены. Великий Дьюи заплачет: то, о чем мы мечтали, — вы сделали... Что же их так поразит: массовый энтузиазм, огромные потенции?

Да, то и другое было. Вспомним

кадр старого советского кино: бордатые неграмотные мужики обступили грамотного чтеца. Слушают про советскую власть. По всем селам, деревням слушают. А попробуй — не послушай. Ведь 10 декабря 1918 года самим Ульяновым (Лениным) был издан декрет «О мобилизации грамотных». Всем грамотным России предписывалось встать на учет, записаться каждому за отведенным участком города или селом и, как сказано в декрете, «ясно и толково читать вслух» ленинскую «Правду». И еще как читали! Уклонение от «мобилизации для выполнения обязанностей чтецов» (впрочем, как и слушателей) каралось революционным трибуналом.

Вот тебе и ликбез! Вот тебе и народное просвещение! «Учиться, учиться и еще раз учиться!» — с годами это известное обращение к молодежи приобрело отвлеченный смысл. А Владимир Ильич, как всегда, говорил абсолютно конкретно. Луначарский комментировал это так: бороться, бороться и еще раз бороться за молодежь, «потому что поскольку молодежь будет завоевана и не выпадет из рук рабочего класса, постольку она будет мощным оружием в предстоящей борьбе».

В конце 1919-го Бюллетени комиссариата торжественно сообщали: фундамент новой школы заложен! Увы, деятели Наркомпроса часто принимали желаемое за действительное. Даже там, где старых учителей полностью заменили новые, прошедшие краткосрочные курсы, инновации прививались туго. В Орловской губернии, например, записалось на курсы новой школы 310 человек. Курсантам выдали повышенный красноармейский паек. Но половина недоучилась и трех месяцев. Другие новоявленные учителя, придя в школу, начисто забывали передовые приемы преподавания («книга — бич детства», «в письме надо самый жесткий контроль объявить линейкам, особенно косым», «долгой изложение, да

* Окончание. Начало в № 39.

здравствуют свободные сочинения!») и принимались неуклюже копировать старые методы обучения. Да и как могло быть иначе — школьная прислуга еще помнила гимназические времена и относилась к прежним учителям, а теперешним коллегам дружелюбно, похлопывая по плечу. В душе директор-швейцар считал, что обучение по-новому — это блажь.

В революционном Наркомпросе не понимали, что происходит: реставрация? контрреволюция? В 1917-м Луначарский жаловался на нехватку людей, а в 1921-м недоуменно разводил руками: в аппарате сидело 100 тысяч чиновников — в пятнадцать раз больше, чем при старом режиме. И вот беда. Этот новый аппарат, сменивший старый, оказался страшно неблагодарным. Почуввав опасность сокращения, собрался в комфракцию ЦК Всероссийского союза просвещения и 29 июля 1922 года обратился в ЦК РКП(б), требуя отставки Луначарского. Просили заменить его Троцким. «Назначение тов.Троцкого, — говорилось в обращении нового аппарата, — поднимет столь низко павший авторитет Наркомпроса... поможет сдвинуть воз просвещения из того гнилого болота, в котором он находится сейчас».

Нарастала «тоска по Троцкому». Прекраснодушные дилетанты начали превращаться в воинствующих невежд. «Чудовище пожирало чудовище».

В конце 20-х годов развернулись масштабные «педагогические процессы». Теперь бывшие соратники клеймят, уничтожают друг друга. В 1931-м выходит постановление «учителя народов», который называет новаторство 20-х «глупыми идеями». Закрываются все опытные станции, прекращаются все эксперименты. Куда-то пропадают заведующие школой-коммуной. Сама школа резко изменяет свой облик: в нее возвращаются строгий контроль, отметки, дисциплинарные взыскания.

Такой удивительный виток делает школьная история. Не менее удивительно другое. С середины 30-х годов произойдет возврат к идеям самодержавия. Как апологетика мудрой сталинской политики, начнется безудержное воспевание всего «русского». И тогда восстанет из пепла старая дореволюционная педагогика. Восстановят не только Ушинского, Толстого — мельчайшие имена бывших противников будут

печатать миллионными тиражами. Нет худа без добра.

В тот период вынут на свет и некоторые старые программы, учебники, по которым будут учиться до 50-х годов — по математике, физике они были очень хорошие, ясные, если кто помнит. А имена тех, кто в начале 20-х их выбрасывал?

Кто делал революцию в народном просвещении? Кто искренне верил? Их имена забыты, вымараны из педагогической энциклопедии. Многие — стертые в лагерную пыль.

Такова история дилетантов. Но закончена ли она?..

З Е — Л Е — Н Ы — Е !!!

А еще ведь был «курень смерти» Петлюры. Атаманша Маруська. Народный учитель батька Махно. У них тоже была своя школа. У каждого правительства — краевого, станичного — свое народное просвещение. И они не собирались ни в какую федерацию. «Яка до биса хвэдирация, — заявляли казаки, — колы без штанив сыдымо».

Без штанов и без просвещения — и тогда федерация не получилась. Вот странно! До революции, в «тюрьме народов», национальные проблемы не звучали так яростно, хамски, оголтело. На территории черноморского округа — будущих «зеленых», на Дону, Кубани издавались вполне уважаемые педагогические журналы. В иных станицах было по

десять училищ, работали школьные кооперативы, устраивалась гимнастика по системе Лесгафта, фребелевские курсы... Культурное вроде общество. А дореволюционные станичные атаманы ничуть не похожи на послереволюционных: благопристойные люди, почетные члены школьного попечительства.

И как все переменялось! Теперь батьки и атаманы (крест-накрест пулеметные ленты) дружно голосовали за «самостийную школу». Симон Петлюра основал Украинскую Академию наук (торжественное открытие ее состоялось в 1919 году). Годом раньше был издан пухлый том «Украиноведение», со всеми учебными предметами (украинское «естествознание», даже физика и химия — украинские). Минская городская дума запретила в школах, как заразу, Жуковского, Гоголя, Пушкина, Салтыкова-Щедрина...

Даже горцы Кавказа, спустившись с гор, заявили союзникам о полной автономии школы! Теперь все ходили на уроки только в национальной одежде, пели национальные гимны. И вешали на фонарях не только свои флаги, но и учителей, и красных, и белых...

Торжествовала реакция. На поверхности оказывалось то, что многие годы воспрещалось и преследовалось. Ведь преследовалось же? Запрещали школам праздновать юбилей Тараса Шевченко? Не желали видеть в классе портрет усатого Шевченко — черта лысого в

Педагогический персонал одной из российских гимназий

подарок получите: Котовского! Заклучали в черте оседлости, не пускали в университет, громили хедеры — выучили Троцкого! «Закон Божий» католиков заставляют вести на русском... В армянских школах волнения — не утверждают учителей... Мусульманская школа переживает глубокий кризис. Все это движение национальной школы ищет себе выхода...» — предупреждали ой как задолго до революции.

И какой все это нашло выход? В Гуляй-Поле батько Махно проводит реформу просвещения!

Вот еще одна неизвестная страница нашей истории. В молодости Нестор Махно сдал экзамен на звание сельского учителя, одно время учительствовал в Мариупольском и Бердянском уездах. Пропагандировал среди крестьян анархическое учение. Сохранились свидетельства, что учитель Махно имел дар: так влиял на крестьянскую молодежь, что никто не смел егослушаться. «Я приказал, и надо исполнить», — властно распоряжался Махно, сверкая блестящими глазами. И его приказы исполнялись. Совершали налеты на погребца, усадьбы, уездные казначейства. За разбой и убийства был осужден, но после февральской революции оказался на свободе. И опять занялся народным просвещением. В своих мемуарах «Русская революция на Украине» эмигрант Махно позже вспоминал: «Одно меня угнетало — это отсутствие у меня надежного образования... в области проблем анархизма».

Вернувшись в Гуляй-Поле, Махно организует «комиссию» — обследовать состояние народного образования. Почему нет школ анархизма? И чем вообще занимаются? «В 10 часов утра я, в сопровождении товарищей, был на базаре, рассматривал площадь, здания домов и гимназий. Зашел в одну из них, где встретился с директором и долго говорил с ним о программе преподавания, в которой (кстати сказать) ничего не понимал, — самокритично вспоминал Махно, — но узнал, что «Закон Божий» в программе стоит и, по словам директора, ревностно оберегается попами и отчасти родителями учащихся. Я очень возмущился...»

Вначале Махно был за мирную реформу школы. Даже, как вспоминает, записался членом Общества просвещения. Глубоко верил, что, став членом этого общества, пошатнет религиозный вопрос. Но через

просвещение не получилось. И тогда Махно начал свою реформу...

Это сейчас кажется фарсом. Банда народных учителей (а в окружении Махно их было много) мотаются на каких-то рывданах с пулеметами по деревням и селам, устанавливают советскую власть. Да, настоящую, не большевистскую — с крестьянскими съездами и выборными советами хлеборобов анархистов-коммунистов. Издавали собственные указы, имели свои газеты. И школы действовали — на полном самоуправлении.

Вот бред! — и батька Махно хотел ту же школу — свободную, трудовую, самоуправляемую?

Все, если задуматься — красные в косоворотках, белые с золотыми погонами, эти зеленые с пушкой на телеге, — в сущности, хотели одного. Все по-своему хотели добра. Все кричали одно и то же — и не слышали друг друга.

Точь-в-точь, как сейчас...

«КТО ОН, ОТКУДА, КУДА ОН ИДЕТ?»

В марте 1920 года находившийся в Севастополе в отставке генерал-лейтенант Врангель был призван последним главнокомандующим Добровольческой русской Армией. Как вспоминают очевидцы, Врангель был человеком своеобразным. В отличие от Деникина («очаровывавшего своим милым добродушным лицом», но игнорирующего мнение собеседника) Врангель, напротив, старался с жадностью черпать в самой жизни вопросы и ответы своей политики. Шансы победы над большевиками он оценивал как «один из ста». Да и этот один шанс видел не в новом походе на Москву, а в том, чтобы возможно скорее закончить гражданскую с сохранением южно-русской государственности и «Единую Россию» положить не в фундамент программы (как это было при Деникине), а сделать крышей медленно строящегося здания. Крымский полуостров для него был чем-то вроде катушки, на которую постепенно наматывалась бы вся Россия.

Создание государства в Крыму началось с большим подъемом. Среди ближайших советников Врангеля были люди немалого государственного ума и опыта. Благодаря управлению ведомством иностранных дел Петру Борисовичу Струве

крымское правительство быстро наладило торговые связи с миром (в гражданскую войну экспортировали даже зерно). Провели ряд крупных реформ. Одна из самых радикальных — аграрная: передали всю землю в руки среднего и зажиточного крестьянства. Восстановили земское самоуправление, но на новых началах — крестьянских (вся разночинная сельская интеллигенция, включая народных учителей, не имела права участия в волостных земствах). Бурно расцвела при Врангеле печать; газеты, вестники росли как грибы, однако независимые — в Ялте, Феодосии — часто выходили с белыми столбцами цензуры.

Временами давали о себе знать вспышки антисемитизма, погромные речи раздавались даже с амвона кафедрального собора. Росли спекуляция и взяточничество, страшно падали бумажные деньги (разменной монетой стала ассигнация в пятьсот рублей), разбухал тыл в ущерб фронту.

И все же. Хватало сил и средств и на народное просвещение. Вначале министерство располагалось в Севастополе, что было крайне неудобно и дорого — весь губернский аппарат оставался в Симферополе, и добрая половина севастопольских чиновников просвещения только и делала, что занималась перепиской с подчиненными губернскими учреждениями (сохранились горы архивов). Поезда ходили нерегулярно. И ходоки добирались в министерство, ночуя по дороге в волшебном Бахчисарае, по выбитому грязному севастопольскому шоссе, на лошадах, как в прошлом веке...

За это время все же был решен вопрос об инородческой школе. Легализованы татарские учительские семинарии, открыты местные художественно-промысловые училища. В высшей школе подняли жалованья профессорам и, учитывая поток беженцев, открыли новые кафедры.

А когда министерство переехало в Симферополь, работа пошла с удвоенной силой...

И что же — все напрасно? Все прахом пошло?

Университет в Симферополе при Врангеле основал Вернадский. В здании средней школы № 1, бывшей симферопольской первой гимназии, учился космический конструктор Королев. Какая причудливая связь: жизнь, биосфера, космос — и гражданская война, белые, красные. И какое странное чувство одино-

чества возникает (как будто ты среди звезд — один, а внизу шарик синий вспыхивает, наливается красным), когда роешься в этих старых папках. В них все перемешано: сводки с фронта, засушенная бабочка из гербария, извещение о смерти, фотография детской площадки в Ялте... Пожелтевшие афиши того времени. В садах общественного собрания — детские спектакли: «Мальчик-с-пальчик», «Кот и лиса», «Снегур Снегурович»... Сами дети инсценировали, шили костюмы, играли. Как всем детям, им нравились сказки с хорошим концом. Так почему же, вырастая, они оказались втянуты в сказку с концом столь плохим? Куда улетел воздушный шарик удивительной российской культуры, домашнего воспитания и общественного, которое нам и не снилось, — университеты, лицеи, гимназии, коммерческие училища, кадетские корпуса?..

Мы ведь столько лет практически ничего об этом не знали. Про сто типов школ. Про двести — только в центральной полосе России! — педагогических газет. Про триста — открывшихся только в одном квартале 1915 года научных и культурно-просветительных обществ. Царскосельское общество содействия физическому развитию подрастающего поколения «Русский витязь». Харбинское общество распространения среднего образования. Общество разумных развлечений города Самары... Сколько поколений — и каких разных — строило российское народное образование: промышленники, культурные бюрократы, меценаты, кооператоры, духовенство, попечители, земские деятели... И сколько тупости, невежества в русской истории в отношении к образованию. Как холодно-безразличны были цари. Как поздно начинали и как медленно, непоправимо медленно двигались по пути прогресса. Как легкомысленны были к опасностям, способным превращаться в катастрофы. Почему — всякий раз только накануне — накануне общественных переломов, войн, революций просыпался у общества интерес к культуре, народному образованию? Кажется, чем быстрее приближался фронт, чем ощутимее становился жар испепеляющего огня, чем острее осознавался конец — тем скорее и смелее шли перемены в народном образовании. Как будто в приближающемся конце люди прозревали и

*А.В.Луначарский среди студентов.
Москва, 1929 год.*

за месяцы, недели, дни пытались сделать то, что не сделали за века.

«...Все начальные училища переданы в ведение земств и городов... Проведена децентрализация ведомства, вдвое сокращен аппарат. Принят закон о поддержке общественной и частной инициативы...»

«Я стал доказывать Врангелю, что он совершенно не понимает, что такое «общественность», о которой так часто говорит, — вспоминал председатель губернской земской управы князь В.А.Оболенский. — Вы должны же понять, Пётр Николаевич, что общественность может быть только свободной, общественность, лишённая свободы суждений, общественность, раблепствующая перед властью, теряет смысл своего существования...»

Не могли же они этого не понимать!

Вся российская история доказывала: засыпает общественность — просыпается смута. Впрочем, Врангель предпочитал другую формулу: «Диктатура, опирающаяся на общественность», «сильная власть в дружной работе с широким местным самоуправлением». Так говорили и дотопле, будут так говорить и потом.

Но осуществить эту формулу еще никому не удавалось — то ли потому, что в ней изначально заключено неодолимое для России внутреннее противоречие, то ли оттого, что все российские диктаторы органически не способны понять духа общественности. Духа народного просвещения.

«...Преобразуется система профессионального образования... Открыты высшие курсы крестьянского права и хозяйства. Поставлен вопрос о реформе народной школы...»

Кто-то ведь читал в Южном Правительстве удивительный доклад нынче никому не известного инспектора русских народных училищ И.М.Гепнера о воссоздании народной школы.

Прежде чем написать свою докладную записку, он объехал все русские села губернии, накопил огромный материал, беседовал с крестьянами, «только что вырвавшимися из огня большевистских социальных экспериментов», — и все это служит ему основанием выстраданного, проясненного в пламени иного взгляда на народное образование.

Что говорят теперь крестьяне? Школа — «это окошко, сквозь которое из своего угла да на весь мир глядеть можно». Только та школа, что есть, — не настоящая. «От одного берега отплывают, а к другому не приплывают», «ни поп, ни пахарь» — так отзываются они о выучениках народной школы. О сорвавшихся с земных корней, умноживших племя деревенских лодырей, городских хулиганов, темных, но уже с претензией, не способных приняться ни за какой труд. «Кабак, гармошка, «пинжак» и сапоги бутылкой» — вот идеал этих людей, мнящих себя деревенской интеллигенцией». И городской — пролетарской, большевистской... Как точно сказано: «от одного бере-

га отплывают, а к другому не приплывают». Там, между берегами малой речки, впадающей в большую, может, и происходит все: топят, тонут, тянут за собою... А что школа, образование, чем они могут помочь? Предложения инспектора Гепнера кажутся простыми. Почти банальными.

Первое: школа должна помочь тем, кто хочет и может доплыть до другого берега, уйти от сохи к профессиям умственным. Абсурдно предположить, пишет он, что это может сделать вся деревня, все ученики школы.

Поэтому — второе: не отрываться от берега. Не отчуждаться от деревни, в основе школы — трудовое начало, изменение умонастроения: не «учись, если не хочешь быть свинопасом», а «человека роняет не труд, а умственное и нравственное невежество».

Но этого мало. Нужна народная аудитория — аудитория, в которой каждый имеет возможность поставить свой вопрос. «Нельзя теперь, после горького опыта не сознаться, что...» — последняя строчка оборванного отчета.

Продолжения нет — а значит, мы никогда не узнаем, что он, инспектор Гепнер, предлагал. Он, заявивший в первых строках, что у него есть конкретные предложения, целая программа: что делать теперь же, чтобы не допустить в будущем «вывихнутых людей». Так он называл этих несчастных, между берегами.

А нам что теперь делать?..

Из стенограммы заседания Программной комиссии Министерства народного просвещения Правительства Юга России (октябрь 1920 г., за считанные дни до падения Перекопа)

«— Комиссии следует встать на более практическую почву. Финансовое положение затруднительно!

— Экономить на народном просвещении? Мы проиграли войну и довели до развала Россию из-за экономии...»

Фамилии спорщиков, написанные от руки, неразборчивы. Да и не в них дело. Не они — так другие: дело в самой сути спора...

Что они обсуждают, о чем спорят? Да о чем всегда спорят педагоги: сколько часов на математику, а сколько на русский? Что увеличить, а что уменьшить? За счет чего? Что положить в основу? Один говорит:

всестороннее гармоническое развитие личности, а другой перебивает: опомнитесь, какое гармоническое?

«— Школа должна соответствовать переживаемому моменту жизни, а такой момент сейчас: в человеке проснулся зверь...»

— Я согласен с Петром Владимировичем, переживаемое нами ужасно. Совершаются тягчайшие преступления, кровь человеческая льется рекой. Русское общество гибнет, ибо оно потеряло свои идеалы. Мы потеряли все. Для того, чтобы спасти общество, сохранить последние остатки культуры, необходимо религиозное воспитание, оно одно может...»

— Увеличить число уроков на Закон Божий? Он был и до переворота.

— Уроки истории, лучшим средством служат уроки истории! — «О разрешите мне жизни загадку! Кто он, откуда, куда он идет, кто там вверху, над звездами живет?» Господа, на этот вопрос может дать ответ только философия и религия, а не наука.

— Но если среди народа сейчас не все звери, если еще народ сохраняет моральную силу, то в этом заслуга...»

Далее — неразборчиво; кажется, уже слышится артобстрел, приближается грохот канонады...

И — последнее, как слабый всхлип:

«— Не являются ли труды нашей комиссии лишней кипой бумаг, которые будут сложены в пыли архивов, где уже много лежат трудов разных комиссий?..»

«НЕ УХОДИТЕ!»

Всероссийская учительская забастовка окончилась к летним каникулам 1918 года. Но фактически уже в марте, с началом наступления германской армии, когда нависла опасность, русские учителя вернулись к детям, заключили свой «Брестский мир».

Можно восстановить, буквально по неделям, дням, как они отступали, как расслаивалось учительство России на «революционных», «сочувствующих», «безразличных», «протестующих»... Их просто напросто обманули. Предложили сотрудничество, а когда они протянули руку, вывернули за спину и щелкнули наручниками. «Разжигали

национальную рознь?» «Участвовали в мятежах?» Большинство пунктов предъявленного им обвинения было смехотворно. Но последствия разгона Всероссийского учительского союза (ВУС) оказались серьезные. На многие годы было уничтожено (и когда еще восстановится — неизвестно) общественно-педагогическое движение России. Свободный союз профессионалов. Не распределяющий путевки — но защищающий каждого «маленького учителя». Вырабатывающий политику народного образования. И не зависящий от аппарата власти. Такой учительский Союз мог быть в России...

Если бы весной 18-го учительство капитулировало, убедившись в правоте противника, все было бы понятно. «Но показав так ярко свое бессилие перед большевиками, учительство, вместе с тем, продемонстрировало свое бессилие вообще, бессилие — как свою духовную сущность; уступив сегодня большевикам, оно так же легко и вяло может уступить завтра кому угодно».

Так писала последняя не задуманная коммунистической цензурой газета...

А если это так — встает другой вопрос: о пригодности учителей, интеллигенции вообще к борьбе, которую России предстоит вести не с большевиками или меньшевиками, а с теми злосчастными судьбами, которые на нее обрушились. Вот в чем вопрос...

Испытав разочарование, поражение, они пытались честно ответить на вопрос: «В чем слабость русского учительства?» И отвечали: в дряблости всей русской интеллигенции. Во все подавляющем эгоизме, когда единицы, десятки, может быть, сотни работают самоотверженно, напрягая все душевные силы, но тысячи, десятки тысяч хладнокровно смотрят на эту работу, не желая лезть на рожон». Именно из этой гущи лепятся фигуры, готовые служить любой власти, любому террору. И эта та гуща, которая выдавливает из своих рядов коллегу — «лишь бы мне уцелеть».

Да, это правда, правда... но не вся правда, спорила сама с собою интеллигенция, — и разве не российское учительство несло светильники истины, красоты, добра, разве не служило народу, не просветляло его на историческом пути? Вся история

народной школы говорит об этом!

— Но светильники гаснут, — тут же и отвечали они сами себе. — Тьма нависает над страной. Кошмары давят. Голод гонит учителей из деревни. А что деревня, что ваш народ? Недоверчивый, озлобленный, разрушающий очаги духовной культуры, свои немногие библиотеки и школы? Называющий нас буржуями? Вас, народные учителя...

— Это не народ, он сбит с толку невежественными пропагандистами, демагогами. Он не ведает, что творит.

— Но кто же эти «невежественные пропагандисты»? Это же мы с вами! Разве не мы, народные учителя, «народники», более полувека проповедовали революционные идеи? Еще в «школах грамоты» 60-х. Да, мы во имя служения народу шли в деревню. Но ведь и мы — мы под видом рабочих, ремесленников, торговцев, под видом учителей проникали в народную среду и расшатывали ее своими мыслями и словами!

Именно мы стали главными агентами партий. А девятьсот пятый год?

— Реакция обрушилась на учительские организации более чем на какие-либо другие. Две с половиной тысячи учителей было сослано, десять тысяч лишились своих мест. Среди народных учителей были убитые и казненные...

— Но мы при этом ничего не поняли! Ничему не научились! Мы продолжали готовить революцию! Раздувать злобу, ненависть!

— Но ненависть шла от несправедливости. Нужды, холода, сырых келий. Плетей, зверства. Разве народные учителя виноваты в этом?..

Еще тогда, в 18-м, в Советской России последняя независимая газета обращалась к учителям: «Светильники гаснут, не уходите! Будьте вместе с народом, сколько бы ни кричали темные силы «распи его» — не уходите!!»

ЛЕКЦИЯ ПО БЕРДЯЕВУ

Эвакуация Крыма началась 28 октября 1920 года. Красная Армия внезапно перебралась через Сиваш, в тыл казавшихся неприступными перекопских позиций. Началась паника. Пароходы отплыли из Севастополя, а туда еще надо было добраться. Учителя, профессора, работники министерства с кульками, семьями, смешиваясь с толпой, набивали вагоны разного класса, от голубых до желтых. Про-

пускали бронепоезда с фронта. Томились, глядя на ярко освещенный электричеством, пролетающий мимо поезд генерала Кутепова. Наконец, тронулся и этот — едва таща тяжелые колеса...

Может быть, они ехали в нем, последнем? За ним, вспоминали очевидцы, шли саперы, взрывавшие пути. Поезд застрял, и все начали пихать вагоны: «Навались, ра-аз, поддай, ра-аз» — и поезд тихо двигался в гору.

Какая была тогда погода? В одном из воспоминаний — после 15° мороза в этот день светило яркое южное солнце (чудесная погода для осеннего школьного сочинения) и грело тех, кто сидел на крышах и тормозах. Солдаты, с которыми ехали учителя, были веселы, балагурили, радовались, как дети, туннелям, распластаваясь на крышах, чтобы не оторвало голову.

А где они ночевали в Севастополе, перед отплытием?..

А как добывали паспорта и пропуска на пароходы?..

Бежали мимо какие-то оборванцы, держа наперевес винтовки. Кричали, плакали дети. Графская пристань. Уходящие пароходы...

Так примерно описывает прощание с Россией один из эмигрантов, князь В.А.Оболенский. Он был общественным деятелем, а значит, занимался народным образованием. Все они, так или иначе, были причастны к народному образованию. Все — народные учителя и народные ученики...

Так почему? Вернее, «за что»? За какую несправедливость, какое такое преступление пришло к ним ко всем — к тем, кто погиб, кто умер, кто уехал и кто остался, — ко всей России, на многие годы это страшное, необъяснимое наказание?..

Трескучей голодной зимой 1920 года, в Москве, в Вольной Академии духовной культуры, тогда еще молодой Николай Бердяев попробовал ответить на вопрос по-своему.

«Смысл революции, — говорил он в своих лекциях, читанных той зимой студентам, — есть внутренний апокалипсис истории. Апокалипсис не есть только откровение о конце мира, о страшном суде. Апокалипсис есть также откровение о всегдашней близости конца внутри самой истории... обличение неудачи истории».

Студенты, вышибленные из университета «по классовому признаку», а может, и не поступившие туда, куда широко были открыты всем

двери, ежились и жались к «буржуйке», трещавшей поленьями стоймостью в несколько миллионов.

«В нашем греховном злом мире, — тихо говорил преподаватель, — оказывается невозможным непрерывное, поступательное развитие. В нем всегда накапливается много зла, много ядов, в нем всегда происходят и процессы разложения. Слишком часто бывает так, что в обществе не находится положительных, творческих, возрождающих сил. И тогда неизбежен суд над обществом, тогда на небесах постановляется неизбежность революции... Суд Смысла над бессмыслицей, действие Промысла во тьме».

Это не научное объяснение. Религиозное, историкософическое. Лично для меня тут главное — отсутствие в обществе, в людях положительных, творческих, возрождающих сил.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Последний школьный пароход уплыл в 1922 году.

Правда, чуть позже был еще «философский пароход». Дальше уходили уже в одиночку. Не потому, что не пускали. Просто уходить оставалось некому... Сомневаюсь, что моя история о школе красных, белых, зеленых может повториться. Может быть, и повторится, но в данном случае это ничего не даст. Повторение, применительно к отечественной истории, — не мать, а злая мачеха учения. К чему повторять то, что и так ясно?

Или за это время произошло что-то новое? Приумножились культурные, творческие силы? Хоть теперь стараемся приумножить?

Говорят: каково общество, такова и школа. Это-то понятно! А вот обратное? Хотим из маленького красного шарика надуть большой синий?

...Господи, если ты слышишь, — дай разум детям твоим! Убереги от безумия. Просвети, наставь в трудном пути их. Сделай так, чтобы мир для них осветился великой тайной. Засиял, возвратил свой начальный смысл этот воздушный мир над голубой.

ПОКА ЕЩЕ МАЛЕНЬКИЙ, НО СВОЙ

Профсоюз сотрудников милиции отпраздновал годовщину

В конференц-зале Петровки, 38, прошла первая легальная отчетно-выборная конференция первого в стране милицейского профсоюза. Напомним, что прежние сходки, порой в условиях строжайшей конспирации, проводились в саду «Эрмитаж» вопреки неблагоприятным метеорологическим и идеологическим прогнозам.

Настрой аудитории — как в революционные 1905—1907 годы, породившие в России сознательные и добровольные объединения трудящихся для совместной защиты от эксплуататоров. Грустный опыт советского периода отвергнут, да, собственно, у милиции его и не было. Поэтому азбучные истины выживания осваиваются с нуля.

Отмечены достижения первого, полуподпольного, года существования. 25 июля 1991 года профсоюз наконец официально зарегистрирован в Управлении юстиции под номером 260 как общественная организация. Открыт счет в Коммерческом инновационном банке, хотя положить туда, честно говоря, пока нечего. Выработаны условия договора с ГУВД, в которые входят как совместное распределение благ и привилегий (путевки, квартиры, машины, талоны), так и контроль

за соблюдением законов в отношении милиционеров, что, на мой взгляд, неизмеримо важнее. Иначе все усилия сведутся к скандалчикам местного масштаба по поводу бесследно исчезнувших товаров с прошлой годней распродажи или дефежа талонов на дефицит. Что само по себе — кто спорит? — вопрос, конечно, интересный.

Пыл собравшихся несколько охладил сотрудник МУРа, специализирующийся на борьбе с экономическими преступлениями, Иван Волошенко. Не надо строить иллюзий, сказал он, сейчас в профсоюзе не состоит еще и 1 процента личного состава московской милиции. Если профсоюз останется на нулях в экономическом отношении, он не сможет обеспечить людям уверенность в завтрашнем дне. Ведь требование повысить зарплату, увы, сиюминутно. Иван Волошенко предложил свою программу будущей коммерческой деятельности, за что и был избран в Координационный совет. Равно как и прежние сопредседатели: Пашкин, Сунцов, Ястребов и другие, доверие оправдавшие.

Мысль о том, что «мы живем на средства людей, которых мы охраняем», была признана бесспорной, а упоминание, что профкому отдан национализированный кабинет парткома, вызвало смех и оживление в зале. Кстати, кабинет через день опять отобрали.

Поздравляем с днем рождения и желаем поддержки остальных 99 процентов личного состава.

Елена АНАТОЛЬЕВА

Для сочувствующих: расчетный счет профсоюза сотрудников милиции в КИБ НТП Р.С. № 695002 ЦОУ Госбанка СССР 161707 МФО 299112.

...И ЗАЯЦ

Правда, заяц был механический. Но погоня — настоящая, к тому же именуемая вторым открытым чемпионатом России по бегам борзых. Ну а бега — это скорость, азарт, призы и, конечно, тотализатор, хотя и спрятанный под псевдонимом «лотерея-пари». «Пари» заключали зрители, пришедшие на стадион «Локомотив» поглядеть на экзотическое у нас зрелище, а выигрывали (или проигрывали) его русские псовые, грейхаунды, афганы, уиппеты...

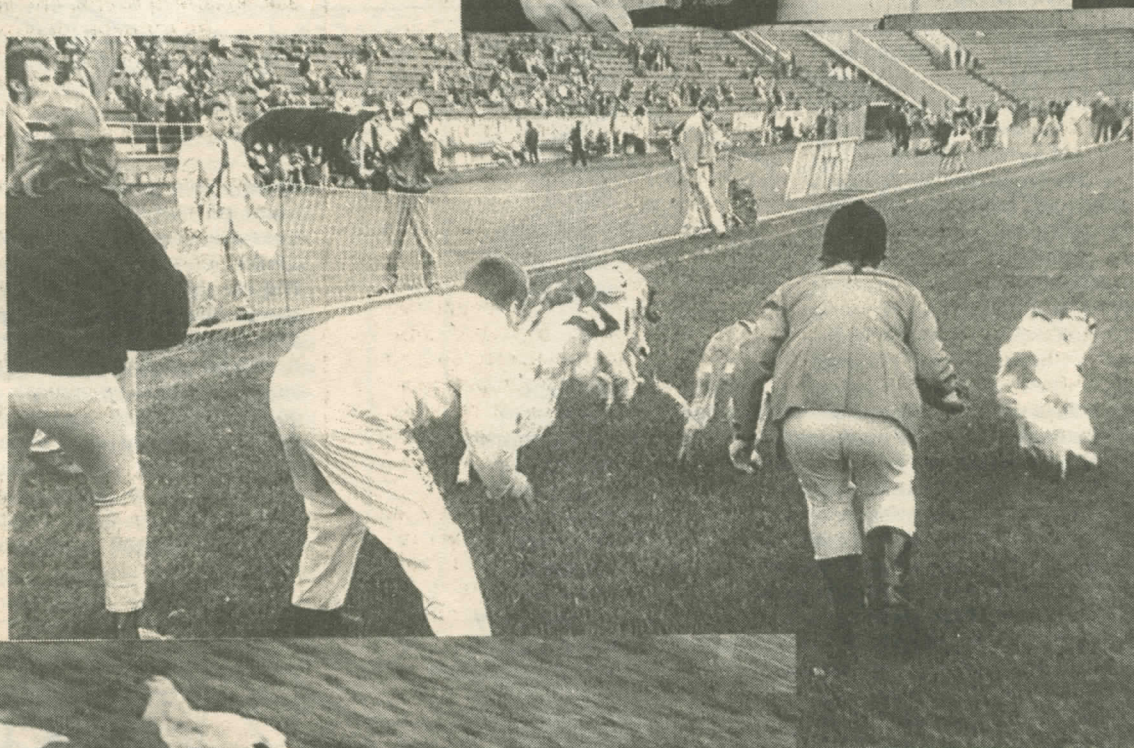
Второй чемпионат — это еще не традиция, скорее попытка возродить ее. Попытка удалась, и, если вы упустили эту возможность полюбоваться бегом борзых, потерпите до следующей осени, до третьего чемпионата России.

Фото Б. КРЕМЕРА

НЕ УШЕЛ

ОТ ПОГОНИ

Петр СМИРНОВ

ВНИЗ ПО МАТУШКЕ, ПО ВОЛГЕ, ИЛИ ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ЗАКОРЕНЕЛОГО ОБЫВАТЕЛЯ

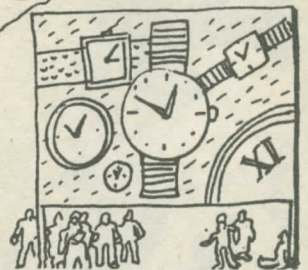
Известно, что все политические бури — путчи, революции и контрреволюции — начинаются в столице. И здесь же, слава Богу, кончаются. В российскую провинцию доходят лишь изрядно ослабевшие волны в виде митингов, указов и перепалок в местной прессе между либералами и консерваторами. Я убедился в этом, когда в разгар «трех дней, которые потрясли средства массовой информации», сел с сыном на теплоход «Валерий Чкалов», следующий по маршруту Москва—Астрахань. В конце концов путчи приходят и уходят, а отпуск, как известно, только раз в году. Вот мы и поплыли.

ТУДА

Поначалу народ, особенно пенсионного возраста, проявлял бурную политическую активность. Вечерами дружно бросался к телевизору, дабы воочию убедиться в дрожащих руках экс-мужика Янаева, безоговорочно поддержать царя Бориса, посочувствовать невинно заточенному Мишеньке и слегка позлорадствовать над Раисой, которой теперь некуда будет выходить в своих роскошных туалетах. А потом кончились шлюзы

Москвы-реки, на небе зажглись яркие, как в планетарии, звезды, на воде замигали красные огоньки далеких бакенов. Телевизор — ура! — сломался, в видеосалоне закрутились боевики и эротические комедии, по радио заголосили Калинин с Газмановым, а в буфете помимо «заграничного» молдавского коньяка по 80 рэ появилось вполне сносное жигулевское пиво. Дети сбились в стайки и стали носиться по теплоходу, не обращая внимания на рык боцмана, а пенсионеры разбились на пары и чинно совер-

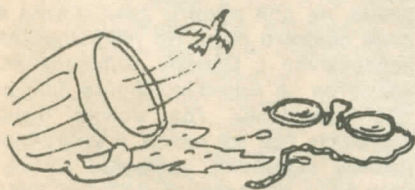
шали многокилометровые променады по палубам. И под негромкий, плавный шум воды спалось легко и долго. А утром приятно было выйти после завтрака на палубу и, бездумно глядя на новые берега, выкурить первую, самую вкусную сигарету. А потом подставить лицо солнцу, зажмуриться и не думать о том, что осталось позади, — ни о будущем Союза и России, ни о победе демократии, ни о газетно-журнальных страстях, ни о домашних неурядицах. Н-и о ч-е-м. Просто стоять и ждать первой пристани, первого города.

УГЛИЧ. Нас встречает огромный плакат, приглашающий посетить фирменный часовой магазин, а рядом с ним полтора десятка юных коммерсантов, увешанных часами, как цыганки браслетами. И это еще раз подтверждает старую как мир истину, что «несуны» куда оперативнее и богаче по ассортименту, чем

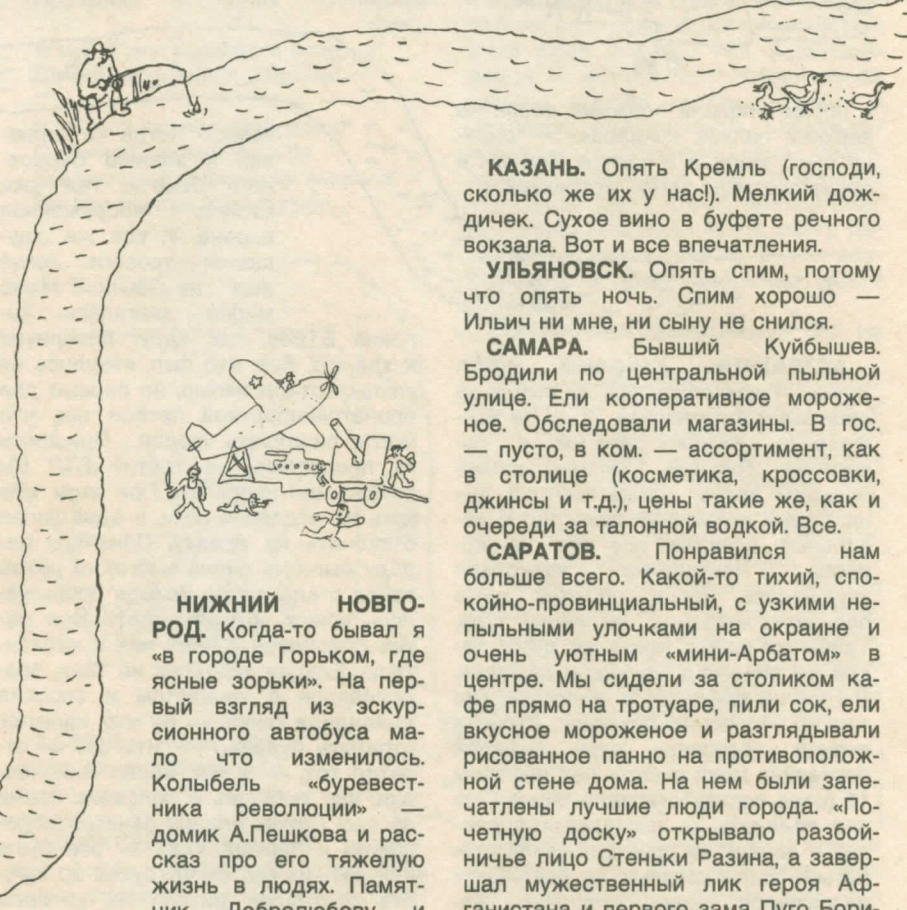
госторговля. Но мы пошли на пешую экскурсию по историческим памятникам, которая свелась к посещению двух-трех храмов и беглому пересказу экскурсоводом сведений из школьного учебника о невинно убиенном пацане царского рода. Потом купили на пристани банку слив и вернулись на корабль, где в тот вечер Брюс Ли обещал нам в очередной раз продемонстрировать свое непревзойденное искусство бития ногой по морде. Продемонстрировал...

ЯРОСЛАВЛЬ. Тут не до памятников. Тут у меня друг-художник. С желтым «мерседесом». Но встречается почему-то на желтом такси, в котором мы сразу приобретаем пару бутылок водки по 35 рэ, заскакиваем на рынок, берем арбуз сыну и к другу на кухню (а куда ж еще податься бедному интеллигенту для душевного разговора?). «Хорошо у вас там в Москве, — печалится друг после третьей. — Взял автомат — и на баррикады демократию защищать. А у нас тут такое болото... Да еще «мерседес» забарахлил, ума не приложу, где запчасти достать». Боже, как я его, недавно вернувшегося из полугодичных скитаний по сытой бюргерской Германии и вновь туда собирающегося, понимаю: ни тебе баррикад, ни запчастей для «мерседеса». Сплошная рутинка! Но время не ждет и, захватив пол недоеденного арбуза и пол недопитых поллитра возвращаемся на «Чкалов». Там нас ждет каратист Чак Норрис и обед. А хорошо, знаете ли, закусывать водку арбузом и сплевывать семечки в набежавшую волну!

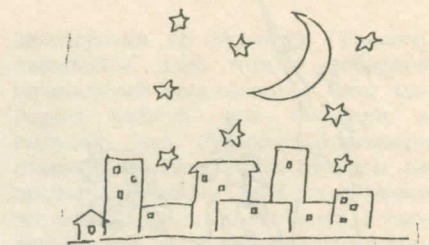
КОСТРОМА. Симпатичный старорусский городок. Внешне никаких признаков революций и контрреволюций. Гуляли по парку, стреляли в тире, ели мороженое. Рядом с пристанью совершенно случайно набрел на пивбар. Не поверите, но было пиво и почти не было народу.

Воистину был прав, если не ошибаюсь, Антон Павлович Чехов, как-то воскликнувший, что человек создан для пива, как птица для полета. И вторящий ему Алексей Максимович, громогласно утверждавший, что человек, выпивший пива, это звучит гордо. Ах, если бы еще и раки, но они появились только однажды, ближе к Астрахани, когда пива уже не было.

НИЖНИЙ НОВГОРОД.

Когда-то бывал я «в городе Горьком, где ясные зорьки». На первый взгляд из экскурсионного автобуса мало что изменилось. Колыбель «буревестника революции» — домик А.Пешкова и рассказ про его тяжелую жизнь в людях. Памятник Добролюбову и рассказ про рев.-демократические страдания. Памятник Чкалову и рассказ про его героическое воздушное хулиганство. Кремль с пушками, самолетами, танками, по которым с удовольствием ползает детвора. Демократии вроде больше, продуктов — это точно — меньше. Лишь одна неизменность радует глаз — вид на стрелку, где Волга сливается с Окой. Боже, какой простор, какая красотища, надеюсь, неподвластная ни местной химии, ни всеобщим демократическим преобразованиям.

ЧЕБОКСАРЫ. Спим, потому что ночь.

КАЗАНЬ. Опять Кремль (господи, сколько же их у нас!). Мелкий дождичек. Сухое вино в буфете речного вокзала. Вот и все впечатления.

УЛЬЯНОВСК. Опять спим, потому что опять ночь. Спим хорошо — Ильич ни мне, ни сыну не снился.

САМАРА. Бывший Куйбышев. Бродили по центральной пыльной улице. Ели кооперативное мороженое. Обследовали магазины. В гос. — пусто, в ком. — ассортимент, как в столице (косметика, кроссовки, джинсы и т.д.), цены такие же, как и очереди за талонной водкой. Все.

САРАТОВ. Понравился нам больше всего. Какой-то тихий, спокойно-провинциальный, с узкими непыльными улочками на окраине и очень уютным «мини-Арбатом» в центре. Мы сидели за столиком кафе прямо на тротуаре, пили сок, ели вкусное мороженое и разглядывали рисованное панно на противоположной стене дома. На нем были запечатлены лучшие люди города. «Почетную доску» открывало разбойничье лицо Стеньки Разина, а завершал мужественный лик героя Афганистана и первого зама Пуго Бориса Громова, судя по свежей краске, добавленный сюда совсем недавно. Думаю, сейчас на его месте уже красуется кто-нибудь из местных ельцинцев...

ВОЛГОГРАД. Город-герой, и этим все сказано. Широоченные проспекты, гигантские скульптуры, оружейно-знаменосные барельефы с надписями типа «Труд — есть дело чести, героизма, славы, мужества и т.д. советского человека». И опечатанный, словно затаившийся, обком. Зато на улицах масса частных лотерей с дефицитными шампунями, коньяками, косметикой. Сын сыграл два раза и оба проиграл, после чего сделал правильный вывод: «Лучше бы мы купили жвачки». Жвачки мы купили,

а потом открыли пляжный сезон на верхней палубе «Чкалова» — солнце было жаркое и южное. Так мы и прозагорали до самой Астрахани.

АСТРАХАНЬ. Конечный пункт. Здесь — все рванулось на рынок за дешевыми витаминами. И мы не исключение. Рынок богатый и по-южному грязный. Купили самый большой арбуз, самые желтые дыни, самый гигантский виноград и довольные поперли все это на корабль. Настроение несколько ухудшилось, когда, проходя мимо овощного магазина, заглянули туда. Такой же арбуз, такие же дыни, такой же виноград, но вдвое дешевле. С горя на пристани, в пивнушке, где только что кончилось пиво, купил у пьяной уборщицы пару бутылок портвейна моей юности под номером 15 (цена соответствовала номеру, но что поделать — ностальгия одолела). К вечеру на пристань стали стекаться толпы усталых, но довольных пассажиров, щедро увешанных вяленой рыбой и арбузами, а также девушки, чья профессия была густо нарисована на лицах импортной косметикой. Временно неженатые пассажиры на сдачу от закупок продовольствия заключали с ними контракты на краткосрочные экскурсии по каютам. Не обошлось без инцидентов. Кому-то набили морду, кто-то набил морду.

Мы по-обывательски скрылись от греха подалее в каюте. Сын навалился на дыню, а я немножко предался ностальгии под номером 15 вприкуску с газетой «Астраханские известия». Статья под рубрикой «Как это было» называлась «Астраханцы на защите демократии»: «Всем уже известно, что в охране

здания Верховного Совета РСФСР принимал участие, причем с оружием в руках, астраханец, народный депутат РСФСР А.Жилкин. Он находился в самом здании. Но и в оцеплении были астраханцы. Один из них — председатель кооператива «Агидель» А.И.Ломакин — только что приехал из Москвы, обремененный грузом воспоминаний и переживаний, которыми он и поделился с

стальнул номером 15 и пожалел о своей политической слепоте, ибо отплыл из Москвы как раз в то благодатное для люмпен-пролетариев время и никак не мог найти в дорогу бутылку этой самой янаевской провокации, в связи с чем и пришлось покупать в буфете дорогой, но зато демократический молдавский коньяк. С этими мыслями я вышел на палубу и увидел, что мы отплываем.

нами... Когда я приехал к зданию Верховного Совета, там уже стояла вооруженная охрана. И все же ощущения тревоги тогда еще не было. Мимо мирно двигалась колонна БТРов, как вдруг повернула к зданию. Все, кто был, кинулись на улицы, встали цепью, но первые два бронетранспортера летели так, что могли раздавить людей... Пришлось их пропустить, но третий БТР мы остановили накрепко. При этом мне чуть не отдало ноги, я едва успел отскочить на бровку. Поначалу народу было не очень много, но потом толпа стала расти. Вскоре послышались крики: «Ельцин идет!» Вся масса бросилась к нему как к избавителю. Ельцин забрался на танк, поздоровался с танкистом и спросил командира танка: — Ну что, капитан, стрелять будешь? — Что вы, — ответил тот, — я же, Борис Николаевич, вас выбирал, и половина армии за вас! Потом Ельцин зачитал обращение и первый Указ — это было как свежий глоток воздуха... 20 августа состоялся митинг, на котором священник отец Якунин продал ГКЧП анафеме и заявил, что церковь стоит на стороне России. Это очень воодушевило всех нас. И после митинга началась запись в народное ополчение, я записался в восьмую сотню седьмого отделения... кстати сказать, по распоряжению Янаева Москва была завалена водкой, люмпен-пролетарии упивались ею намертво. Они сидели на парапете набережной и насмехались над нами: «Наконец-то вас, демократов, танками подавят!» Но среди защитников здания Верховного Совета я не встретил за эти три дня ни одного пьяного. Ни одного, представляете! Я, честно говоря, не представлял, а посему еще не

нами... Когда я приехал к зданию Верховного Совета, там уже стояла вооруженная охрана. И все же ощущения тревоги тогда еще не было. Мимо мирно двигалась колонна БТРов, как вдруг повернула к зданию. Все, кто был, кинулись на улицы, встали цепью, но первые два бронетранспортера летели так, что могли раздавить людей... Пришлось их пропустить, но третий БТР мы остановили накрепко. При этом мне чуть не отдало ноги, я едва успел отскочить на бровку. Поначалу народу было не очень много, но потом толпа стала расти. Вскоре послышались крики: «Ельцин идет!» Вся масса бросилась к нему как к избавителю. Ельцин забрался на танк, поздоровался с танкистом и спросил командира танка: — Ну что, капитан, стрелять будешь? — Что вы, — ответил тот, — я же, Борис Николаевич, вас выбирал, и половина армии за вас! Потом Ельцин зачитал обращение и первый Указ — это было как свежий глоток воздуха... 20 августа состоялся митинг, на котором священник отец Якунин продал ГКЧП анафеме и заявил, что церковь стоит на стороне России. Это очень воодушевило всех нас. И после митинга началась запись в народное ополчение, я записался в восьмую сотню седьмого отделения... кстати сказать, по распоряжению Янаева Москва была завалена водкой, люмпен-пролетарии упивались ею намертво. Они сидели на парапете набережной и насмехались над нами: «Наконец-то вас, демократов, танками подавят!» Но среди защитников здания Верховного Совета я не встретил за эти три дня ни одного пьяного. Ни одного, представляете! Я, честно говоря, не представлял, а посему еще не

ОБРАТНО

ВОЛГОГРАД. Все то же. Только несколько центральных улиц перегородено милицией от автотранспорта и отдано под гигантский овощной базар. И сразу понимаешь: это вам не янаевщина, спаивающая люмпенов, а истинно народная власть, кормящая людей витаминами.

САРАТОВ. Понравился еще больше, ибо я откопал здесь чудный винный погребок — безлюдный и прохладный, где выпил пару стаканов давно забытого мной «Совиньона».

САМАРА. Случайно встретили на улице знакомого москвича, который болтался здесь уже несколько дней в командировке. На правах старожилы он повел нас на экскурсию. Цель — пивзавод, выстроенный еще при благословенном царизме и функционирующий до сих пор, несмотря на все перипетии перестройки и демократизации, а главное — торгующий свежим пивом в своих фирменных палатках. Но глядя на толпу, штурмующую палатки, я, во-первых, воочию представил себе «Белый дом» периода «трех дней», а во-вторых, понял, что абсолютно не гожусь ни для штурма тоталитаризма, ни для защиты демократии в лице свежего пива. Но приволжская набережная в Самаре великолепна, несмотря на многочисленные закрытые павильоны, где можно было торговать тем же пивом, и многочисленные скамейки, усеянные школьного вида молодежью, которая, судя по всему, активно штудировала азы сексуальной революции. Правда, мы прошли по ней практически без морального и материального ущерба, не считая сигареты, безропотно отданной на призыв нетрезволомающегося баска: «Мужики, дайте закурить!»

УЛЬЯНОВСК. Ребенок возжелал на экскурсию по ленинским местам, я долго сопротивлялся (не из политических убеждений, а исключительно по лени), но сдался. И не жалею, ибо получил массу незабываемых впечатлений. Во-первых, на площади имени догадывается кого, когда нас подвели к памятнику сами понимаете кому, экскурсовод задал вопрос: «Ну, как вам наш Ильич?» Ильич был как и все остальные его близнецы-братья: кепка, пальто, прищуренный недобрый взгляд на здание Дома Советов, над которым теперь развевался отнюдь не красный стяг, гранитные крепко сжатые кулаки и решительная поступь, словно он, подобно статуе Командора, намеревался сойти с пьедестала и смертельно поздороваться с местным наместником Ельцина. Я неосторожно заметил, что ничего подобного в своей жизни не видел. Экскурсовод очень обиделась, но все же задала второй вопрос: «Ну и что же, нам теперь его сносить?» Молчание группы становилось каким-то тягостным и обидным для этой в общем-то милой женщины. Наконец, все недружно забурчали: «Да нет, пускай стоит». Так он там и остался, а мы двинулись к мемориалу.

Здесь-то меня и настигло истинное потрясение: три маленьких домика Ульяновых были «накрыты» гигантским, циклопическим размеров сооружением из гранита и бетона, напоминающим творения сверхцивилизаций в американских научно-фантастических фильмах. Пирамиды Хеопса и загадочные статуи острова Пасхи — детский лепет по сравнению с ним. Наверное, найдясь в шоке, я безропотно выдал сыну деньги на серию значков от «где Ленин маленький с кудрявой головой» до лобастого дедушки-трибуна, а сам купил несколько выпусков вестника ульяновского фи-

лиала Центрального музея В.И.Ленина с проникновенным названием «Истоки». Передовые типа «За правду о В.И.Ленине и нашей истории» я, честно говоря, не осилил, а вот стихи глубоко запали в душу:

Открывались солнцу окна
настежь,
Проходил в полях последний
снег...

И тогда для подвига и счастья
На Земле родился человек.

Молодое солнце завершало
С зимней стужей борьбу.
Сына мать Владимиром назвала,
Угадав прекрасную судьбу...

КАЗАНЬ. Ночь. Сны какие-то муторные. То ли от портвейна, то ли от музея...

ЧЕБОКСАРЫ. Пыльный, вытянутый, пятиэтажный. В магазинах водки завались, но вся по талонам — и строго. В киосках пиво, но только в свою тару, поэтому пьют из трехлитровых банок и целлофановых пакетов. Случайно заглянули в музей героя анекдотов и гражданской войны Василия Ивановича Чапаева. Выяснили, что, во-первых, нужно надеть тапочки, как в Эрмитаже, во-вторых, подлинных вещей героя в музее нет, в-третьих, лучший фильм всех времен и народов нам готовы показать хоть сейчас, двоим, ибо ровно столько нас было в музее. Но, сбросив тапочки, мы позорно бежали, как белоказаки от чапаевской дивизии.

НИЖНИЙ НОВГОРОД. Готовились к знаменитой, широко разрекламированной нижегородской ярмарке. В 10 часов утра, вопреки описаниям

завсегдатая ее Максима Горького, павильоны еще только собирали похмельные кооператоры. Зато молодые ребята уже готовили к подъему шар и бойко торговали открытками. Шар почти взлетел, но потом загорелся, был героически потушен с помощью зрителей, с удовольствием потоптавших его ногами. Но все же мы не оставили надежды и часа через три, собрав остатки капитала, вернулись сюда снова. Толпа была куда больше, чем у «Белого дома» в момент его исторической защиты. Среди массы потных и рвущихся к прилавкам сограждан мелькали испуганные лица иностранных участников. Чувствовалось, что где-то дают что-то дефицитное. И я понял, что мало иметь много дефицита, главное, нужно иметь возможность к нему добраться, дабы купить.

КОСТРОМА. Безмятежный сон на заре.

ЯРОСЛАВЛЬ. Холодно, дождливо, уже хочется домой, в Москву, да и дыни, боюсь, не довезу. Скупил в киоске все газеты — от «Литературки» до «СПИД-ИНФО», а в буфете подвернулась дюжина пива. Пью пиво и читаю новости недельной давности. Боже мой, сколько героизма, сколько кадровых перемещений, сколько демократических преобразований, и, кажется, наш журнал не закрыли, а значит, предстоит не героическое подполье, а каждодневная рутинная работа. И неизвестно, что лучше.

МОСКВА. У-П-А-А! Мы дома и в демократии, но вот интересно, как транспортировать домой все эти дыни и арбузы. Жена встречает с цветами, но без носильщиков и машины. Бреду к такси, нагруженный пакетами, и мечтаю только об одном — уронить их так, чтобы они вдребезги, а жена не заметила. Увы, не везет — возвращаюсь домой с арбузами, загорелый, отъевшийся и отдохнувший. Остается только завидовать всем тем, кто здесь все это время делал Историю, а не подобно мне вел обывательски-отпускную жизнь. Но я почему-то не завидую, а, напротив, искренне желаю всегда вести такую жизнь. И я вовсе не хочу, чтобы нас рассудила История, пусть нас рассудят наши дети и близкие. Мне они, по крайней мере, гораздо дороже Истории. Впрочем, на то я и закоренелый обыватель.

Аркадий ГАЛИНСКИЙ

ФУТБОЛ В АНТРАКТЕ МЕЖДУ СЕЗОНАМИ

Ну и времечко настало: оказалась на грани распада — страшно подумать! — сама Федерация футбола СССР, причем по части борьбы с надвигающейся катастрофой никакого опыта у руководителей этого ведомства не было и нет. Да и что тут в самом деле придумаешь, коли агонизирует фактически самое идея проведения чемпионатов страны и розыгрыша Кубка СССР! А там, глядишь, и сборные не понадобятся — первая, олимпийская, юниорские... Кому же тогда, спрашивается, нужна будет центральная футбольная власть?

В полнейшую «самостоятельность» уходит в эти дни из-под опеки союзной федерации футбольная Украина. А это, напомним, из шестнадцати команд высшей лиги — шесть: киевское «Динамо», «Днепр», «Шахтер», «Черноморец», «Металлист», «Металлург». Так что последние надежды руководящего центрального аппарата связаны с послушными еще Москве да РСФСР, а также — с футбольными федерациями Армении, Беларуси, Таджикистана и Узбекистана, хотя, по некоторым сведениям, там прикидывают уже, по своей ли инициативе отзывать из высшей лиги в независимые национальные чемпионаты «Арагат», минское «Динамо», «Памир» и «Пахтакор» либо дожидаться все-таки на этот счет распоряжений со стороны собственных правительств?

А в том, что означенные распоряжения будут правительствами раньше или позже отданы, сомнений, видимо, ни у кого уже не осталось. В Киеве, например, вопрос о немедленном отзыве украинских клубов из всех без исключения лиг, учрежденных футбольной федерацией СССР, весьма пылко обсуждался еще три с лишним месяца назад, то есть в разгар сезона. Предлагалось также пресечь и участие украинских игроков в сборных страны. В том числе и тех футболистов, что проданы в зарубежные клубы. Короче, Киев намеревался уже в 1991 году запретить выступления в первой сборной СССР Канчельскису, Кузнецову, Литовченко, Лютому, Михайличенко (он — капитан сборной), Протасову и Юрану. И только чудом удалось

центру достичь тут с Киевом компромисса — на уходящий и будущий сезоны. Впрочем, чудо это имеет вполне материалистическую подоплеку. Ведь наша сборная надеется стать одним из восьми финалистов чемпионата Европы 1992 года. А если она выступит там удачно, существенно повысится и рейтинг игроков, делегированных Украиной.

Когда в 1990 году, незадолго до старта первенства СССР, выяснилось, что «Гурия», тбилисское «Динамо» и «Жальгирис» участвовать в чемпионате страны не будут, центральная пресса буквально запестрела скорбными рассуждениями московских футбольных специалистов, журналистов и болельщиков о том, что последние две команды неизбежно утратят класс, лишившись конкурентной среды высшей лиги. Так оно и вышло. Тбилисское «Динамо» (переименованное в «Иверию») как команда международного уровня больше в природе не существует. Разбежались по разным клубам футболисты «Жальгириса», который способен был в чемпионатах СССР не проиграть никому сопернику, а у многих мог и выиграть.

Упомянулось весной 1990 года в центральной прессе нередко и о том, что решения о неучастии своих команд в первенстве СССР футбольные федерации Грузии и Литвы приняли только под давлением политиков. Вы спросите, неужели грузинские и литовские политические деятели не понимали, что коллективы тбилисского «Динамо» и «Жальгириса» ждет печальнейшая судьба? Конечно, понимали, но все же на это пошли. Ибо, сочувствуя драматической участи своих знаменитых клубов, политические деятели Грузии и Литвы знали не хуже всех прочих, что тбилисское «Динамо» и «Жальгирис» — это команды-гегемоны, которые десятилетиями задерживали развитие и рост менее именитых национальных клубов.

Не секрет ведь, что тбилисское «Динамо» и «Жальгирис» буквально питались соками этих менее именитых команд. Между прочим, на Украине вплоть до прошлого года примерно так же поступало киевское «Динамо», снимая раз за разом сливки с «Днепра», «Шахтера»,

«Черноморца», «Металлиста»... Но Украина — страна с пятидесятиmillionным населением, отчего кое-кто все же в этих командах еще оставался. Что касается тбилисского «Динамо» и «Жальгириса», то они лучших игроков из остальных клубов своих республик выметали, можно сказать, подчистую. Чем, кстати, занимаются и поныне в Армении — «Арагат», в Беларуси — минское «Динамо», в Таджикистане — «Памир», в Узбекистане — «Пахтакор». Появились, правда, уже первые сигналы прессы о том, что и в этих краях, кажется, вот-вот придет конец практике «внутрисемейного» усиления главной своей команды за счет нижестоящих.

То, о чем будет рассказано дальше, может показаться читателю неправдоподобным, но тем не менее еще тридцать лет назад я доказывал, что розыгрыш первенства СССР в том виде, в каком он тогда существовал (и остался неизменным поныне), футболу команд мастеров не нужен и даже для него вреден. Статью, которую я написал, называлась «Нужны чемпионаты республик». Я пытался напечатать ее во многих московских изданиях, но всюду мне отказывали. В конце концов статью перевели на украинский язык, и ее опубликовал в Киеве главный редактор газеты «Літературна Україна» писатель Павло Загребельный.

Несомненно, некоторые из соображений, высказанных в статье, сегодня уже устарели. Но иные, представьте, вполне актуальны. Я писал, например, о бессмысленности постоянных перелетов футбольных команд через всю страну, о неразрешимых в связи с этим проблемах акклиматизации и реакклиматизации игроков, указывал на безумные траты денег, связанные со сверхдальними вояжами футболистов, тренеров, администраторов, врачей, массажистов, судей, инспекторов матчей. Но кто же в Спорткомитете СССР подозревал о существовании газеты «Літературна Україна»? Так что все мои полемические пассажи, аналитические выкладки и конструктивные предложения пропали втуне. Хотя, надо сказать, что в Спорткомитете и без моей статьи не только многое было известно, но и порождено

подчас весьма своеобразные акции.

Вот история, свидетелем которой был я сам. В 1981 году я поехал в Киев, чтобы посмотреть матч московского «Локомотива», выступавшего тогда в первой лиге, с местной командой СКА. Это была встреча последнего тура, и перед «Локомотивом» в случае выигрыша маячила возможность возвращения в высшую лигу. Киевская же команда СКА, даже сделав ничью, выбывала во второй дивизион. Но победа над «Локомотивом» спасала ее. Словом, борьба ожидалась нешуточная, бескомпромиссная.

Однако за три часа до начала матча тренеру москвичей было передано пожелание Спорткомитета СССР (подкрепленное недвусмысленным распоряжением локомотивского начальства) матч киевлянам сдать. Спротивившийся тренер не мог, но о полученном указании сообщил «всем-всем-всем»... выпустив на поле дублеров.

Чем же объяснялось «пожелание» Спорткомитета? Ответ на этот вопрос понуждает вкратце обрисовать ситуацию, которая сложилась в соревнованиях команд первой лиги накануне заключительного тура. Право перехода в высший класс завоевал досрочно харьковский «Металлист». На второй (и последний) пропуск в высшую лигу претендовали две команды: кутаисское «Торпедо» и московский «Локомотив». Обе набрали равное количество очков, но к желанной цели ближе было «Торпедо», опережавшее «Локомотив» по числу побед. Таким образом, обойти торпедовцев «Локомотив» мог только при двух условиях: во-первых, выигрывать у киевского СКА, а во-вторых, ничьей или поражением кутаисского «Торпедо», которое в последнем туре встречалось на своем поле с ярославским «Шинником».

Но тут необходимо рассказать и о ситуации, которая складывалась в нижней части таблицы. Выбыть во вторую лигу надлежало пяти командам, и если двум аутсайдерам ничто уже помочь не могло, то угроза очутиться на одном из трех

мест, оставшихся в этом смысле вакантными, нависала сразу над шестью клубами, в числе которых был и киевский СКА. Но победа над «Локомотивом», напомним, выручала его.

И эту победу Спорткомитет СССР, как мы уже знаем, преподнес киевским армейцам, можно сказать, на блюдечке с голубой каемочкой. Впрочем, сделан был этот подарок киевлянам лишь после того, как в Москве стало известно, что кутаисское «Торпедо» матч с «Шинником» выиграло, — ведь в Кутаиси финальный свисток судьи прозвучал за три с половиной часа до того, как началась встреча в Киеве. Так что любой ее исход ничего уже в турнирной судьбе «Локомотива» изменить не мог.

В чем, однако, состоял тут интерес Спорткомитета СССР? Оказывается, комитет решил «помочь» выбыть из первой лиги во вторую... хабаровской команде СКА! И вот по какой причине. В 1981 году в первой лиге выступало двадцать пять клубов, отчего в Хабаровск в течение сезона двадцать четыре раза направлялись самолетами через всю страну судебские бригады и инспекторы матчей, истощая и без того скудный фонд командировочных средств комитета.

А тут хабаровская команда СКА очутилась как раз (вместе с киевским СКА) в той самой шестерке, на которую, как мы уже знаем, приходились три путевки на вылет. И в Спорткомитете СССР, приняв телефонограмму об окончании матча в Кутаиси, мгновенно сообщили, что, если подарить киевскому СКА два очка («Локомотиву», мол, уже ненужных), шансы хабаровского СКА выбыть во вторую лигу значительно возрастут. Финал этой истории был такой: волею судьбы хабаровская команда все-таки в первой лиге тогда удержалась; больше того, своим пребыванием в ней она продолжала наносить урон финансам Спорткомитета СССР еще долгие пять лет...

Право же, я мог бы припомнить нема-

ло подобных сюжетцев, но уж коль скоро родимец наш имперский футбол дышит на ладан, не лучше ли задуматься о будущем? Сказать по чести, меня лично волнует только судьба футбола российского и — отдельной строкой — московского. До последнего времени судьбы обоих решали начальники, назначенные более высокими начальниками и беззаветно тем преданные, хотя формально, конечно, состав пленумов, президиумов, исполкомов и бюро исполкомов центральной и местных футбольных федераций неукоснительно избирался. А нас, простых смертных, всегда ставили перед свершившимися фактами: в чемпионате страны такого-то года будет участвовать столько-то команд; розыгрыш Кубка СССР будет проводиться тогда-то и так-то; чемпионатов страны в этом году будет два — весенний и осенний, причем киевское «Динамо» от участия в весеннем чемпионате освобождается и т. д.

В один прекрасный день, например, было объявлено, что в турнире высшей лиги должны быть представлены все до единой союзные республики. И это при том, что уже на первом курсе физкультурных техникумов преподаватели твердят учащимся, что спорт растет только при условии соревнований равного с равным. Но футбольные наши функционеры горячо поддержали спущенную сверху дурацкую идею, которая зародилась, как тогда рассказывали, на одном из кремлевских банкетов.

Подведу итоги. Для того, чтобы обустроить российский футбол мастеров, наступило счастливое время. Так стоит ли вновь покорно отдавать это обустройство на откуп начальникам от спорта? Не лучше ли — пока есть время в антракте между сезонами — обсудить положение всем футбольным миром? Обсудить свободно, гласно. А потом создать представительную общественную комиссию по чрезвычайной ситуации в российском футболе. Если нужна аббревиатура, извольте: КЧСРФ!

Фото Г.Бодрова

Дневник И.

СНУ НИЧТО НЕ МЕШАЛО

«Черный монах»
(«Например, о счастье»)

Театр им.А.С.Пушкина,
реж.Ю.Еремин

Юрий Еремин — режиссер, от которого ждут интересных спектаклей. Однако премьеры по мотивам рассказа А.П.Чехова «Черный монах» разочарует многих. Может быть, по причине именно больших надежд и затянувшихся ожиданий. Расчет на узкий круг зрителей, располагающихся вокруг игровой площадки, эта постановка напоминает ереминскую же «Палату № 6», но не имеет и сотой доли энергии того спектакля. Она вялая и апатична. Явления черного монаха сопровождает лишенная жизни электронная музыка, которая сразу исключает возможность трагического прочтения происходящих на сцене событий. Легкие, полупрозрачные ткани, окружающие и сцену и зал, и вовсе воспринимаются как полог, что вешают над кроватью, чтобы ничто не мешало безмятежному сну. Все, что там, внутри, играют актеры, выглядит далеким и чужим... Неясным остается лишь одно: почему вместо программки зрители получают узкие ленточки бумаги, на которых из чеховского фотопортрета оставлены одни глаза да левое ухо. Впрочем, они-то как раз — прекрасны.

Григорий ЗАСЛАВСКИЙ

Кадр
из фильма
«Дура».

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ЧИСТЮЛЕЙ

«Дура»

ОРФ при Госкино,
реж.А.Коренев

В титрах фильма — предупреждение: иронический детектив. И это весьма разумно: в болезненной обстановке нашего кино чистому жанру лучше сразу сказаться прихандрившим. Итак, экранизация французской пьесы. Служанка, которую вожделем практически все мужское население городка. Ее любовник. Еще один. Его жена. (Не хватает только гринуэвских повара и вора.) Убийство первого любовника. Невозмутимый следователь, похожий на ковбоя. Впрочем, с лицом Николая Караченцова. Очень любопытно наблюдать, как реагируют актеры на наконец-то непыльные «предлагаемые обстоятельства» — без грязных лестничных клеток и немых раковин. Реагируют все по-разному. Например, Сергея Мигицко

завораживает слово «месье». И он с упоением, как баритон, пробуя голос, раскидывает по диалогам: «Да, месье», «Вы так считаете, месье?», «С горечью, месье». Караченцов сибаритствует в сложносочиненных любезных предложениях: «Могу ли я себе позволить взять на себя смелость», «Сколь бы любопытен и притягателен ни был бы для меня этот факт, но юридическая традиция...». Анна Самохина боится запачкать заграничный дизайн интерьеров и поэтому, томно извиваясь, стремится не помнить простыни. Зато Лариса Удовиченко, играющая главную героиню, делает вид, что не обращает внимания на весь этот шикарный комфорт и даже в душе немножко презирает его. Замечателен Вениамин Снегов, который ведет себя как порядочный джентльмен, не подающий вида, что попал не в настоящую гостиную, а всего лишь в ее имитацию. И все-таки здорово, что при всех возможных претензиях к картине именно в наших условиях ее можно рассматривать как пособие для института благородных лиц обоих полов. Странно только, что у пособия такое грубое название.

Марина ДРОЗДОВА

ЗАБЫВШИЙ О БАМБУКЕ

Сюй Бэйхун (1895—1953)

Выставка в ЦДХ

Отсутствие каталога и маловнятный рекламный щит затрудняют восприятие этой, несомненно поучительной

репрезентации. Между тем пример «полпреда китайского искусства», «борца с реакционным гоминьдановским режимом» и «большого друга Советского Союза» весьма показателен. Как в общем культурном контексте ушибленного катаклизмами XX века, так и в проекции этого контекста на действительность «пробудившего Востока». Творчество Сюй Бэйхуна, пытавшегося синтезировать достижения европейского реализма с традиционной манерой китайской живописи, есть как бы воплощение болезненных процессов разложения векового духовного универсума Китая, причудливого срачивания этой ментальной ауры с европейской идеологией. Ранние работы на сюжеты Ду Фу или народных легенд по-своему органично перетекают в портреты передовиков производства. В отдельных же случаях возможен и полный синтез. Так, картина «Юй Гунь передвигает горы», где старинная легенда

одушевлена сверхзадачей показать «трудовой подвиг народа», недаром навела в свое время Мао Цзэдуна на тонкое сравнение одолеваемых гор «с феодализмом и империализмом, которые давили своей тяжестью на китайский народ». «Ты должен чувствовать, как растет бамбук», — говорила древняя поговорка китайскому художнику. В новейшие времена у него обнаружилась забота поважнее.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

КАК СТАТЬ ВЕСЕЛЫМ

«Свадьба века»

Франция, реж. Ф. Галлан

Жила-была принцесса некоего королевства. Приехала она в город Париж, дабы с женихом своим августейшим обзнакомиться, а тут подвернулся совсем даже посторонний парень — бедный, но амбициозный. На пари он влюбляет в себя принцессу, а потом и сам в нее влюбляется. Наследница трона дает отставку жениху и выходит замуж за нашего героя. Все счастливы. Хорошая история, хотя и не новая. Кажется, век бы смотрел ее различные киновариации. Однако коварный француз Филипп Галлан вдребезги разбил мою давнюю любовь к сказкам.

Ну что это за принцесса — с востреньким личиком и угловатыми движениями? Что это за оципаный герой? Почему король придурковат, а королева — и вовсе пьяница?..

Это, наверно, для того, чтоб смешнее было — комедия же! В таком случае следует признать, что кинокопировальные фабрики отечества посылно способствовали тому, чтобы эффект смешного резко возрос. Наша дивная пленка сделала лица героев сизыми, а интерьеры дворцов грязно-коричневыми. И если вы полагали ранее, что Анемон и Тьерри Лермит — далеко не самые некрасивые актеры Франции, а дворцы Парижа и Будапешта — жемчужины архитектуры, — немедленно идите на «Свадьбу века». В темноте зала вы осознаете

глубину своих заблуждений и от этого вам станет совсем весело.

Сергей ЛАВРЕНТЬЕВ

КТО ЕСТЬ ХУ

«Кто есть кто в советском роке»

Иллюстрированная энциклопедия, МП «Останкино»

Плотину прорвало! Не берусь с ходу сказать, какая это по счету книга о роке, выпущенная за последнее время у нас в стране. (Для тех, кто далек от проблемы, все-таки поясню: речь идет не о сотой—двухсотой, а о десятой—пятнадцатой.) И это очень хорошо — пусть будет больше самых разных книг. В отличие от издания под редакцией А.Троицкого «Кто есть кто» менее сенсационна, но и менее пристрастна. Разумеется, она — не последнее слово в энциклопедировании советской рок-музыки. Есть в

ней и определенные просчеты: не всегда выверена дискография, довольно субъективен подбор музыкантов (например, непростительно мало представлено групп и солистов из Прибалтики). Но это все же поиски лучшего по сравнению с хорошим. «Энциклопедия» дает тот минимум справочного материала, о необходимости которого так долго говорили любители рок-музыки. По крайней мере у одного из авторов «Энциклопедии» задолго до ее выхода уже была всеобщая известность. А.Бурлака, можно сказать, обеспечил себе место в истории отечественного рок-движения как редактор, издатель и вдохновитель «РИО» — одного из лучших самиздатских журналов. Очень хочется надеяться, что составление энциклопедии, а также работа на посту главного редактора ленинградской «Мелодии» не отобьют у него охоты продолжать журналистскую работу.

А.Г.

P.S.: ВИДЕО

Ведет Андрей ГАВРИЛОВ

НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ...

«Гамлет»

США, реж. Ф. Дзеффирелли

Из Мэла Гибсона, кажется, мог бы получиться Гамлет. Из Глен Клоуз, очевидно, могла выйти Гертруда. Алан Бейтс, наверно, — неплохой Клавдий. Если бы не одно большое «но». Если бы не Франко Дзеффирелли. Знаменитый итальянец слепил плоский, пустой, очень поверхностный фильм. Не приходится говорить даже об авторской трактовке. Она отсутствует. Нет мыслей, нет чувств, нет философии — есть только торопливый и в то же время затянутый пересказ сюжета, который, в общем-то, нам всем неплохо знаком.

ОДИН, СОВСЕМ ОДИН

«Один дома»

США, реж. К. Коламбус

«Один дома» — сенсация американского проката. Вряд ли кто мог предположить, что за неполный год фильм соберет 280 миллионов долларов. Тем более что ни сюжет, ни его воплощение на экране не дают для этого ни малейших оснований. Дурацкая сентиментальная история о мальчике, которого родители, улетая в Париж, забывают одного дома, а в дом хотят залезть воры, а вокруг дома ходит человек, про которого говорят, что он маньяк-убийца... В общем, полная лабуда. Два момента спасают картину: сцена борьбы малютки против незадачливых грабителей, решенная в духе «Вождя краскожи», и игра главного героя — десятилетнего М.Калкина. Его гонорар за эту роль выразился семизначной цифрой.

Дневник И.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ПОРТРЕТ

НЕКРОШЮСА

С «НОСОМ»,

или ИЗЪЯН

Не пойду беседовать с Некрошюсом. Не могу. Он легенда. С легендами не беседуют. Их изучают и интерпретируют. В конце концов я не видел спектаклей. Над подобными интервьюерами смеются, и поделом. То, что спектаклей этих в Москве не видел никто, кроме истеблишмента и бомонда, не оправдание: надо было ехать в Литву. Нет, не пойду. Ограничусь слухами.

ЧТО Я СЛЫШАЛ

Что родился Некрошюс, как заведено у великих, в провинции, а точнее — на литовском хуторе, 17-ти лет приехал (по другой версии — *пришел*) в Вильнюс и поступил на актерский факультет консерватории, на курс главного режиссера Вильнюсского театра молодежи Дали Тамулявичюте, которая, разглядев в первокурснике режиссерское дарование, отправила его через год в Москву, в ГИТИС к Андрею Гончарову.

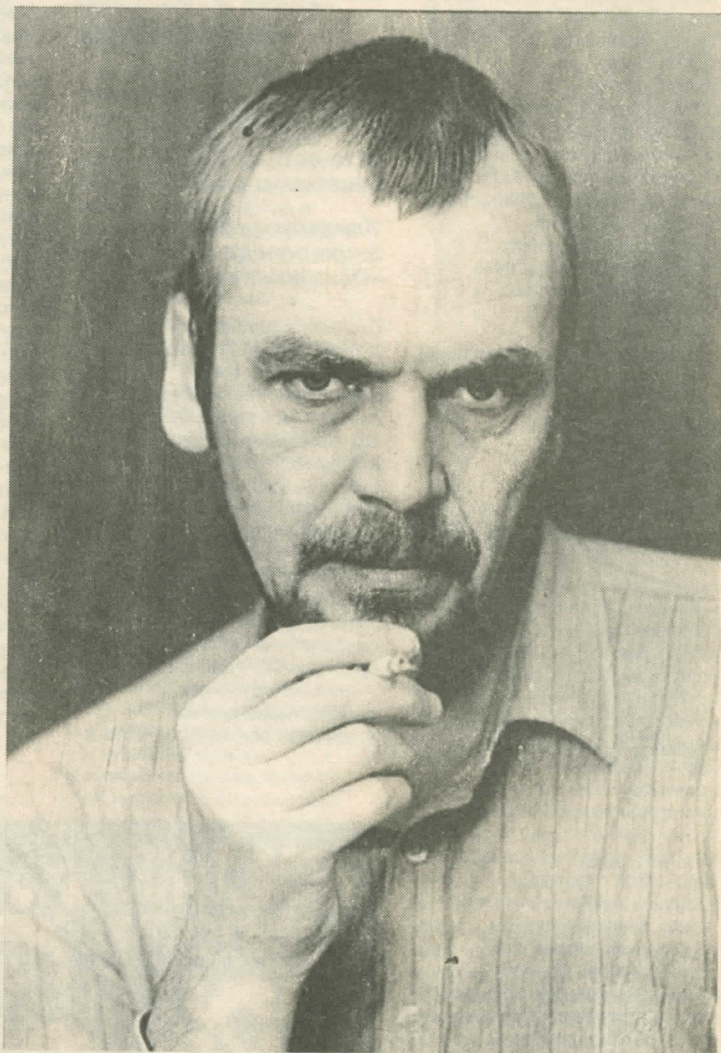
Что, окончив ГИТИС в 1976 году, молодой режиссер повадился раз в год-два выпускать спектакли и буквально каждый из них, вздымая планку все выше и выше, нес по городам и весям молву о маленьком молодежном театре и хмуром уроженце хутора, которому отец отказал в благословении на жизненное дело, поелику продукт этого дела нельзя-де «потрогать руками».

Что, наконец, замолчавший почти на 4 года после четырех спектаклей,

ставших «классикой 80-х» («Квадрат», «Пиросмани, Пиросмани...», «И дольше века длится день...», «Дядя Ваня»), Некрошюс выпустил в нынешнем году новый опус — «Нос» по Гоголю. И что, отправляясь в Литву, причастные к театру люди первым делом совершали паломничество в Государственный театр молодежи, а возвращаясь, странно пожимали плечами, и что нынешней осенью он приедет в Москву показывать этот самый «Нос». Что молчалив Некрошюс настолько, что это отдельная легенда, и вот потому-то я и не пойду брать у него интервью...

— *С каким ощущением вы приехали из независимой Литвы в Москву? Как за границу?*

— В кавычках, конечно...

— *Москва, вы хотите сказать, все равно родной для вас город?*

— Да, конечно. Я влюблен в мою Москву — правда, в ту, в которой я учился.

...А уже мы сидели в тесном, как чулан, гостиничном номере и курили, стряхивая пепел в молочную бутылку, и я вспоминал виденное накануне.

ЧТО Я ВИДЕЛ

Видел огромную, похожую на доисторическую бабочку, почтовую карточку («postcard»), косо парящую над сценой, — на ней было выписано: «Peterburg N.Gogol». Видел пять мусорных ящиков, одну лестницу и один сундук — на нем высился ад-

ресат почтовой карточки, руку заложив за борт сюртука, — сам себе памятник. Так начиналась игра: Гоголь покидал постамент, тряся в безумной пляске, выкрикивая нечто о русском народе. Начиналась история болезни, где смерть — правильный и благополучный финал. Переменяемые причитаниями памятника-параноика, возникали на сцене болезненные эманации каменного его воображения: пухлый летун «майор Ковалев» заигрывал с визгливыми дамочками, сидящими в мусорных ящиках, «православный хорал» переходил в строгий приговор: «Amputatio! Castratio!» Цирюльник-немец, рассуждающий за бритьем дамских ног о Пушкине, приводил приговор в исполнение: топором отрубал майорский живоначальный корень — попросту член, а по Некрошюсу — Нос, каковой начинал жить отдельной жизнью, пить водку, заглядывать дамам под юбки и третировать бывшего своего хозяина. После многих перипетий «правильный и благополучный финал» наступал: Грядущим Хамом вставал над толпой отвратительный Нос, запевал гнусавым голосом штампованного дуче дерганую мелодию Дегейтера, дошло в судорогах «обчество», посадившее в клетку лишённого гениталий инакомыслящего и праведника «майора». В это же время оказывался достигнут и «памятник»: двое — гибкий, вкрадчивый Доктор, неистовый ревнитель коленных рефлексов, и цирюльник-мясник — хватали безумца, трепетавшего писчими перьями, слово крылышками, и — крылышки те ему обрезали. Падал

Гоголь, подранком колотился о сцену, вскакивал и вопил; белой летучей мышью появлялась на сцене необъятная смирительная рубашка, она же саван, — бесноватого завертывали, выносились на сцену «stairs to heaven» («Лестницу, поскорее давайте лестницу» — были, говорят, последние слова Гоголя), подножие памятника становилось гробом, из гроба продолжали раздаваться рыдания. Все. Можно вздохнуть с облегчением. Можно спросить:

— Скажите, а что вы делали эти без малого четыре года? Почему не ставили спектаклей?

— Не хотелось... Депрессия такая наступила... Тут, конечно, включилась и политика, очень увлеклась печатью, всеми событиями... Гораздо интереснее все было в газетах, на улицах, чем в театре, и я посчитал, что это ерунда — заниматься театром.

— Полагаете, что, когда пушки говорят, музы молчат?

— Молчат. Должны молчать.

— Даже должны?

— Как-то неудобно, когда люди жертвуют собой, приходиться на репетицию и заниматься чепухой какой-то. «Анализировать психологию лягушки».

— Так вы политикой занимались?

— И политикой тоже. Был членом «Саюдиса». Еще, правда, поставил чеховского «Иванова» на литовском ТВ. В театре репетировал «Короля Лира». Сделал первый акт и почувствовал, что дальше не могу. Хотя многие смотрели и говорили, что очень

Фото Виктора БАЖЕНОВА

интересно, но... «что-то кончилось». Как у Хемингуэя, помните?

В спектакле «Нос» есть интермедия: появляется нарочито дряхлый король с метлой в качестве скипетра и в сопровождении трех дочерей, разыгрывается взбалмошная пародия на первую сцену шекспировской трагедии, оканчивающаяся тем, что бесприданницу Корделию соглашается взять в жены Нос. Лукавым образом этот в меру направленный добродушной самоиронией «капустник» по неосуществленному (неосуществимому?) замыслу становится тем, без чего все действие превратилось бы в тягостный морок бессистемно сменяющих друг друга антре («православное богослужение», «русский балет», «итальянская траттория», «Пасха», «дуэль»). Он позволяет понять общий принцип, по которому лоскутья спектакля сшиты в одно чудовищное одеяло: *наоборот*. В самом по себе карнавальном принципе инверсии нет ничего необычайного; необычайно и пугающе то, что в спектакле Некрошюса *ничто* меняется с *ничто*. Отсутствие множится на невозможность. Фарс присваивает себе пространство мистерии.

Получается пародия без пародируемого объекта, подтекст без текста — «из ничего выходит ничего» по тому же Шекспиру. Вспомним ту пьесу, где по ходу действия также играет «старая драма». Там спрашивается: «Что нам Гекуба? Что мы Гекубе?» Ничто, отвечает Некрошюс. «Вертер» написан, и пусть его — страдания этого юнца суть «психология лягушки». Искусство невозможно, отвечает Некрошюс, поскольку невозможна жизнь.

— **А как вы решили ставить «Нос»?**

— Не знаю. Вдруг вспомнил. Где-то в поезде или на отдыхе. Даже не перечитывая, не имея текста под рукой, сказал себе: вот это я поставлю. Поставил очень быстро, с необычайной для себя скоростью, очень легко. Попало под настроение — и политическое, и душевное... Я подумал, что надо людям и отдохнуть, и посмеяться. Немного развлечься.

— **Вы думаете, что ваш спектакль развлекает?**

— Я хотел бы! В Литве очень бурно реагируют на текст — он такой актуальный, острый. Гоголевский. В Швейцарии мы были со спектаклем — там то же самое. А здесь — очень сдержанно, я удивлен. Может быть, перевод плохой...

«Реагируют на текст»! Прошлые его спектакли славились своей красноречивой немногословностью. А здесь — слова, слова, слова. И нет за ними дальнейшего — молчания. Почему? Надо обдумать.

О ЧЕМ Я ДУМАЛ

О том, как «скучно на этом свете, господа». О том, «как плохо мы живем». О Гоголе, который так боялся каталепсии, что завещал похоронить себя только тогда, когда покажутся явные признаки разложения, а молва до сих пор говорит, что случилось именно страшившее его. О Боге думал и о Черте.

Программа «Носа» уснащена цитатами из Розанова, Мережковского, Евлахова — мыслителей «серебряного века», обнаруживших в Гоголе универсальное пространство для столкновения леденящих душу эсхатологических антиномий, пространство смертельной борьбы Христа и Антихриста, «гениального ума» и «простого сердца», «души художника» и «души моралиста». Гоголь-мистик, Гоголь-провозвестник конца времен, Гоголь-фантом, птичий мерцающий абрис в мираже петербургских туманов... Как странно и страшно, что в спектакле Некрошюса все это воплощено — в клинику, в карикатуру не то на Владимира Ульянова, не то на Адольфа Шикльгрубера, в бесноватого «испанского короля», в череду жутких ухмылок над тем, чего уже нет, и над тем, что нельзя постигнуть. Нет больше запретов, все позволено. Слава сценической коробке, которая одна в своих рамках удерживает нас от безумия.

— **А теперь ситуация изменилась? Теперь можно заниматься театром?**

— Ну, конечно, изменилась... Сейчас надо делать искусство. Чистое искусство. Но это тяжело. Тяжелее, чем раньше.

— **Почему?**

— Раньше хватало подтекста. Грех даже сказать, что вот, мол, мешали... КГБ там или партаппарат. Ну, приходили на просмотр, говорили: вот эту сцену выкинуть. Я никогда не спорил, говорил: хорошо; переделывал — и выходило даже лучше, чем было. Тоньше. Художественней. И они были довольны, и я доволен. Я никогда не шел на грубые споры с властями. Ну не нравится, так не нравится, переделаю — а что мне?

— **Результат важнее?**

— Конечно! Мог бы кричать, получать диссидентские «очки». Даже нехорошо говорить, но теперь гораздо труднее. Все хотят услышать от меня, что вот сейчас-то и будем работать. Раньше, мол, была мука, а вот сейчас... Нет. Это палка о двух концах.

— **Видимо, можно сказать, что секрет обаяния вашего творчества был во многом в глубокой «советскости» ваших разноплеменных героев, будь то Пиросмани, Едигей или Астров. Тексты были разные — подтекст один. Так?**

— Да, пожалуй.

— **Советская мифология — тоже мифология. По «Носу» видно, что она «устала».**

— Угу.

— **Да и мифологическое пространство русского XIX века вряд ли вам близко.**

— Да, да, вы правы.

— **Что же делать? Может быть, в «Лире» удастся что-то найти?**

— Ну я ведь говорю: я потому и остановился, что не нашел там соприкосновения с сегодняшним днем. Получалась «вещь в себе».

— **Так что же делать?!**

— Не знаю, что делать.

— **А что вы собираетесь ставить дальше?**

— «Кармен» Мериме.

— **Чистые страсти?**

— Ну да. Попробую, что выйдет.

Я рассказывал ему о том, что вышло: о модном спектакле Романа Виктюка, и, хоть убей, не мог вспомнить названия. Фрейд объяснил бы это вытеснением отрицательных эмоций. Впрочем, я, вероятно, заблуждаюсь. Наверное, и вправду «чистое Виктора искусство» нынче не в Шекспире. И не в Гоголе, конечно.

Как страшно сегодня увидеть в Гоголе один только *изъян*, «...недостаток того, что у всех есть, чего никто не лишен», который так больно ранил Розанова. Как страшно облеечь этот *изъян* в глумливые одежды квазиметафоры. Боже, не «лучше» ли, не «честнее» ли «прямо» сказать: да, товарищи (господа?), не в порядке было у Гоголя...

Изъян — это пустота. Это когда что-то изъяли и ничего не осталось. Проклинай, молитесь о том, что было, — теперь нет и этого. Где нам до Гоголя, где нам предугадать, как его слово отзовется. Где нам, когда у нас он — *изъян*.

Юрий ДАВЫДОВ

МАЛЬЧИКИ

Из «Лефортовских зарисовок»

В авангарде перехода к рыночным отношениям выступает Словесность. Позабыв приличия почтенного возраста, мадам щеголяет бижутерией, как девка. Умаешься, перечисляя кричащие названия. Но честная коммерция требует соответствия этикетки товару. Посему сообщаю нижеследующее: Мои зарисовки, хотя в большинстве и лефортовские, вовсе не тюремные. Никаких чекистских тайн, никаких сенсаций.

Доходнее бы, конечно, про Лефортово. О, незабвенная тюрьма за Яузой, там некогда бывал и я. Увы, вспоминать стыдно: заикался от страха перед майором-следователем.

Годы спустя сам себя назначил следователем — в Лефортовском дворце, где архив военно-исторический. Корпел и в немосковских архивах.

Понятное дело, усидчивость не предмет для гордости, но без нее не возникли бы сюжеты, собранные ныне под одной крышей. Подчеркиваю: сюжеты документальные.

В подобных случаях В.В.Набоков презрительно усмехался: литератору просто-напросто не достало ума самому придумать какую-либо историю...

Большие батальоны всегда правы. Классики тоже.

Придворных карет на месте не оказалось, будущего Царя Освободителя усадили в разгонную, извозчичью, с жестяным номерком.

«Пшел!» Из Аничкова выехали, свернули налево. «Гони!»

Мальчик отродясь не ездил на ваньке. Ход был грубый, пахло лакейской. Папенькин адъютант зябко поводил плечом. Мальчику тоже было страшно.

Фонари не горели на Невском. Странно... В Аничковом из окон детской Саше нравилось следить артикулы фонарщиков. Фертом взлетают по легонькой лестничке, ныряют с головой под рогожку и там, в затишке, действуют, словно солдаты по команде: «К заряду!» — и вот уж на столбе сидит сова в радужном нимбе. А на панели затевают чехарду тени-коротышки, а тени длинные вышагивают на ходулях... Фонари не горели, потемки глотали стук колес.

На Дворцовой площади прошли карету ледяные сквозняки. По кожаному верху прошлась, как веник-голяк, снежная крупка.

Минута, другая — и они в Зимнем.

Государь кивнул адъютанту: «Спасибо, Кавелин». Мальчик всхлипнул. Государь стиснул его ладошку: «Не сметь, Саша!»

Фото А. Соловьева

Мальчику хотелось к бабушке. В покоях, равномерно натопленных, розовеет барвинок — источник целебных настоев. Мальчику стало жаль самого себя. Но не такой жалостью, какую он испытывал, когда простуживался, а бабушка, сидя в креслах, пришепечывая, говорила с ним по-немецки, и он жалел себя уютно. А нынче не так, иная нынче была жалость.

Сашиным тайным, но почти неосознанным, желанием было желание обольщать. Чтобы все любили, все восхищались. Казалось, все любят, все восхищаются. Но в

гадкой карете проняло ознобом обмана. Гукнул, как в дымоходе, косматый; гукнул, грозя несчастьем.

«Идем», — сказал государь, не отпуская ладонь наследника.

Свечи чадили, камер-лакеи разевали рты. Странно... Свечной нагар должны снимать немедленно; рты разевать — признак глупости, запрещенный и во фрунте, и в анфиладах дворца. А эта лестница гадко наслежена. Нет, не к вдовствующей императрице шли они.

В сей понедельник, 14 декабря 1825 года, на Большой дворцовый двор прибыл лейб-гвардии Саперный батальон. Велика империя, а нет другого батальона, столь преданного Николаю. Промедли саперы, мятежники вломились бы в Зимний.

На дворе вразмах костры пылали, жадно жрали вялый снег. Солдаты, греясь у огня, пихались плечами, хлопали друг друга по загривку. Эх, протащить бы по чарочке.

Но вот офицеры, выслушав батальонного, устремились, придерживая сабли, к своим ротам. Минуты спустя двухсаженный полковник, вприщур оценив безупречность каре, оборотился — весь ожидание — к подъезду, и в эту же сторону склонил ветер черный султан на шляпе батальонного командира.

Лишь на последней ступеньке лестницы Николай сообразил, что Саша не в темно-зеленом саперном мундирчике, а в красном, гусарском. Неуместно! Медлить, однако, не приходилось, государь подал знак камердинеру, тот подхватил наследника на руки.

Двери распахнулись, прянуло холодом, донесся треск костров, сухой и отчетливый, схожий с ружейным. Батальон, слитно лязгнув, взял «на караул».

— Ребята! — крикнул Николай, привстав на носки. — Ребята! Любите моего сына, как я люблю вас!

Замкнутое пространство претворило троекратное «ура» в перекатный гул. Георгиевские кавалеры, обнажив головы, подходили к наследнику, прикладывались к ручке. Мальчик ежился, мальчику хотелось пи-и-исать.

Коня! Николай сел и поехал на Сенатскую.

В сей понедельник, 14 декабря 1825 года, Гвардейский флотский экипаж вышел из казарм на Екатерингофском самовольно. Вышел со знаменем, в кожаных сумках с накладным медным якорем — шестьдесят боевых патронов. И припустил полубегом, сто десять шагов в минуту.

Били барабаны, били громко, потом разом смолкли. А Губастик знай насвистывал прозрачно и ясно, наперекор ненастью. Капитан-лейтенант без шинели, мундир распахнут, сабля наголо, быстролетно улыбнулся мальчику: «Ай да снегиры!»

В штатной ведомости этот «снегирь» значился Федором Андреевым. Вообще-то таких, как он, не трудясь за поминанием, звали Федулами. «Федул, чего губы надул». А еще звали Губанами, Губарями, Губастиками. «Губы толсты, ступай во флейщики»... Во флейщики, а не флейтисты. Те, музыканты партикулярные, не «флейта» проносят, а на манер италийский: «Flauto». В оркестрах же военной музыки служили малолетки из солдатских детей.

На улыбку штаб-офицера мальчик в кивере с ярко-красным, как грудка снегиря, султанчиком отозвался снегириным «рюм-рюм-рюм», звук этот на мгновение опечалил капитан-лейтенанта. Дома, на Васильевском, матушка держала певчих птах, снегирей любила за простодушную доверчивость. А этот Федул-Губан опять насвистывал в среднем регистре. «Что ты заводишь песню воену флейте подобно, Снегирь...»

Едва расщелилась Галерная улица, налетела ребячья стайка, семенила вприпрыжку, выскакивая навпередки, одаряла флейщика восхищенной завистью. Всегда это было лестно, а нынче вдвойне — Губастик краем глаза видел «кульера».

И верно, то был рассыльный из «Общества дилижансов». На прошлой неделе имел он поручение к г-ну Кюхельбекеру; г-н Кюхельбекер квартировал у младшего брата, флота лейтенанта.

Мальчик на побегушках при виде флейщика-сверстника не ударил лицом в грязь: титуловал себя «кульером». Ха! Курьеры при министерствах, а не в частных заведениях. Да ладно уж. Федор Андреев, человек военный, снизошел к слабости, провел скорохода в офицерский флигель. Тем бы и кончилось, не вступи они в беседу. Это на обратном пути кульера, за воротами. Тотчас и обнаружилось несогласие.

Вся штука в том, что флейщик объявил: наш, мол, лейтенант ходил вокруг света на шлюпе «Аполлон». Сказано было весьма ловко, эдак горделиво-скромно-намекаяще: дескать, и я, Андреев Федор, находился на палубе «Аполлона». Однако кульер не приспустил флаг. Парировал: «Вкруг света и хилому влодым, а ты, брат, попробуй-ка из Питера аж в Москву». Тоже, знаете ли, сказано было ловко: будто кульер, когда захочет, надевает плюсовую поддевку и княжит на облучке дилижанса. Губан смерил кульера уничижающим взглядом и пропел: «По ухабам трюх-трюх, лошаденка пук-пук» — и выдвинул муртиру корабельной философии: «Кто в море-окияне не маялся, тот Богу не маливался. Месяцами без берега!» Посыльный усмехнулся: «Месяца-а-ами. Сталось... Нет, ты пойми, голова, у нас не шлюп какой-то, а скорая карета: семь ден — и Белокаменная!»

Может, и подрались бы, да схлопотали подзатыльники от вахтенного привратника. Разошлись, недовольные друг другом. А сейчас, на марше, флейщик, освещенный ребячьей завистью, был очень доволен.

Но вот по знаку своего старосты барабанщики мгновенно-округлым движением выпростили из гнезд в медных бляхах барабанные палочки, тугая телячья кожа отозвалась дробным раскатом, и флотский экипаж, батальону равный, хлынул из горловины Галерной улицы на Сенатскую.

Небо сразу раздалось широко, нараспашку. Толстые тучи, орудийно клубясь, порошили острыми снежинками. Слева поодаль державный конь на Гром-камне хрипел, оседая крупом. Пропать чуял?

Грозные знаменья оставались, однако, незамеченными. Никто не знаменовался щепотью ни в мятежных полках, ни в тех, что присягнули Николаю. Гвардейский флотский экипаж развернулся фронтально на фланге сотоварищей-бунтовщиков из Московского полка и лейб-гренадерского. И вот она, огромная косморама противостояния. Тут бы изобразить перво-наперво конную гвардию, она уже недружно, без азарта атаковывала мятежников, да боязно потерять из виду мальчика с флейтой в озябших руках.

Флейщик Андреев Федор вспотел на марше, а теперь остыл, зазяб. Впору флейту за пазуху и крест-накрест хлопать по бокам, как ваньки-извозчики на бирже. И вдруг Губан отшатнулся, будто под нос пылающую головешку сунули: кавалергарды!

Нет, не примерещилось — двинулись на мятежников двумя эскадронами, вознося над гривами тусклый блеск палашей. Снегирь обомлел. Его сгребли в охапку и споро, словно в три гребка, убрали в тыл. Он слышал:

«В штыки надо, ребята. Кобыла на штык не пойдет!» — «Нет, дура лучше достанет, пулей надо, пулей». Он услышал выстрелы. А поворот эскадронов и как повалились кавалергарды с картинных коней, этого не увидел. «Ну, Федул, чего ж губы-то не надул?» Ах, стыд-то какой. Досадливо работая локтем, Губанчик стал продираться вперед.

«Ура-а, Конституция!» — донеслось из каре москвичей и лейб-гренадеров. Флотские тоже закричали: «Ура-а, Конституция!» Какая она из себя, жена великого князя Константина, никто знать не знал, лишь бы не с Николаем спала. Да и хрен с ней, с Конституцией, если внятн призв с высоты Сената, где статуя Справедливости.

А на крыше Сената и между колоннадой — труба нетолстая простолудино, питерские смешались с пришлыми. Эти вот — наплывные мужики — вперевод рядились с подрядчиками у Синего моста или у Казанского, а по весне, приладив котомки, возвращались в деревню; вздыхали: «Эх, Питер, бока вытер»... Но сейчас и они, пришлые, и питерские, здешние, в сумраке неразличимые, кричали служивым: «Не выдавай во-о-лю!» А Федор Андреев, флейщик, уже занял свое место рядом с барабанщиками и теперь нипочем, хоть тресни, в тылах не окажутся.

Три часа минуло, как в гулкой Галерной грянули барабаны, но никакого «приступа», никакого штурма не было, а были мрак, холод, нетерпение, недоумение, была пальба, внезапно возникающая и внезапно смолкающая, и опять в молчанку играли.

Вконец прозвб Снегирь, зуб на зуб не попадал. И под ложечкой змееныш посасывал, с утра не емши. На Екатерингофском в казарме тепло, кок-бобыль к нему ласковый; дух поварни ноздри тронул, флейщик 8-й роты головой мотнул, отчего красный султанчик на кивере встрепенулся.

Вверив мальчика-первенца Саперному батальону, государь верхом отправился на Сенатскую.

Бунт — следствие заговора, ведают, что творят. Осмысленный бунт заслуживает беспощадности. Видит Бог, почин злодеев. На Милорадовича, героя Двенадцатого, руку подняли, митрополита взащей прогнали. Он, государь, уговаривал чернь разойтись, сволочь вопила: «Ишь, мягонький стал!» Бог свидетель, почин злодеев. Брат Михаил сказал: картечью, картечью. Последний довод королей. Но легко ли русскому царю пролить русскую кровь? Увы, таков ход вещей. И все же он предпримет еще одну попытку словесного вразумления.

Он дал коню шпоры. Хорошо был подкован конь, не оскальзывался на гололедице. И не хрипел, как тот, медный, на Гром-камне.

Красный султанчик на кивере опять встрепенулся, звук безобразный услышал флейщик. Будто нотные знаки всех партитур сорвались с нотных станов и вязок — черные кружочки с черными хвостиками визжали, рассекая мрак, зззззз безобразн...

В реестре убитых 14 декабря 1825 года были указаны военные и невоенные, указаны и малолетки — девятнадцать душ. Великому князю Михаилу, брату государя, сказали, что одним из первых пал от картечи флейщик морского экипажа Андреев Федор. Великий князь опустил глаза.

— Несчастное дитя.

После кофию княгиня Ш-ва писала московской родственнице:

«Мы хорошо обережены, целый полк около нашего дома. Посылаю тебе ноты, очень красиво, особенно вальс».

Дом, хорошо обереженный, смотрел окнами на контору «Общества дилижансов». Оттуда по вторникам прибегал мальчишка. Княгинину почту любезно отправляли скорыми каретами.

Рассыльный так и не появился. Княгиня послала своего человека. Конторщик просил передать ее светлости, что дилижанс отправится завтра, в девять. Как обычно. Да-с, как обычно, по средам и пятницам.

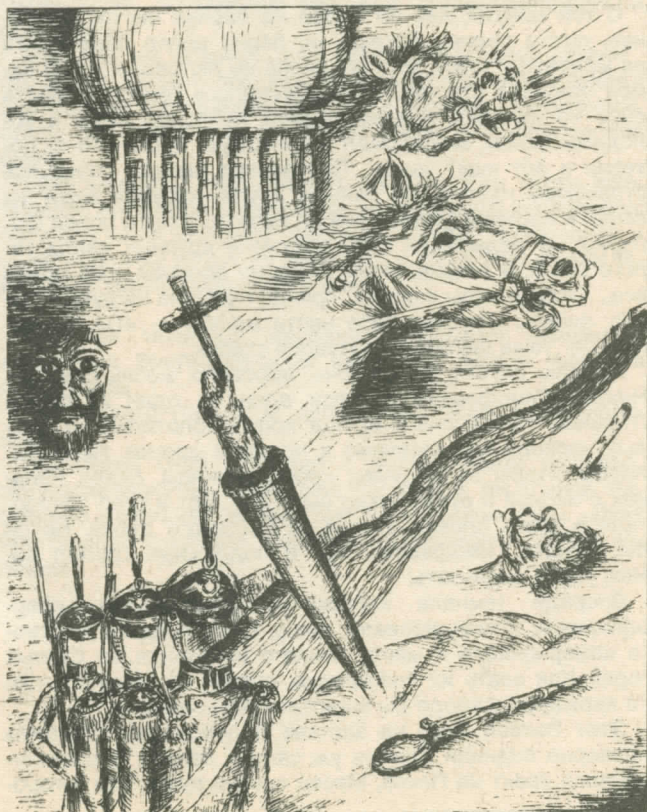
Никита Козлов, дворовый человек Пушкиных, присловившись к кафельной печке, рассказывал барину, сидевшему в креслах, о давешнем происшествии на Сенатской площади.

Началась пальба, все ударились бечь, он тоже; увидел мальчонку, весь в кровице, подхватил, такой легонький; бечь перестал, шагом, шагом пошел, сам и не знает почему; мальчонка на руках у него хрипит, что делать, куда нести, а кругом крик, визг. Ну, потом видит, помер парнишка, отдал душу, а куда нести, неизвестно; положил в сторонке, чтоб не затоптали, да, в сторонке, значит, у господского подъезда, как подкидыша кладут, прости господи. Ну и опять сломя голову, кругом крик...

Испуганно смотрел Сергей Львович на Никиту: истукан, ни голос, ни лицо не дрогнули. Батистовым платком тронул Сергей Львович влажные глаза и отослал Никиту с глаз долой.

Страшно подумать, эдакое идолице ходило за первенцем, когда тот был еще в пеленках... Несколько лет

Рисовал А. Заяц

назад кто-то из лицейских, однокашник Александра, прибил Никиту палкой — Александр тотчас потребовал сатисфакции; слава Богу, дуэль не состоялась... Глаза Сергея Львовича опять затуманились: наделенный быстрым чувствительным, он вообразил сына посереде картченного вихря. Счастье, истинное счастье, что Александр в Михайловском... Сергей Львович осторожным мизинцем тронул виски и брюзгливо обиделся на Александра как на всегдашнего виновника своих мигреней.

Статский советник, давно отставленный, жил на Фонтанке, напротив казарм Московского полка, где вчера мятеж поднялся. Никита Козлов жил при статском советнике, отнюдь не бунтуя, но об отставке помышляя. Вот ведь соседом купец-аршинник, у того не в пример лучше. Не в обносках вроде этого казакина; чаем полоскайся, сколько хочешь, не опивки достаются, нет, чай насыпной; с тюфячком, как первый блин, не бродят ввечеру, отыскивая где бы это на ночь преклонить голову... Но правду молвить, Никита Тимофеевич и худое житишко за барином-скрягой не променял бы на тягло в родимом Болдине. Ну а ежели в Михайловское, туда с полным удовольствием...

У Сергея Львовича пробыл он не столь уж долго, вернулся к Александру Сергеевичу. Годы и годы служил нерасстанно, из дядек был возведен в камердинеры. Старая, маялся поясницей, прихварывал, но попреков не слышал. Не обходилось, однако, без мнительной опаски. Молодые барыни, что новая метла, не любят старых слуг. Старик, случилось, упредительно ворчал нечто невнятное. Барин смеялся. А когда Александр Сергеевич расверкается зубками-то своими, хочешь не хочешь, а улыбаешься, как дурак.

Волоком волокло Никиту Тимофеевича к шестидесяти. Тут бы, думалось ему, тут бы, на Мойке, в доме этом и собороваться, принимая смертушку. А принял...

С той минуты, как он надел на барина чистое исподнее, потом принес бекешу, но барин велел переменить на медвежью шубу, хотя на дворе не лютовало, с той самой минуты у старика грудь стеснилась тревогой. Места себе не находил, прислушивался, припадал лбом к холодным окнам, заглядывал в прихожую, будто что-то потерял и вот ищет, ищет... При первых свечах, повинувшись страшному наитию, он раньше других кинулся вдруг из сеней к воротам, увидел чужую карету... Кто-то повел фонарем, на медвежьей шубе тускнули крупные капли талого снега, и старик, ничего еще не понимая, уже понял все... Откуда силы взялись, принял Пушкина на руки и понес, понес... «Грустно тебе нести меня?» — «Ты легонький», — тоже шепотом отозвался старик...

Неделю спустя, за полночь, морозило, месяц блестел, Никита Тимофеевич остался один на один с гробом Пушкина. Комья снега из-под копыт колотились о крыльях, наскоро прилаженные к простым дрогам. Надо было бы, чтобы на облучке, кроме возницы, сидел человек с иконой в руках. Надо было бы... Вот и гроб заколотили в ящик, словно сундук из Гостиного двора. Не он бы, Никита Тимофеевич, так и поддужный гремел бы. Нет, успел подвязать.

Впереди темнела кибитка с жандармским обер-офицером: командировали, вишь, препроводить мертвого камер-юнкера к месту вечного упокоения во Святых горах. Как звать их благородие, старик не упомянул, что каржавое и вроде бы впритык к Аракчееву.

Этот Ракеев явил на заставе подорожную, шлагбаум проворно подняли. Теперь уж свисти, заноси снегами — начался тракт на Псков. Месяц светил пуще, чем в горо-

де. Бу-ду, бу-ду — ударяли комья снега. Крепкий наст, мерцающий слабой голубизною, расчерчивали длинные черные тени жидких перелесков.

Старик дремал; очнувшись, вздрагивал, опять дремал, в минуту неуследимую в душе его сошлось, слилось давнее с недавним: легкость мальчика, убитого картечью, и вот это: «Грустно тебе нести меня?»

А там, впереди, где кибитка Ракеева, ботал валдайский колокольчик, кучерявая надпись по раструбу: «Купи, денег не жалеи, со мной ездить веселей... Купи, денег не жалеи, со мной ездить веселей...»

Потом явился столп огненный.

Было это на исходе года, гибельного для Пушкина. И после юбилейного молебствия в честь картечи, гибельной для мальчишек.

Огненный столп прошелся гулким жарким смерчем, выбрасывая длинные космы пламени, Зимний выгорел дотла.

Если и случалось императору Александру Второму вспомнить свой детский страх в день мятежа, то всякий раз в озарении пожара, хотя огонь бушевал много позже: мальчику Саше, спасенному от мятежников, тогда уж было почти восемнадцать.

Но детский страх, едва вспомнившись, перетекал по склону прожитых лет в мечтательность, сентиментальную и совершенно несбыточную. Так случилось, однако, не во дворце, давным-давно возобновленном, а здесь, в Ливадии, когда поздний вечер тушевал дочерна кипарисы, заодно усиливая гаремный запах махровых роз.

Еще цесаревичем, и, кажется, в год пожара Зимнего, он узнал, какую участь уготовили ему декабристы. Пусть не все скопом. Но был, был и такой проект: отца умертвить, мальчика короновать, править его именем; когда ж народ русский привыкнет к новому порядку вещей, он, государь, великодушно подпишет отречение и удалится в Пруссию.

Почему же непременно в Пруссию? Только это и возмущало теперь старого человека, бесконечно усталого от власти или безвластия, никак он не мог ни перевезать, ни замуровать фанатиков-бомбистов. В Пруссию? О нет, поселился бы здесь, в Ливадии — частное лицо, избавленное от покушений неумытых нигилистов, а вместе от больших и малых дворцовых выходов, Марсового поля и Михайловского манежа, от депеш, дипломатов, раутов, от министров, генералов, сенаторов, от бесконечных бумаг: «По указу его императорского величества...»

Старый человек сидел на веранде, рдел в темноте кончик сигары, старый сеттер Милорд, одержимый собачьим недугом, вздыхал и потягивался. Провожая взглядом падающую звезду, ловя пролет летучей мыши, Александр Освободитель хотел верить и верил, что его дядюшка, Александр Благословенный, променял в каны Сенатской шапку Мономаха на посох странника.

Старый человек, освободитель крестьян, хотел верить и верил в желанье свое и готовность освободить престол. Но Александр Благословенный, освободитель Европы от наполеонова ига, Александр Благословенный, сохраняя династию, загодя завещал корону младшему брату. Фанатики же бомбисты... Несуразно именуясь «Народной волей», они требуют Учредительное собрание, избранное свободно, всеобщим голосованием... Какая иллюзия, какой мираж. Воля народная исполнена, рабство пало по манию царя. А династия ведь тоже изб-

рана всенародно, но бомбистам никогда, никогда не станет внятнм бремя его, государя, семейной ответственности, фамильного долга.

Старый человек жалел себя давней-давней жалостью, как, бывало, в покоях у бабушки, где розовел барвинок. Но, боже мой, ему не хотелось возвращаться в Петербург, в Зимний.

Однажды за картами — играли в ералаш — он подумал, что безумцы откажутся от своих замыслов, ибо в извращенной натуре фанатиков есть, это надо признать, есть нечто рыцарственное. Он сказал об этом вслух и кротко улыбнулся замешательству партнеров. Сказал, что думал, но в том, что он так думал, веяла надежда на чудо.

На сон грядущий он часто перечитывал главу из Фомы Кемпийского «О пользе несчастий». В ту ночь с февраля на март он почувствовал не смиренное упование на царя царствующих, а душевную и телесную полноту бытия. Жить, жить долго и счастливо — так будет. Он погасил свечи, распахнул форточку и, не боясь простуды, всей грудью дышал. Весной пахло, весной, капелью.

«Судьба обрекла меня на раннюю гибель...»

Угрюмый студент бросил перо, сжал голову руками. Он не выносил, когда соседского мальчика душил коклюш. Ночью приступы кашля казались нескончаемыми. Угрюмый жилец неопрятного доходного дома в Симбирской улице не мог терять время — надо хорошенько выспаться. Он знал, что прикажет себе уснуть и будет спать крепко. Но прежде вот это...

«Судьба обрекла меня на раннюю гибель, и я не увижу победы, не буду жить ни одного дня, ни одного часа в светлое время торжества, но считаю, что своей смертью сделаю все, что должен был сделать, и большего от меня никто на свете требовать не может».

— Я так счастлив, что... Мне даже страшно, что я нынче так счастлив, — доверительно сказал государь генерал-адъютанту и улыбнулся кротко, как и вчера за игрой в ералаш.

Отправляясь в Михайловский манеж на воскресный, церемониально-торжественный развод караулов, он все еще ощущал ночной прилив душевной и телесной бодрости.

Генерал-адъютант провожал государя до Комендантского подъезда. Все было допожарным, таким, каким было полвека с лишним назад, когда гадкая извозчичья карета привезла испуганного мальчика из Аничкова в Зимний.

Как многих старых людей, Александра Николаевича посещали мгновения, которые он называл «зарницами»: отчетливо и вместе таинственно выхватывались из тьмы минувшего подробности, давно исчезнувшие, ощущения, давно утраченные. Он сознавал, что «зарницы» словно бы гонцы приближающейся смерти, однако нисколько не пугался, напротив, испытывал что-то похожее на благодарность, а подчас и умиление.

Правда, в сенях Комендантского подъезда он давно уж не встречал испуганного мальчика, да и сейчас не встретил, но с «зарницей» не разминулс: мальчики, мальчики, мальчики на зеленой царскосельской лужайке... Вдвоем с мамá они верхами принимали парад воспитанников сиротского корпуса. Детки были ровесниками ему, Саше; были и погодки, даже и грудные младенцы в белых рубашечках с красными погончиками. Малютки несли мамки в кокошниках, следом маршировали каде-

тики в военных курточках с погончиками тоже красными, а рядом выступали классные дамы в синих форменных платьях...

Все так же кротко улыбаясь, Александр Николаевич вышел из Комендантского подъезда и прижмурился — какое солнце.

Его ждал экипаж, единственный в Петербурге: обильно вызолоченный, лакированный иссинь-черным, остекленный зеркально, с коронами на граненых фонарях; нарядные, серые в яблоках лошади и статно-каменный кучер Фрол, известный, как эта карета и эти лошади, всему Петербургу.

— Через Певческий мост — в манеж, — весело приказал государь.

Экипаж покатился мягко и шибко. Конвойные лейб-гвардии казаки пустились аллюром; по-казацки сказать, побежали.

Через Певческий мост — в манеж. Какое солнце! Лужи талого снега вдрызг, вдрызг, вдрызг.

Было четыре пополудни, когда его внесли на руках в Комендантский подъезд. Он умирал, изувеченный бомбистом.

Неподалеку от места взрыва, в госпитальном покое сумрачного Шведского переулка умирал изувеченный мальчишка. И большего от него никто требовать не мог.

А мальчик с плетеной корзинкой?

Крестный дворничал в доме, что на углу Невского и Екатерининского канала. Ну, вы ж помните, там в первом этаже магазин Бойе... По воскресным дням мальчик пил чай у крестного. Сладкий чай с калачами и сайками. Вкусна-а-а. После чаепития благодарил, надевал картуз и уносил пару даровых калачей и пару саек... Да-да, вы ж помните, от Бойе — отличные замшевые перчатки, от Парамонова — хлебная торговля, одним погляденьем сыт будешь.

Мальчик не спешил. Шел себе, отсчитывая шажки; отсчитает пяток и поплюет на перила чугунной решетки Екатерининского канала. Нет, не замерзает лепешечкой, стало быть, весна не отступит. Такое вот наблюдение было.

Близ каменной стены Михайловского сада, тепло желтеющей, пригретой солнышком, его оглушило и ослепило, он закрутился волчком, закричал тонко: «Бо-о-ольно...» — но корзинку из рук не выпустил, а так с нею и упал замертво в бурю лужу талого снега.

Военный телеграф допоздна рассылал депеши о взрыве на Екатерининском канале и смерти государя императора.

Губернского города А. депеша достигла около полночи.

Полковник С-ов бостонил с гарнизонными офицерами. Полковнику не везло, шея багровела, он злился. Рассеянно глянув на депешу, процедил сквозь зубы: «Даст бог, лошади уцелели». Полковник-кавалерист любил лошадей.

ОХАЛЬНИК, МЕЧТАТЕЛЬ И БАЛАМУТ ГРИНЯ

Имя художника подсказало мне ключ. Прочтя монографию Флоренского «Имена», подтвердившую догадку о том, что имя — это тип личности, фамилию я восприняла как знак, символ. Кусочкин. Да ведь он — из рода русских бродячих артистов, зарабатывающих на хлеб талантом певца, музыканта, рассказчика и импровизатора.

Живет Кусочкин в старинной, милой Костроме. В центре города небольшая площадь с белыми колоннами Дворянского собрания и Мучными рядами. Кострома соразмерна человеку — теплая, лиричная, пряничная. Переполненная ею, я и пришла к Кусочкину.

— Гриня, — протянул он с порога могучую ладонь, сверля небольшие умными глазами, и провел в мастерскую. Он — художник-самоучка, живопись занялся уже после тридцати. С ходу, легко, без тени рисовки показывает картины, которые пока еще остались в мастерской. Десятки их ушли в разные концы земли — Кусочкин расстается со своими работами беззаботно: «Пришли люди, деньги предложили, я как раз в субботу с похмелья был, ну и отдал».

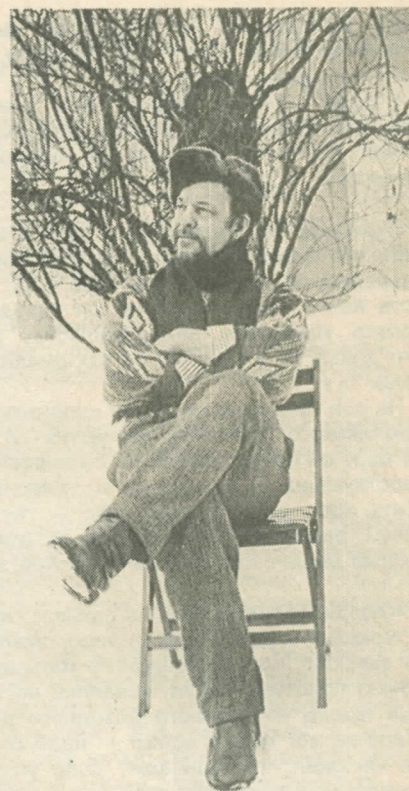
Показывать Кусочкин начинает с серии «Разбойное нападение», как он ее окрестил. «Родной сюжет», — замечает художник. Что ж, какая же Русь без разбойников? Удаль молодецкая, гулянье, горки, питье; все дышит ярмаркой и балаганом, веселой сказкой. Все в движении, в порыве. Все летит, несется с блаженной или мечтательной улыбкой, беззаботное, бесшабашное, вытаращив синие свои зенки, рядом с вертолетами, коврами, воздушными шарами и Змеями Горынычами. Кусочкинская деревня *Высотуха* на облаке намекает на возвышенные свойства русского человека. Ну а *пролетуха*, родственная слову «пролетарий», саркастически усмехается над тем, как у бедолаги все то пролетает мимо рук, не задерживается ни в доме, ни в государстве, все дымом да прахом...

Прирожденный художник, Кусочкин часто идет от сильного цветового впечатления. «Похищение красного самовара» — яркое пятно в центре, экспрессивный красный цвет захватывает, увлекает вихрем, «торчит». Он настолько органичен, что вызывает чувственное наслаждение. И в то же время цвет соответствует импульсивному ритму современности, переходя порой в кровавое марево, разлившееся над нашей историей. Как, например, в полотне «Демократия уже не девочка», где Демократия, расхристанная и опозоренная, захватанная, как публичная девка, лежит с раскинутыми ногами на кумачовом, плакатном фоне. Она похожа на глиняную копилку с отбитым дном — образ многослойный и многозначный.

Это не лубок, в котором все наивно и плоско. Творчество Кусочкина вовсе не примитивно, как может показаться кому-то с первого взгляда. В его картинах — приметы острого ума, наблюдательность, а порой — и довольно серьезные обобщения. Сам он такие картины называет «идейными», пародируя «идейность» нашего недавнего кондового соцреализма. И тексты к картинам он сочиняет сам. Только к одной «Демократии» у него шесть стихотворных вариантов подписей, один другого насмешливей да горше.

*Демократию свою
ни за что не продаю.
Нынче вечером как раз
мне она что хочешь даст.*

Частушка — родная стихия Григория, он тут как рыба в воде. «Частушек я придумываю сотни по две-три в день. Мама у меня шибко говорливая и все песни народные знала. На свадьбе, на празднике мы первые запевалы были, я через это прошел, лет с шести-семи пел песни. Но еще больше люблю сам сочинять. Такая, например:
*Мимо ангел пролетел,
не пойму, хоть тресни, —
как он ухарски подпел
да испортил песню.*

Летит ангел в виде амура, сзади из пухленьких ягодиц дымок и надпись: «пук!». Насмешник Кусочкин, охальник. И ведь не только над родными сюжетами балагурит, у него и «Три грации» — три «амбальские бабы» и подпись: «Васька — ангел-баламут им устроил самосуд», т.е. суд Париса. Для Кусочкина нет «чужих» сюжетов, хоть Библия, хоть греческая мифология, хоть русская сказка — все свое, родное, все органически переваривается и осваивается в стиле, условно говоря, Ивана-дурака. Но его аллегории не так бесшабашны и веселы, как кажется на первый взгляд. Вещая жука клюет на шмат колбасы; Горыныч, летя по небу, задыхается в клубах химических дымов из заводских труб; сирены купаются в тазиках с инвентарными номерами, как в казарме. Антиутопия взамен чуда?..

Что ж, может быть, именно такова новая народная мифология, которую воплощает в своих частушках Гриня Кусочкин — костромской баламут, ерник и мечтатель.

Ольга ЩЕРБИНИНА

«Вперед заре навстречу»

«Васька — змея победитель»

индекс 73746

МОСКОВСКИЙ БАНК
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ

БАНК
РСФСР

**СИМВОЛ
НАДЕЖНОСТИ**